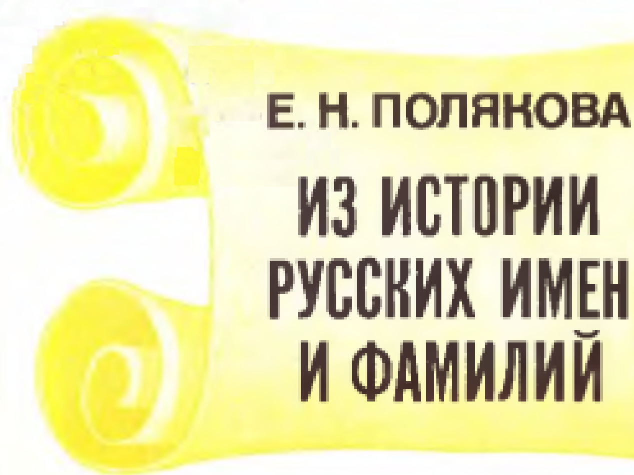

Е. Н. ПОЛЯКОВА

ИЗ ИСТОРИИ РУССКИХ ИМЕН И ФАМИЛИЙ

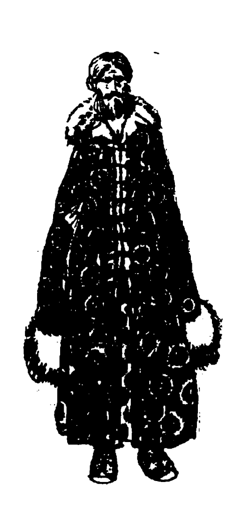
КРИВ
МАЛ
ДОБРЫНЯ
ОЛЕГ
КОЩЕЙ
НЕХОРОШКО
РОГНЕДА
ГОРИСЛАВА
ЩУКА
ВОЛК
ХАРИССА
ПРИСКИЛЛА
ИЕРАКС
АЛЕКСАНДР
ГЕОРГИЙ
НАТАЛЬЯ
МАРИЯ
ИВАН
ЛАГШМИВАРА
ОКТЯБРИНА
ВЛАДЛЕН

Е. Н. ПОЛЯКОВА

ИЗ ИСТОРИИ РУССКИХ ИМЕН И ФАМИЛИЙ

Книга для учащихся

МОСКВА «ПРОСВЕЩЕНИЕ» 1975

4Р
П 54

Полякова Е. Н.

П 54 Из истории русских имен и фамилий. Книга для учащихся. М., «Просвещение», 1975.

160 с ил.

Книга посвящена истории имен, отчеств, фамилий, прозвищ русских людей — от древнейших времен до наших дней. Она предназначена для учащихся старших классов.

П $\frac{60601-476}{103(03)-75}$ 207-75 4 р

Вашего знакомого зовут *Александром Ивановичем Щукиным*. Прислушайтесь, как именуют его в различной обстановке близкие и малознакомые люди, ровесники и неровесники. Пока он был маленьким, ходил в детский сад или школу, родители называли его *Шуриком*, *Саней*, *Санечкой*, воспитатели и учителя — *Сашей*, *Сашей Щукиным*, ребята в классе — *Щукой*, а ребята во дворе — *Саной*. Но вот он стал взрослым человеком, а его по-прежнему зовут по-разному: близкие люди — *Саней*, *Сашей* и даже шутливо *Щукой*, на работе, в официальной обстановке — товарищем *Щукиным*, *Александром Ивановичем Щукиным* или *Александром Ивановичем*. И снова у одного человека несколько именований. П о ч е м у?

Учителей, врачей, инженеров, агрономов, рабочих — людей самых различных профессий в деловой обстановке называют обычно по имени и отчеству, а иногда и по фамилии. И никто не скажет в выступлении на педсовете или научной конференции: «Преподаватель литературы Алексей Трошин» или «Профессор Юрий Петров». Это неуважительно. Их назовут *Алексеем Григорьевичем Трошиным*, *Юрием Андреевичем Петровым*. Но каждый день мы читаем на экранах телевизоров в конце передачи «Время»: «Дикторы Нонна Бодрова и Игорь Кириллов» или «Дикторы Анна Шатилова и Евгений Суслов». С афиш на нас

смотрят надписи: «Поет Елена Образцова», «Играет Валерий Климов». По радио мы слышим: «Вел передачу Виктор Татарский», «Поет Александр Ведерников», «Читает Игорь Ильинский». Отчество в таких случаях не употребляется, но в этом нет ничего неуважительного. Называть на работе учителя, врача, инженера, агронома лишь по имени и фамилии не принято, а актера на сцене — его рабочем месте — именуют так, даже если это народный артист и очень уважаемый человек. П о ч е м у?

В классе учатся три девочки, каждую из которых родные и близкие называют *Лялей*. В классном журнале записаны их совершенно разные полные имена: *Лидия*, *Елена*, *Марианна*. Полных имен несколько, а неофициальное, неполное к ним одно. В соседнем же классе три *Ольги*, но ребята называют их по-разному: *Оля*, *Лёля* и *Ляля*. Одному полному имени соответствуют три неполных. П о ч е м у?

Отряд студентов с преподавателем выезжает в северную уральскую деревню изучать особенности местного говора. Хозяйка дома, в котором поселились приехавшие,— пожилая женщина, местная жительница — называет преподавателя в отсутствие студентов только *Еленой*, а при них только *Николавной* и никогда не обращается к ней по имени и отчеству сразу. А узнав при более близком знакомстве, что у преподавателя есть муж по имени *Юрий*, она замечает: «А звать-то тебя по-нашему Юрихой». П о ч е м у?

В древнерусских памятниках письменности XI—XV веков — берестяных грамотах — встречаются такие имена русских людей, которые не употребляются сейчас: *Завид*, *Невер*, *Ерш*, *Доброжир*, *Репих*. Но попробуйте найти в них *Лолиту*, *Анжелику* или *Жана*. Бесполезно искать, не найдете. А имена *Ольга* и *Владимир* известны на протяжении всей письменной русской истории. П о ч е м у?

Девочку назвали *Гориславой*. Соседи удивляются необычному сейчас имени: «Не могли назвать как-нибудь по-русски — Ирой или Аней?» И действительно, *Ирина* или *Анна* звучат как-то привычнее, чем *Горислава*. Но если заглянуть в историю этих имен, то окажется, что на Руси более древним и как раз русским (вернее — древнерусским) было *Горислава*. *Ирина* же — имя древнегреческое, *Анна* — древнееврейское по происхождению. Много наших современных имен пришло из других языков: *Ольга* и *Игорь* — имена скандинавские по происхожде-

нию; *Карп*, *Зинаида* и *Зоя* — древнегреческие; *Иван*, *Яков*, *Михаил* и *Мария* — древнееврейские; *Лаврентий* и *Капитолина* — древнеримские. Но уже много веков их совершенно справедливо считают русскими. Почему?

Почему в «Слове о полку Игореве» жену князя Игоря именуют только по отчеству — *Ярославной*? Почему не названы фамилии князей и других русских людей в летописях? Почему в XVI—XVII веках по отчеству именовали меньшую часть русских? Почему в настоящее время список русских фамилий гораздо длиннее списка имен? Почему наряду с именами, отчествами и фамилиями существуют в живом языке прозвища?

Сто тысяч «почему?» можно задать о наименовании русских в разные эпохи. Такие «почему?» особенно часто возникают у школьников, которые знакомятся с историей нашей страны, с литературными произведениями различных периодов. Им и адресована эта книга о происхождении и судьбе ряда русских имен, отчеств, фамилий и прозвищ, о составе и структуре именований людей разных эпох — книга о русской антропонимии и ее изучении.

Что такое антропонимия? Антропонимом языковеды называют именование человека (от греческого «антропос» — человек и «онима» — имя), антропонимией — совокупность именований людей, а антропонимикой — научную дисциплину, изучающую эти именования. Антропонимика — одна из отраслей науки об именах собственных — ономастики. Ономастика (эту науку иначе называют еще ономатологией) изучает, кроме именований людей, другие имена собственные: географические названия (*Волга*, *Ярославль*, *Эльбрус*, *Черное море*), космические названия (*Млечный путь*, *Большая Медведица*, *Марс*), клички животных (щенок *Шарик*, лошадь *Марта*), марки машин («*Москвич*», «*Волга*») и др.

Интересно узнать, как толкуются имена твое и твоих друзей, как и когда появились на свет какие-то совершенно конкретные фамилии. Интересно установить, что *Виктор* значит победитель, *Ирина* — мир, *Евгения* — благородная, а *Ксения* — гостья или иноземка. И так или иначе расшифровывается большинство современных имен. Любопытно выяснить, что известная на Урале русская фамилия *Мошев* происходит от коми-пермяцкого слова *мош* — пчела, а фамилии *Верещагин* и *Голомолзин* расшифровыва-

ются с помощью существующих и сейчас в северных русских говорах слов *верещага* и *голомолза* — говорливый, болтливый человек. Но не это главный результат изучения имен.

Исследуя именования и их судьбу в разные века, можно установить связи русского населения с другими народами, выяснить, как шло заселение тех или иных районов нашей страны, носители каких говоров русского языка: северных, южных или центральных — среднерусских — приходили на земли Урала, Сибири. С помощью слов, легших в основу многих современных фамилий, можно изучать особенности быта русских людей, живших в отдаленные эпохи, можно установить, чем питались, во что одевались, чем занимались крестьяне и ремесленники в XVI—XVII веках — в период становления фамилий.

Исследование русских имен собственных необходимо для восстановления всего словарного состава, или, как его иначе называют, лексики русского языка. Ведь антропонимы составляют в лексике значительную часть.

Попробуйте хотя бы один день не употреблять в своей речи имен собственных, и вы увидите, что это невозможно: либо вас вообще не будут понимать, либо придется настолько сложно и многословно описывать людей, которых можно просто назвать по имени и фамилии, что вы вынуждены будете отказаться от этой затеи. Действительно, если вместо «к нам пришел мальчик, который живет на нашей улице, в шестнадцатой квартире дома, стоящего напротив», можно сказать лишь: «К нам пришел Алеша Бобров»,— это ведь гораздо удобнее. А вдруг в шестнадцатой квартире живет несколько мальчиков, и тогда надо будет еще уточнять, кто же именно пришел.

Существенную роль в общении людей имена играли во все эпохи. Поэтому и невозможно представить лексику какого-либо языка без имен собственных; изучение истории языка должно включать и изучение их истории.

Имена собственные занимают в языке особое положение, отличное от положения слов нарицательных. Они различными путями появились в языке. Достаточно сказать, что большая часть наших имен заимствована из других языков. Правда, они так давно пришли к русским и настолько хорошо приспособились к их родному языку, а нередко и весьма изменились, что только в результате специального исследования можно установить: такие имена,

как *Андрей*, *Николай*, *Иван*, *Игорь*, *Ольга*, *Елена*, *Галина*, *Наталья*,— чужеземцы по происхождению.

В нарицательной лексике в русском, как и в любом другом языке, тоже есть слова-пришельцы, слова-чужестранцы. Многие из них мы не ощущаем как заимствования. «Амбар», «курган», «сарай», «сарафан» кажутся нам родными, русскими словами, хотя они и пришли в очень отдаленную эпоху из тюркских языков (печенежского, половецкого, татарского). Но они стали обозначать предметы русского быта, потому и кажутся исконно русскими. Нередко изменялось и значение таких слов: сарафаном стали называть не мужскую, а женскую одежду, сараем называют у нас не дворец (ср.: Бахчисарай — «сад-дворец»), не жилые постройки, а хозяйственное строение. Однако заимствования составляют среди имен нарицательных в русском языке менее значительную часть, чем собственно русская лексика.

Чужие слова нарицательные, входя в язык, либо сохраняют, либо меняют свое значение, либо приобретают новое. Во всяком случае можно определить, что значит то или иное слово.

А имена собственные? Они утратили свое значение; его могут восстановить лишь специалисты, знатоки древних языков. И *Георгием* мальчика называют сейчас не потому, что имя это значило когда-то «земледелец», а девочку *Мариной* не потому, что хотят назвать ее «морской». Эти имена нравятся современным родителям своим звучанием, или так называли родных и близких, на которых — хорошо бы! — были похожи новорожденные, или эти имена модны.

У имен собственных свои особенности возникновения, изменения, развития. О некоторых из них и рассказывается в этой книге.

Рассматривая именования русских людей, их происхождение, судьбу, необходимо отчетливо представлять, с какого времени можно вести историю русской антропонимии. С XIV века? Ведь его считают начальным в существовании собственно русского языка, который выделяется в этот период из древнерусского, общего для всех восточных славян, в качестве самостоятельного. Именно на древнерусском языке написано было «Слово о полку Игореве»; и русские, и украинцы, и белорусы с полным правом считают его своим древним произведением.

Но между русскими и древнерусскими именованиями существует такая тесная связь, что невозможно говорить об истории имен русских людей, обходя древнерусский период. Уже в самых ранних письменных подлинных памятниках XI века зафиксированы имена, употребляющиеся и сейчас.

На хранящемся в Ленинграде, в Эрмитаже, знаменитом Тмутараканском камне[1] в 1068 году высечено: «Глеб князь мерил море по леду от Тмутороканя до Корчева»[2], то есть современный Керченский пролив. Имена нашего времени встречаются в русских летописях, посвященных описанию событий начала и середины X века: «И жил Олег в мире со всеми странами»; «И послушал их (воинов) Игорь, пошел к древлянам за данью»; «И сказала Ольга: Добрые гости пришли». *Глеб, Игорь, Олег, Ольга* — эти имена живут уже тысячу лет.

Многие особенности развития русской антропонимии уходят своими корнями в древнерусский период, поэтому закономерно вести историю русской антропонимии с первых древнерусских памятников, запечатлевших имена, то есть с XI века, обращаясь и к тем материалам летописей и произведений других жанров, которые передают русскую историю более раннего, дописьменного времени.

К наблюдениям над именованиями люди обратились давно. Уже в древнерусских произведениях обнаруживаются (правда, пока еще редкие) пояснения к антропонимам. Так, рассказывая о смерти князя Игоря от рук древлян и о сватовстве к его вдове Ольге древлянского князя, автор «Повести временных лет» — одного из самых ранних древнерусских произведений — пишет: «Древляне сказали: Пойди (замуж) за князя нашего Мала» — и поясняет: «Имя ему Мал, князю древлянскому». Уже в XI—XII веках летописцы чувствовали, что многие древние языческие имена слишком похожи на обычные нарицательные слова. Вот и приходилось объяснять читателю, что речь идет об именах людей.

---

[1] В XVIII веке в Тамани найден один из древнейших русских памятников письменности — мраморная плита с надписью, высеченной в XI веке. Ее именовали Тмутараканским камнем по названию находившегося там некогда древнерусского княжества.

[2] Здесь и далее все древнерусские тексты даются в переводе на современную графику и современный русский язык.

Однако научный подход к атропонимам возник значительно позднее. В «Российской грамматике» М. В. Ломоносова — первой научной грамматике собственно русского языка, написанной в 1755 году,— есть несколько тонких наблюдений и глубоких замечаний об употреблении именований людей в книжном языке и в живой речи.

В XVIII веке некоторые особенности русской антропонимии — «говорящие» фамилии —были блестяще использованы сатириками и комедиографами Н. И. Новиковым, И. А. Крыловым, В. В. Капнистом, Д. И. Фонвизиным. Эта традиция была продолжена и в XIX веке.

Но лишь в конце XIX — начале XX века начинают уделять настолько большое внимание изучению имен собственных, что об антропонимах появляются специальные работы. В настоящее время насчитывается значительное количество исследований советских и зарубежных ученых, посвященных именованиям русских людей различных эпох, появились словари имен, фамилий и псевдонимов. С интереснейшими наблюдениями над русскими и нерусскими именованиями школьники могут познакомиться в научно-популярной литературе[1].

Сейчас в научный оборот вводятся все новые и новые материалы антропонимии (и современной — наблюдения над записями в загсах, над именами и прозвищами в живой речи школьников, студентов, рабочих, колхозников, интеллигенции; и прошлых эпох — берестяные грамоты, писцовые и переписные книги, акты XV—XVII веков). Эти сведения полезно сделать достоянием самого широкого круга читателей, интересующихся историей своей страны, историей культуры и историей русского языка. Потому и написана эта книга.

[1] См. список литературы в конце книги.

Посмотрите на хорошо знакомые произведения русской литературы с несколько необычной точки зрения: приглядитесь к именам действующих лиц. И окажется, что они могут рассказать о многом: за именами встает эпоха, встает история различных классов, различных социальных групп населения, а иногда и судьбы отдельных людей.

На страницах одной из книг встречаются имена *Святослав*, *Ярослав*, *Мстислав*, *Изяслав*, *Всеслав*, *Брячислав*, *Ростислав*, *Всеволод*, *Игорь*, *Ингварь*, *Рюрик*, *Олег*. Какое обилие сложных слов с корнем *-слав*! От него веет древностью. Да и другие представленные здесь имена наводят на мысль о Древней Руси, о княжеских междоусобицах, о доблести русских воинов, борющихся с врагом. Здесь перечислены герои знаменитого «Слова о полку Игореве». Такой набор мужских именований уже не встретишь в художественных произведениях, рассказывающих о более позднем времени.

А вот другие действующие лица — *Влас*, *Гаврила*, *Ермил*, *Яким*, *Иван*, *Савелий*, *Матрена*, *Ненила*, *Орина*. С их именами у нас связано представление о совершенно другой эпохе, о людях другой судьбы. Это герои произведений Н. А. Некрасова — певца нелегкой крестьянской доли, это труженики, на которых держалась Россия, люди угнетенные, но несломленные, люди, за которыми будущее.

У их современников, тоже жителей России XIX века и тоже русских — героев романов великого реалиста Льва

Толстого, имена другие: *Пьер*, *Натали*, *Элен*, *Долли*, *Кити*, *Бетси*. Этих людей не представишь до изнурения работающими в поле или голодающими. Здесь названы дворяне. А дворяне, даже получая при крещении те же имена, что и крестьяне, в повседневной жизни обычно использовали совсем иные их варианты, звучащие либо на французский манер — и тогда *Петр* становился *Пьером*, *Наташа* — *Натали*, *Николай* — *Николя*, либо на английский — и тогда *Дарья* превращалась в *Долли*, *Елизавета* в *Бетси*, а *Екатерина* в *Кити*. Горничных и лакеев дворяне также часто переименовывали, чтобы не слышать очень уж простонародных имен в своих гостиных. Именно поэтому мать Татьяны Лариной «звала Полиною Прасковью».

И так было не только в литературе; художественная литература лишь отражала состояние реальных имен русских людей в различные периоды. А оно постоянно менялось. И история каждого имени складывалась по-особому. Одни прожили долгую, сложную жизнь, прежде чем дошли до нашего времени, другие появились совсем недавно. Колоссальное количество имен русских людей известно нам только по памятникам письменности: они исчезали, прожив века, или, напротив, просуществовав очень недолго, встречаясь в единичных случаях.

Почему же сменялись имена в различные периоды русской истории? Какая в этом необходимость? Были какие-то закономерности в такой смене? Почему имена нерѐдко оказывались прикрепленными к определенным классам? Насколько сложным был путь русских имен от древних *Рогнеда*, *Сбыслава*, *Добрыня*, *Мистиша* до современных, среди которых встречаются и древнерусские, и заимствованные из различных языков, и созданные после Великой Октябрьской социалистической революции, утвердившиеся в антропонимии (*Вилен*, *Нинель*) или исчезнувшие, вроде имен *Труд*, *Гений*, *Пятилетка*, *Электрофина*?

Об этом и пойдет речь дальше.

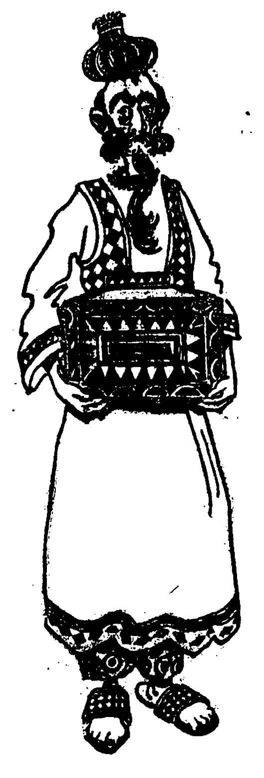
Челобитье[1] от *Кощея*. Кто с раннего детства не знает сказок о злом и коварном Кощее Бессмертном, который хочет погубить царевну и которого побеждает храбрый

---

[1] Челобитье — старое название документа, в котором излагается просьба или жалоба. Произошло от слов *челом* и *бить*, то есть кланяться, прося о чем-либо.

Иван-царевич или Иванушка-дурачок? Кощей совместил самые отрицательные черты: он бесчеловечен, хитер, жесток, и внешность у него самая непривлекательная — злоба иссушила его, остались кожа да кости. Недаром исхудавших людей дразнят этим именем, а в одном из рассказов В. Драгунского мама говорит Дениске, не желающему есть лапшу с пенками: «Ты меня вгонишь в гроб! Какие пенки? На кого ты похож? Ты вылитый Кощей». И в другом рассказе уже сам Дениска, представляя весь мир наоборот, мечтает, как не мама ему, а он сказал бы маме: «Ты почему это завела моду есть без хлеба? Ты погляди на себя в зеркало, на кого ты похожа? Вылитый Кощей!» И тут опять Кощей.

Каково же будет удивление тех, кто привык именно к такому Кощею, если им придется столкнуться с замечательными памятниками древнерусской письменности — берестяными грамотами, которые находят при раскопках в Новгороде археологи в течение последних 20 лет! Среди множества писем и документов, написанных новгородцами на бересте в XI—XV веках, есть очень любопытное послание: «Челобитье от Кощея и от половников». В этой грамоте XV века, так сказать, черным по белому написано, а на самом деле на бересте писалом — специальной острой палочкой — процарапано, прорезано «Кощей».

Кто же этот *Кощей*? Злодей из сказки? Может быть, до нас дошли не только бытовые письма и деловые записки, нанесенные на кусочки бересты, но и произведения устного народного творчества? Ведь обнаружены берестяные грамоты мальчика Онфима — память о новгородском парнишке лет 7—8, который и азбуку писал на бересте, и картинки рисовал, а на них — себя на коне и поверженного врага. Почему бы и сказке на бересте не дожить до нашего времени?

Но текст грамоты развеивает это предположение. Кощей писал: «У кого кони, те плохи, а у иных нет. Как, господин, жалуешь крестьян? А рожь, господин, велишь мне молотить? Как укажешь?»

Сказочный Кощей был сам себе господин и челобитья, то есть жалобы или просьбы, никому, конечно, не писал. А из грамоты следует, что некто по имени Кощей вместе с половниками — людьми, работающими на феодала,— обращается к своему господину с различными хозяйственными вопросами: жалуется, что лошади плохи, спрашивает, когда молотить хлеб.

У адресата, господина, которому послана грамота, при получении ее не возникало никаких сказочных ассоциаций. Он представлял своего ключника, скорее всего делового человека, который мог быть злым и худым, но мог быть и веселым и полным (вот так Кощей!), и перед ним возникали заботы и хлопоты, связанные с хозяйством.

И *Кощей* здесь всего-навсего обычное имя человека, такое же, как сотни других. В памятниках встречаются и имя и фамилия с этим корнем. Так, в одном из документов читаем: «К сей грамоте я Василий Иванов сын (то есть Иванович) Кощеев руку приложил»[1].

В другой новгородской берестяной грамоте тоже, может показаться, упоминаются герои сказок и преданий: рассказывается о том, что *Щука* из Васильевой Рыбы по-

[1] Приложить руку — расписаться.

слал кому-то клещи. А рядом упоминаются *Антон* и *Степан*, тоже пославшие клещи. Видимо, и *Антон*, и *Степан*, и *Щука* — кузнецы, изготовлявшие их. И *Щука*, так же как *Кощей*,— имя вполне реального, не сказочного человека, употреблявшееся наряду с такими знакомыми нам именами, как *Антон* и *Степан*.

Что такое Васильева Рыба? Наименование какого-то поселения или его части? Возможно. Но ученые предлагают и другую расшифровку Васильевой Рыбы: это групповое прозвище целой семьи, а члены ее могли носить «рыбьи» имена. Такие имена были хорошо известны в XIV—XVII веках; они встречаются в различных деловых документах, в которых имя человека должно быть записано точно, без всяких метафор. Памятники донесли до нас сведения о торговом человеке *Ерше Вислоухове*, о землевладельцах *Соме Ивановиче сыне Линёве* и *Карасе Петровиче*, о казаке *Окуньке Федорове*, о крестьянине *Рыбке Микитине*. И все эти «рыбьи» названия не прозвища, а имена.

Зная это, мы уже не удивимся, прочитав в берестяных грамотах, что на некоем «Заяце четыре белки[1]», то есть человек по имени *Заяц* должен уплатить кому-то четыре белки. Действительно, если есть имена «рыбьи», почему бы не существовать «звериным», «птичьим», «растительным»?

И они существовали. Никого не удивляло, что одного из новгородских дьяков XVI века звали *Заяц Тихонов сын Быков*, в Москве в это время жил дворянин *Заяц Леонтьев сын Баймаков*, в Твери — боярский сын, то есть служилый человек, *Зайка Некрасов сын Боборыкин*. И они и их современники, помещики *Хомяк Рындин* и *Собака Скобельцын*, горожанин *Мышь Проскорнич* или крестьяне *Конь Сидоров*, *Селезень Васюков*, *Соловей Елизаров*, *Орел Васильев*, *Орех Логинов*, *Борщ*[2] *Кондратьев*, могли не иметь абсолютно никакого сходства во внешности или характере со своими «тезками» — животными, птицами, растениями.

Многие имена словно характеризуют тех, кто их носит: *Добрыня*, *Злоба*, *Истома*, *Молчан*, *Невежа*, *Некрас*, *Неждан*. Но на самом деле они никак не определяли характера, склонностей или внешности людей. И москвич *Злоба*

---

[1] Белка — новгородская денежная единица.
[2] Борщ в древнерусском языке и некоторых современных говорах — ботва огородных растений.

Григорьев сын Воронцова мог быть человеком добрым, а казак *Добрыня Степанов* — суровым и неласковым, точно так же, как в настоящее время человек по имени *Лев* может быть робким и стеснительным, а *Любовь* — неприветливой и даже злой женщиной. В памятниках зафиксировано большое количество таких имен, выросших из существительных нарицательных. Их давали по разным причинам. Одних именовали названиями зверей, надеясь, что мальчики по имени *Волк* или *Зубр* вырастут сильными и выносливыми, *Заяц* или *Белка* — быстрыми и ловкими, а *Орел* и *Сокол* — стремительными или зоркими. Других, наоборот, называли именами очень непривлекательными: *Невежа*, *Некрас*, *Нехорошко*, *Несмеян*, *Мал*, *Крив*. Их нарекали так, чтобы нечистая сила, злые духи не обратили на этих детей внимания и не погубили их. Иногда в больших семьях ребят именовали по порядку их рождения: родился первый сын — дали ему имя *Первуша*, родился второй — *Вторак*, а потом и *Третьяк*, и *Шестой*, и *Девятко* могли появиться в семье. Некоторые люди носили имена по дням недели, в которые они появились на свет: *Суббота*, *Неделя* (то есть воскресенье).

В течение многих веков детей по традиции называли в честь предков (отцов, дедов, прадедов), в связи с какими-то бытовыми или религиозными событиями, повторявшимися в разные времена. И поэтому одни и те же имена передавались из поколения в поколение, первоначальная причина их появления постепенно забывалась, они утрачивали свое прежнее значение. Но, изучая такие имена и сопоставляя их с нарицательными существительными современного и древнерусского языка, нередко можно восстановить, хотя бы предположительно, почему они некогда появились на свет.

Встречается в древнерусских памятниках и другая очень многочисленная группа имен собственных, непривычных для нас. Они тоже напоминают существительные нарицательные, а иногда глаголы или прилагательные, но не совпадают с ними. Среди современных имен русских людей они не встречаются.

Судите сами. В одной из новгородских берестяных грамот процарапано: «От Судиши к Нажиру. Жадок послал двух ябетников[1], и они пограбили меня за долг брата».

---

[1] Ябедник — судебный чиновник.

Другая грамота представляет собой очень эмоциональное письмо: «От Жировита к Стояну. Как ты у меня взял крест и не прислал мне вевериц, уже 9 год. Если не пришлешь мне четыре с половиной гривны[1], хочу ославить тебя, лучшего новгорожанина. Пошли же добром». Какие непривычные для нашего уха имена: *Судиша*, *Нажир*, *Жадок*, *Жировит*, *Стоян*! И таких в древнерусских памятниках множество: «Грамота от Жизномира», «От Твердяты к Зубери», «У Нездилы, у старосты, полдежи[2] пшеницы», «У Песана гривна». А в одной из новгородских берестяных грамот исследователям впервые встретилось сразу несколько неизвестных ранее имен: *Селята*, *Вонег*, *Несул*, *Тешило*, *Обиден*, *Страхон*.

Обычно в таких именах обнаруживаются знакомые нам корни русских слов: *жир-* — *Жировит*; *жизн-* — *Жизномир*; *жад-* — *Жадок*; *тверд-* — *Твердята*. Многие древнерусские имена имеют общие корни с глаголами: *Стоян* — *стоять*, *Обиден* — *обидеть*, *Несул* — *нести*. Ученые обратили внимание не только на эту особенность древнерусских имен. Оказалось, многие из них совпадают своими концовками. Чем похожи друг на друга имена *Вонег*, *Милонег*, *Рознег*, *Стоенег*, *Перенег* или *Курило*, *Терпило*, *Тешило*, *Твердило*, *Жило*, *Нежило*, *Станило*, *Воило*, *Гостило*, *Местило*, *Селило*, *Жидило*, *Нездило*, *Душило*? У них общие концы — суффиксы и окончания: либо *-нег* (*Милонег*), либо *-ло* (*Воило*). В древнерусских памятниках обнаруживается несколько таких общих для множества имен концовок. Иногда имена с одним корнем имеют разные суффиксы и окончания: *Местило* — *Местята* — *Местятка* — *Мистиша*, *Путило* — *Путята* — *Путятка* — *Путьша*. Ниже о них пойдет специальный разговор.

В памятниках большое место занимает и еще один вид древнерусских именований — сложные имена, которые либо исчезли, либо сейчас встречаются редко: *Творимир*, *Жизномир*, *Тихомир*, *Судимир*, *Ратемир*, *Остромир*, *Доброжир*, *Домажир*, *Нажир*, *Всеволод*, *Рогволод*, *Святополк*, *Ярополк*. Вторая часть их может совпадать у многих имен. Особенно в этом отношении повезло корню *-слав*; с ним памятники зафиксировали самое большое количество

---

[1] Веверица и гривна — денежные единицы в древнем Новгороде.

[2] Дежа — кадушка.

сложных имен: *Ярослав*, *Мстислав*, *Всеслав*, *Ростислав*, *Святослав*, *Воротислав*, *Володислав*, *Радослав*, *Жирослав*, *Лудислав*, *Воислав*, *Мирослав*, *Брячислав*, *Судислав*, *Домаслав*. Может быть, имен на *-слав* в Древней Руси было и не больше, чем имен на *-жир*, *-мысл*, *-мир* и др., но летописи, которые донесли до нас бо́льшую часть древнерусских сложных имен, рассказывают в основном о деяниях князей и их приближенных, а имена на *-слав* были употребительны как раз в княжеской среде, поэтому, наверное, они и дошли до нас в таком изобилии.

Хотя имена на *-слав* изредка и встречаются в некняжеских семьях и даже, судя по новгородским берестяным грамотам, среди крестьян (*Милослав*, *Наслав*), однако случается это очень редко и уже в XIV—XV веках. Больше того: в Древней Руси, возможно, одновременно жили имена *Местило* и *Мстислав*, *Воило* и *Воислав*, *Судило* и *Судислав*, *Станило* и *Станислав*. И вторая часть этих имен употреблялась не беспорядочно — в определенных социальных группах людей имена были с характерной концовкой: у власть имущих на *-слав* (*Мстислав*, *Доброслав*), у крестьян, горожан, ремесленников на *-ло* (*Местило*, *Добрило*), также на *-ята*, *-ша*, *-ня* (*Местята*, *Мистиша*, *Добрыня*).

Женские древнерусские княжеские имена тоже включали часть *«слава»*: *Предислава*, *Сбыслава*, *Святослава*, *Горислава*. Так, в «Повести временных лет» под 1104 годом сделана запись: «В том же году выдана (замуж) Предислава, дочь Святополка, в Венгрию за королевича». И не потому ли, что имя на *«слава»* возвышенное, княжеское, тот самый князь Владимир, при котором на Руси в 988 году было принято крещение, за несколько лет до этого, разгромив полоцкого князя Рогволода и взяв в жены его дочь Рогнеду, сменил ее имя на Горислава.

Вообще женские древнерусские имена изучать трудно, так как они редко записывались. Летописцы, которые подробно описывали князей, их приближенных, отцов, дедов и прадедов, ухитрялись обходиться без женских имен, даже когда речь шла о женщинах. Часты в летописях такие строки: «В тот же год Изяслав отдал дочь свою в Полоцк за Борисовича за Рогволода», «Отдал Гюргий дочь свою за Святославича за Олега, другую за Володимирича за Ярослава в Галич» или «Скончалась княгиня, жена Ярослава». Называвать имена этих женщин не считали нужным. А там, где женщин называли по имени, это

имя, как правило, все равно уточняли мужскими антропонимами: «Скончалась Катерина, дочь Всеволода», «Скончалась Володимировна Ефимия».

Подавляющее большинство древнерусских имен ушло из употребления. Редко кто назовет сейчас своего сына *Добрыней*, а в древности это было почитаемое имя. Так звали в XI—XII веках новгородских посадников, княжеских воевод, бояр. *Добрыней Судиславичем* именовали богатыря в войске князя Игоря, выступившего против половцев. В XVII веке жили дьяк *Добрыня Семенов* и казак *Добрыня Степанов*. Но мы об этом знаем лишь по памятникам письменности да по былинам: одного из героев русского эпоса, богатыря, охранявшего русские земли, звали *Добрыней Никитичем*.

Не назовут сейчас мальчика *Полюдом*, а в письменных памятниках и легендах это имя жило на протяжении веков. На одной из красивейших рек Урала, Вишере, недалеко от города Красновишерска, возвышается громадная гора, которую видно за десятки километров, — камень Полюд. Почему в этом географическом названии живет старое русское имя?

На Вишере и сейчас рассказывают легенду о древнем великане Полюде. Он жил на этой высокой горе и охранял окрестности. Когда приходили из-за Уральских гор недруги, Полюд разжигал на горе такой большой костер, что дым его видели люди и на Вишере, и на Колве, притоке Вишеры, и в древнем городе Чердыни[1]. А однажды, когда оказалось, что врагов очень много, Полюду пришлось не только предупредить об их появлении, но и самому сражаться. Многих врагов одолел он, но подходили все новые и новые полчища. И тогда, рассердившись, топнул богатырь, затряслась земля, вышла из берегов Вишера и затопила неприятеля. Вам и сейчас покажут на Полюде «след» великана у самой вершины.

У этой легенды есть реальное основание. В ясную погоду гора хорошо видна из Чердыни, за сорок километров; ее действительно могли использовать как сторожевой пункт. Имя *Полюд* было известно среди новгородцев, а ведь как раз древние новгородцы — первые русские, при-

---

[1] Чердынь — один из первых русских городов на Западном Урале, центр земли, называемой в XV—XVII веках Пермью Великой.

шедшие на север Урала. Почему бы и не существовать на этой высокой горе в те отдаленные времена наблюдательному посту русского воина Полюда?

Красивое имя. Но для наших современников это имя из легенды, из живого языка оно исчезло.

Ученые знают о древнерусских именах и много и мало. Много, потому что составлены и составляются словари, в которых учитываются такие имена, появляются исследования, посвященные отдельным антропонимам в каких-либо определенных памятниках. Мало, потому что еще не приведено в систему все, что известно о древнерусских именах, изучать которые чрезвычайно трудно.

А почему трудно? К сожалению, древнерусские письменные памятники, являющиеся основным источником изучения антропонимии, зафиксировали ее начиная только с XI века, то есть в то время, когда на Руси уже было принято христианство, а вместе с ним хлынули из Византии христианские, или, как их еще называют, календарные, имена — древнегреческие, латинские, древнееврейские, арамейские, древнеперсидские, древнеегипетские по происхождению, непонятные и непривычные для русского человека, но обязательные при крещении. Правда, данное при крещении имя нередко фигурировало только в официальных документах. В быту им никогда не пользовались — там живым было другое, мирское. Но до нас-то дошли документы.

На протяжении XI—XVII веков можно проследить долгую и упорную борьбу имен дохристианских с календарными, церковными. Последние к XVIII веку вышли победителями, хотя победа и досталась им дорогой ценой.

А дохристианские, о которых говорилось выше? Они к XVIII веку в основном перестали употребляться. Немногие из них пережили века: *Борис*, *Глеб*, *Олег*, *Ольга*, *Игорь*, *Святослав*, *Владимир*, *Всеволод*, *Владислав*. Некоторые даже попали в святцы — списки календарных имен, по которым именовали русских людей при крещении в честь святых. И уже летописцы иногда поясняли дохристианские имена, считая, что они непонятны их современникам, вроде того, как это было с именем древлянского князя Мала.

И все-таки древнерусские языческие имена на протяжении веков сосуществуют с заимствованными календарными. Памятники постоянно напоминают об этом. В одной из берестяных грамот читаем: «Приказ от Григория к Домне и ко Репиху. Приготовь избу и клеть[1], а Недана пошли в Лугу к Ильину дни». Автор другой грамоты пишет: «От Творимира к Фоме. Кланяюсь, брат, приходи во двор». «Грамота от Жизномира к Микуле»,— процарапал автор третьего документа и т. д. И здесь рядом с календарными именами и их вариантами *(Григорий*, *Домна*, *Фома*, *Микула)* спокойно уживаются такие дохристианские, как *Репих*, *Недан*, *Творимир*, *Жизномир*.

Только этот период сосуществования и борьбы имен языческих и календарных и зафиксирован памятниками. А как было до X века, до принятия христианства и наплыва новых имен? Что представляли собой тогда древнерусские имена во всей совокупности? Они тоже, конечно, не были едиными по составу. Бóльшая часть их, по-видимому, имена исконно славянские. Об этом говорят их корни *(Тихомир*, *Ярослав*, *Добрило*, *Гостило)* или абсолютное совпадение с древнерусскими существительными и прилагательными *(Волк*, *Заяц*, *Орех*, *Шуба*, *Мал*, *Крив)*.

Но нельзя забывать о том, что у восточных славян — жителей Древней Руси — были постоянные тесные связи с другими народами: славянскими, финскими, балтийскими, тюркскими. И какая-то часть инославянских

---

[1] Клеть — холодная часть избы или хозяйственная постройка во дворе.

(южных и западных) и неславянских имен не могла не проникнуть на Русь. Так, видимо, нерусским по происхождению было имя *Кощей*, о котором мы уже говорили. Полагают, что оно могло возникнуть в тюркских языках и, вероятно, пришло к русским от половцев: *кош-чи* — слуга в обозе. Постепенно это слово обрусело и стало употребляться как имя собственное.

Считают, что неславянскими по происхождению были имена *Олег*, *Ольга*, *Игорь*, проникшие на Русь в дописьменные времена в виде скандинавских, варяжских *Хельг*, *Хельга*, *Ингварь*, постепенно приспособившиеся к русскому языку и несколько изменившиеся в соответствии с его фонетикой.

В ряде случаев можно отметить параллельное употребление уже обрусевшего *Игорь* и сохранившегося в старой, заимствованной форме *Ингварь*. В памятниках XIII века не однажды фиксируется имя *Ингварь*, а иногда даже в таком сочетании: *Ингварь Игоревич*. Это напоминает судьбу некоторых современных имен. Известно, например, что *Георгий*, *Юрий* и *Егор* — имена-братья, возникшие из одного *Георгий*, изменявшего в разные эпохи в живом языке свой звуковой облик.

И при изучении древнерусской истории, ее раннего периода, исследуя эпоху Олега (вещего Олега у Пушкина) или Игоря (погибшего в 945 году), нужно учитывать, что летопись фиксирует имена этих князей уже в древнерусской форме. Уже сейчас собраны и исследованы многие дохристианские имена разных эпох, показано, что они не исчезали бесследно, а перешли во многих случаях в прозвища, а затем в фамилии (*Тихомиров*, *Добрынин*, *Некрасов*, *Домажиров*, *Зайцев*, *Орлов*). В таком виде большое количество их дожило до нашего времени, но из системы имен они все-таки ушли.

Почему *Максима* звали *Станимиром*? Почему же ушло из живого языка большинство древнерусских имен, понятных и привычных, а их место постепенно занимают антропонимы, пришедшие из других языков? Смысл слов нарицательных, на основе которых возникли эти имена в других языках, был непонятен большинству жителей Древней Руси, их невозможно было связать ни с какими предметами, явлениями природы, качествами людей.

Правда, не сразу — не в несколько лет и даже не в одно столетие — произошла смена имен собственных древнерусских календарными. Если извлечь из русских памятников XI—XVII веков: из летописей, в которых велись записи по годам о различных событиях, из грамот—юридических документов, фиксирующих жалобы, допросы, покупку имущества, займы и т. д., из писцовых и переписных книг, учитывающих население городов, сел и деревень, — имена людей, то выявится их великое множество и покажется, что разобраться в их истории невозможно.

Но если систематизировать их, предположим написать в двух столбцах: в одном все имена дохристианские, а в другом календарные, зафиксированные в разные столетия, в разные эпохи, да если еще к тому же посчитать, сколько раз употреблялось в отдельные периоды каждое из имен, — то можно будет представить общую картину сдвигов в русском именнике (списке имен) от века к веку.

Чем ближе к нашему времени, тем реже используются древнерусские имена. В новгородских берестяных грамотах XI—XV веков их среди всех имен около одной трети, в писцовых книгах XVII века приблизительно около одной десятой, а начиная с XVIII века они используются лишь в единичных случаях. Имена же календарные набирают силу и к концу XVII столетия утверждаются в России, вытеснив своих соперников. Борьба, которая шла между именами этих двух групп, проходила неодинаково в различные эпохи, в разных краях России, у людей, принадлежащих к той или иной социальной группе.

Уже во второй половине IX века и римский папа и константинопольский патриарх проявляют большой интерес к распространению христианства на Руси, чтобы утвердить там свое влияние. На Русь направляют епископов из Византии.

Видимо, уже в конце IX века принимали христианство некоторые представители правящей верхушки. Считают, что тогда был крещен киевский князь Аскольд. Правда, сменивший его Олег, видимо, был язычником. Известно, что уже в 945 году в Киеве существовала какая-то церковь святого Ильи. А в 955 году приняла христианство княгиня Ольга, вдова князя Игоря. И в летописи говорится: «...наречено ей в крещении имя Елена, как и древней царице, матери Константина», византийского императора. Таким образом, христианство проникало на Русь задолго до офи-

циального крещения, а с христианством должны были идти на Русь и календарные имена.

Начиная с XI столетия на Руси засвидетельствовано уже значительное количество календарных имен. В городах они распространялись и утверждались раньше, чем в деревне. Это и понятно: город был ближе к правящей верхушке, к князьям и боярам, а христианство и календарные имена шли в древнерусское общество через верхние его слои, так как христианская идеология, проповедь смирения интересовали прежде всего именно князей и их окружение. Деревня же была дальше от знати, и страдала она от церкви, постепенно становившейся крупным феодалом, гораздо больше, а традиции старины хранила вернее. Потому-то, как показывают памятники, там дольше держатся имена дохристианские.

Но даже в городе христианские имена утверждаются далеко не сразу и на протяжении нескольких веков употребляются рядом с древнерусскими. Это мы видим и в летописях, и в юридических документах, и в частных письмах. Так, в новгородских берестяных грамотах вплоть до XV века на равных правах живут и древнерусские имена *Тешило*, *Домажир*, *Жизномир*, *Стоенег*, *Заяц*, *Щука*, и календарные *Марк*, *Лука*, *Есиф (Иосиф)*, *Петр*, *Онисифор* и т. д. И записи такого рода: «У Мануила, у кума полчетверти... у Некраса гривна» или «от Бориса к Станиле и к Жироше» — обычное явление в письмах древних новгородцев.

Отношение к календарным именам было не всегда и не везде одинаковым. Об этом свидетельствует одна очень интересная черта древнерусской антропонимии. Мы привыкли к тому, что официальное имя у современного человека одно, с ним он проходит через всю жизнь. Не то было в средние века.

В различных текстах XI—XVI столетий обнаруживаются странные, с нашей точки зрения, записи. Если вам придется побывать в Архангельском соборе Московского Кремля, где до XVIII века погребали московских великих князей и русских царей, то вы увидите на одной из гробниц надпись: «Великий князь Афанасий Ярослав Владимирович, умер 1426 августа 16». Два имени? На гробницах рядом у всех одно имя — христианское, а на этой два. С одним из них мы уже встречались, когда речь шла о древнерусских антропонимах: *Ярослав* — имя княжеское. Вспомните

Ярослава Мудрого или Галицкого Ярослава Осмомысла из «Слова о полку Игореве». Итак, у погребенного в Архангельском соборе Ярослава было имя княжеское, но не календарное. Вот и пришлось дать этому князю еще одно имя, христианское — *Афанасий*.

Во многих древнерусских памятниках встречаются записи двух имен одного человека: «Именем Милонег, Петр по крещению», «Родился у Ярослава сын Михаил, а княже имя Изяслав», «нареченный в крещении Василий, русским именем Владимир». И заметьте: «именем», «русским именем», «княжим именем» летописцы называют собственно русские, дохристианские антропонимы.

В древних текстах есть и другие записи, в которых тоже очень четко отделяются имена календарные от дохристианских. В знаменитом «Остромирове евангелии»[1] один из переписчиков, диакон Григорий, оставил приписку, сообщающую, что написано это евангелие в 1056—1057 годах для человека, которого звали «в крещении Иосиф, а мирскы Остромир».

В памятниках много записей о «мирском имени», отличном от данного по святцам: «...дали имя ему Исакий, ибо имя ему мирское Чернь», «Ждан по-мирскому, а в крещении Никола».

«Мирски», «по-мирскому», «мирское» — так писали в Древней Руси об именах, употреблявшихся не только в быту, в домашней обстановке, но и в общественной, государственной жизни. Летописцы часто употребляют мирское имя. О новгородском посаднике Остромире, для которого писали евангелие, в памятниках прочитать можно, но о нем же как об Иосифе нет ничего. В течение столетий, вплоть до XIV века, мирские имена не только допускались и были полноправными наряду с христианскими, но зачастую являлись основными в светских документах, в записях, не связанных с церковными обрядами. Календарное же имя отмечалось нередко лишь тогда, когда речь шла о рождении или смерти человека.

На протяжении нескольких столетий в различных текстах встречаются такие двойные именования. Сначала подчеркивалось: «Исидор, нарицаемый Твердислав», «Максим, зовомый Станимир», «Гавриил, нареченный Всеволод», «Микифор, прироком Станило». Но постепенно пояснения

---

[1] Евангелие — одна из церковных христианских книг.

«мирски», «зовомый», «нареченный», «прироком» исчезают, и остается просто двойное именование, состоящее из имен древнерусского и христианского, как на гробнице Афанасия — Ярослава.

И в берестяных грамотах — деловых актах и бытовых письмах — встречаются двойные имена: «у Кондра (то есть у Кондратия) у Возгреши», «у Михайли у Шила». В многочисленных деловых актах, написанных уже на бумаге, их тоже немало: «Ивашка Истома Петров сын», «Ярасим Некрас Васильев сын», «Данилка Важен сын Константина».

Однако в памятниках XVI—XVII веков в таких записях все чаще обнаруживаются при древнерусских именах новые пояснения: «по назвищу», «по прозвищу»: «Федька по назвищу Бажен сын Лазарев», «Ивашка по назвищу Верещага Ондреев сын», «Петрушка по прозвищу Любим Никитин сын». И отношение к ним в это время изменилось. Если в XI—XIII столетиях в любых условиях, в государственной и общественной жизни, люди были известны прежде всего по имени древнерусскому (*Остромир, Милонег*), а христианское упоминалось обычно в каких-то ситуациях, связанных с церковными обрядами, то в XVI—XVII веках календарные имена становятся обычными и для государственной, и для общественной жизни, и для официальных бумаг. В виде прозвищ древнерусские имена сохраняются еще долго (в сельской местности они иногда живут и в настоящее время), но в официальной обстановке такие прозвища уже не употребляются.

Каковы же причины того, что жившие веками имена не вдруг, но все-таки исчезают, а чужеземные занимают их место.

Причин несколько. Одна из них, казалось бы, не имеет никакого отношения к языку, к именам как к части языка. Она заключается в самих условиях русской жизни. С конца XIV — начала XV века растет и крепнет Московская Русь как государство. Московским великим князьям, а затем и царям, чтобы укрепить свою власть, нередко приходится обращаться к помощи церкви. В свою очередь церковь получала за это большие льготы, она становилась крупнейшим землевладельцем, укреплялась, проникала в различные сферы жизни, и особенно духовной жизни, стремилась распространить свое влияние как можно шире и глубже. И один из путей к этому — крещение

(и русских и нерусских), а раз крещение — значит, и именование людей уже только по святцам, то есть в честь святых.

И только кажется, что все это не имеет никакого отношения к языку. Изменившиеся условия жизни в России привели к существенным сдвигам в антропонимии: постепенно исчез один именник и утвердился новый.

Но были и другие причины сдвигов в именах, причины уже собственно языковые. Какие же именно?

Немного арифметики. Прежде чем говорить об этих причинах, посмотрим, много ли заимствованных имен утвердилось в русском именнике.

Если заглянуть в святцы, по которым церковь нарекала новорожденных, можно увидеть, на наш взгляд, нечто очень странное — совершенно чуждые русскому языку имена: *Авдифакс, Агафопус, Акепсим, Анемподист, Асклипиодот, Ваптос, Евундий, Елевферий, Иеракс, Сосипатр, Фавстиан, Фавмассий, Голиндуха, Проскудия, Сосипатра.* Их и запомнить-то сразу трудно. А если представить, что тебя могли назвать *Евпсикием*, *Патермуфием* или *Аскитрией*, *Христодулой*, то становится совсем невесело.

О чем говорят, например, имена *Авксентий, Акакий* или *Аглаида*? Знающим древнегреческий язык они говорят столько же, сколько нам имена славянские, древнерусские: оказывается, *Аглаида* — красивейшая, светлая, дочь красоты; *Акакий* — беззлобный, добрый; *Авксентий*—растущий. Но ведь для того, чтобы расшифровать их, надо знать древнегреческий язык, чтобы понять другие — латынь, чтобы растолковать третьи — древнееврейский, древнеегипетский и другие языки. И если древние римляне знали, что *Констанций* — постоянный, *Иннокентий* — невинный, а *Патрикий* — аристократ[1], то не знавшие латыни не ощущали в таких именах никакого значения или приписывали им какое-то новое, свое понимание, свой смысл, далекий от первоисточника.

Для подавляющего большинства людей в Древней Руси пришедшие из Византии вместе с богослужебными книгами имена были просто набором ничего не говорящих звуков. Именно поэтому их судьба на Руси

[1] О значении календарных имен можно прочесть в «Словаре русских личных имен» Петровского Н. А. и в книгах — Успенского Л. В. «Ты и твое имя», Щетинина Л. М. «Имена и названия».

оказалась очень сложной и переменчивой. И если сравнить христианский именник, который появился у нас в древности, с тем, который существует сейчас как официальный, или с тем, какой есть в живом народном языке, окажется, что от пришедших к нам древних календарных имен осталось совсем немного.

Более тысячи имен входило в святцы, а до наших дней дожили и остались употребительными лишь несколько десятков. В современном «Справочнике личных имен народов РСФСР», например, предлагается лишь 18 мужских русских имен на *Ф*. И из этих 18 некоторые в настоящее время не популярны: *Федосий, Ферапонт, Филарет, Фортунат, Фотий, Фока, Феофан, Фирс*. Среди представителей старшего поколения наших современников людей с такими именами мы встречаем, но родившихся в последние годы так называют редко.

А как выглядят в святцах имена на *Ф*[1]? Их там более ста. В основном здесь забытые ныне имена: *Фармуфий, Феспесий, Филоктимон, Фирмос, Фронтасий Фавмассий, Феопист, Феострикт, Фифаил, Фалассий, Фавстиан, Филикиссим, Фостирий, Фрументий, Фульвиан, Фусик* и др. В основе большинства их лежат древнегреческие слова нарицательные, понятные тем, кто знал древнегреческий язык.

Многие имена имеют в основе корень *фил-* (от phileo — любить): *Филит* — любимый, *Филагрий* — любящий

[1] По старой азбуке — кирилице они расположены на две буквы: *Ф* — ферт и *Ѳ* — фиту, которые обозначали в памятниках один звук *Ф*.

поле, *Филарет* — любящий добродетель, *Филолог* — любящий слово. Другие имена на *Ф* включали корень *фео-* (от theos — бог): *Феогност* — известный богу, *Феодор, Феодосий* и *Феодорит* — дар бога, *Феодул* — раб бога, *Феоктист* — утвержденный богом, *Феопемпт* — посланный богом, *Феоген, Феогнид* и *Феогний* — божественный по рождению. Такие имена иногда давали детям при крещении до революции; их принимали при пострижении монахи, уходившие не только от мирской жизни, но и отказывающиеся от своих именований, хотя они и были им некогда даны при крещении.

Но простым людям эти имена были непонятны, непривычны. В их употреблении на Руси не было такой давней традиции, как у других имен еще и потому, что некогда в древнерусском языке вообще отсутствовал звук *Ф*; он был известен только в заимствованных словах, да и там иногда не удерживался и переходил в *П* или *X*.

Заимствованные слова, в которых звук *Ф* сохранялся, в Древней Руси были редки, касались главным образом церковных обрядов (*анафема* — проклятье, отлучение от церкви, *просфора* — освященный хлеб) и не были особенно употребительными. Да и они, если попадали в обращение к большому числу людей, меняли свой фонетический облик. На основе слова *просфора* возникло *просвира* и именование женщин, выпекающих их,— *просвирни*. Вот и сказалась эта чуждость русским фонетического облика имен на *Ф*, их непонятность, их церковность: они чаще встреча-

лись в среде служителей церкви. Имена на *Ф* в основной своей массе исчезли из русского именника.

Такое явление наблюдалось не только в именах на *Ф*. В святцах на *А* более 130 мужских имен, а современный справочник предлагает лишь 39. И из этих 39 очень редко даются детям в последние десятилетия такие, как *Авксентий, Автоном, Амвросий, Аникита, Афиноген, Аристарх.*

Мужских имен на *Е* в святцах более 80, а в современном справочнике лишь 18. Среди этих 18 тоже есть не часто употребляющиеся сейчас, такие, как *Евграф, Евлампий, Евстафий, Ерофей, Евстигней.*

Похожая картина наблюдается в именах из всех частей святцев: большинство календарных имен исчезло, и не только потому, что после революции, отделения церкви от государства, отмены крещения исчезла необходимость называть детей в честь святых. И до революции значительное число христианских имен очень редко давалось при крещении.

Вот и случилось так, что от календарных имен до нашего времени дошла только незначительная доля. И в каком виде они попали в современный язык! Древние греки и римляне не узнали бы своих имен, если бы услышали их в современной русской форме. Что же произошло с ними?

«Прокрустово ложе». В одну из деревень Пермской области более 10 лет выезжали участники диалектологической экспедиции, которые составляли словарь местного говора. Жители маленькой деревни привыкли к появлению у себя студентов-филологов и преподавателей университета, они многое знали о диалектологах, их семьях, занятиях: ведь одни и те же люди приезжали сюда не раз, их здесь ждали. Но к одному не могло привыкнуть старшее поколение местных жителей: с их точки зрения очень уж неуважительно называли студенты своего начальника экспедиции *Франциску Леонтьевну*. Сами они либо называли ее как-то описательно, либо почтительно именовали *Францизой* или *Францисой*. Это и понятно: нерусское по происхождению имя *Франциска* воспринималось ими так же, как русские оценочные имена *Лизка, Лариска, Тонька, Ирка, Верка,* в которых суффикс *-к-* имеет уменьшительно-уничижительное значение. Как же можно столь уважаемого человека именовать с суффиксом *-к-*? Вот они и приспособили имя к живому русскому языку, к своему говору: выбросили

-*к*-, и стало оно звучать вполне уважительно, совсем так, как полные имена *Анфиса, Раиса, Василиса*.

В нашей многонациональной стране, где рядом живут языки и имена десятков национальностей и народностей, мы постоянно сталкиваемся с таким явлением, когда язык приспосабливает к себе заимствованные имена так же, как и чужеземные слова нарицательные.

Имена, которые вполне соответствовали фонетическим и грамматическим требованиям русского языка, не претерпели изменений. Но их было совсем немного. Большинство же пришельцев чувствовали себя в русском языке, как на прокрустовом ложе. Помните: жил когда-то, по преданию, в Древней Греции, в Аттике, разбойник Прокруст, который не просто убивал попавших к нему путников: он укладывал их на ложе и, если пришедший был длиннее ложа, обрубал ему ноги, а если короче, вытягивал их из суставов.

Так получилось и с чужеземными именами; но им не только обрубали концы и начала, не только вытягивали, их изменяли и другими способами, приспосабливая к «прокрустову ложу» нового для них языка. И лишь те из имен-чужестранцев, которые подверглись изменениям либо в фонетике (в звучании), либо в морфологии, выжили на Руси.

В этом процессе адаптации особенно досталось гласным звукам в начале имен. Некогда превращению подверглось, например, заимствованное варяжское имя *Хельга*. Восточные славяне не выделяли в нем как особый звук начальное *Х*. Гласный же звук, который оказывается в таком случае (если отбросить *Х*) в начале слова, у них переходил в *О*. Так и появилось на месте заимствованного *Хельга* русское *Ольга*.

Такие же изменения происходили и в именах календарных: заимствованное *Евдоким* превращалось в *Овдоким, Елена* — в *Олена*, *Евфросин* — в *Обросим, Евдокия* — в *Овдотья*. В южных говорах на этом изменения не кончались: там, где акали, стали произносить эти имена как *Авдоким, Алена, Абросим, Авдотья*.

В других диалектах, северных, наоборот, на месте начального заимствованного *А* появлялся звук *О*: *Окулина* из *Акилина, Онфим* из *Анфим*.

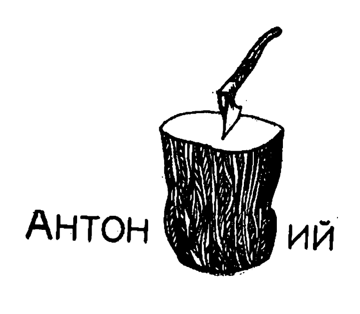
Иногда в народном произношении начальные гласные в иноземных именах исчезали: так появились имена *Сидор*

из *Исидор, Ларион* из *Иларион, Настасья* из *Анастасия, Лизавета* из *Елизавета.*

У Маршака в стихотворении «Волк и лиса» есть такие строки:

Серый волк в густом лесу
Встретил рыжую лису.
— Лисавета, здравствуй!
— Как дела, зубастый?

Лизавета, Лисавета — обычное именование одной из героинь русских сказок — лисы. В имени, напоминающем нарицательное существительное *лиса*, здесь отражается народное произношение. Однако в такой форме имя можно встретить не только в сказках — произведениях устного народного творчества, но и в русской классической литературе: у Ф. М. Достоевского в романе «Преступление и наказание», у И. С. Тургенева в романе «Дворянское гнездо», у А. С. Пушкина в повести «Барышня-крестьянка». В такой форме это имя употребляли не только крестьяне. В «Барышне-крестьянке» Настя называет так свою госпожу: «Ну, Лизавета Григорьевна,— сказала она, входя в комнату,— видела молодого Берестова». А у Тургенева это имя произносит и дворянин Паншин: «Мы с Лизаветой Михайловной сыграем бетховенскую сонату в четыре руки».

В связи с фонетическими изменениями уже в древнерусском языке возникали новые формы от имен на *Г*: *Ярасим* из *Герасим; Ермоген* из *Гермоген; Юрий, Егорий, Егор* из *Георгий*. В ряде древнерусских говоров не знали звука *Г* взрывного, то есть такого, какой существует сейчас в русском литературном языке, а произносили его близко к *X*, как и теперь в южной России. В начале слова в именах на *Г* такой звук произносился очень нечетко, он напоминал звук *j* в словах *яма, ель*. Ведь, строго говоря, эти слова звучат так: *jама, jэль*. Вот и появилось имя *Ерасим* из *Герасим*, потом оно превратилось в *Ярасим*, а из *Георгий* возникло *Юрий*. В памятниках иногда такой звук *j* в начале слов передавали буквами *Г* и *Д*: вместо *Юрий* писали *Гюрги, Дюрги*, а одна из древнерусских книг называется «Девгениево (то есть Евгениево) деяние».

Были случаи, когда начальный звук *Г* в именах и вовсе исчезал, не оставив никаких следов: из заимствованного *Галактион* в народе создали имя *Лактион*, из *Галла* — *Алла*. Исчезал и начальный звук *И* перед гласными: *Иакинф* стало звучать как *Акинф, Иасаф* как *Асаф, Иосиф* как *Осип*.

Изменения происходили и в середине имен. Два гласных, стоящие рядом, стали произноситься как один: календарные имена *Варлаам, Гавриил, Исаак, Даниил* перешли в *Варлам, Гаврила, Исак, Данила*; *Феодор, Феоктист* на Руси изменились в имена *Федор, Фетис*.

В одних случаях происходило исчезновение звуков в труднопроизносимых сочетаниях согласных: *Авксентий* стал *Аксеном, Евфстафий* — *Остафием* или *Остапом*. В других, наоборот, появлялись согласные между двумя гласными. Поэтому и стали звучать в просторечии имена *Родион, Ларион* (из *Иларион*) и *Иоанн* как *Родивон, Ларивон* и *Иван*.

Звук *Ф* переходил в народном языке в *П* и *X*, и имя *Варфоломей* превратилось в *Вахромей, Онуфрий* — в *Анопрей*.

Заимствованные имена упорно приспосабливались не только к русскому произношению, но и к русской грамматической системе.

Помните древнерусские дохристианские имена на *-ла, -ло: Станила (Станило), Путила (Путило), Терпило, Душило*. Похожими на них становились в народном произношении заимствованные имена на *-ил*. В деловых памятниках XV—XVII веков зафиксировано множество таких имен, как *Гаврила, Данила, Михайла, Кирила, Корнила,*

Ермила, иногда (особенно на севере России) с окончанием *-о: Михайло, Ермило*. Помните первые строки романа А. С. Пушкина «Дубровский»: «Несколько лет тому назад в одном из своих поместий жил старинный русский барин, Кирила Петрович Троекуров»? Одним из героев «Арапа Петра Великого» Пушкина был Гаврила Афанасьевич Ржевский. В романе И. С. Тургенева «Рудин» есть Михайло Михайлыч Лежнев. Великий русский ученый М. В. Ломоносов подписывал свои труды: «Михайло Ломоносов».

В разные эпохи люди, прекрасно владеющие литературным русским языком, употребляли имена на *-ла, -ло*, хотя им хорошо была известна и официальная форма таких имен: *Гавриил, Михаил, Даниил, Кирилл, Корнил, Ермил*. В «Арапе Петра Великого» Пушкин пишет не только о Гавриле Афанасьевиче Ржевском, но он упоминает там и Гавриила Бужинского. В заимствованной форме антропонимы выступали обычно в произведениях высокого стиля, их носили люди, причастные к церкви,— священники, монахи. Встречаются они иногда и в памятниках делового характера, но редко. Когда же речь идет о простых людях: крестьянах, ремесленниках, стрельцах, казаках,— в именах отражается собственно русское народное произношение и преобладают формы на *-ло, -ла*.

Изменялись и другие концовки многих имен. В женских утверждались окончания *-а, -я (-ия)*, даже если их не было первоначально в заимствованных именах. Иногда только эти окончания отличали их от мужских имен. Так, рядом с мужскими *Павел, Феодор, Юлий, Юлиан* употреблялись женские имена *Павла, Феодора, Юлия, Юлиана*. Многие из них ушли в прошлое. Ребята, читая стихотворение К. И. Чуковского «Федорино горе», иногда не понимают, о какой Федоре идет речь, так как не слышат сейчас такого имени, а некогда оно было весьма распространенным. Среди таких однокоренных имен наблюдаются изменения: они утвердились за многие века либо как мужские, либо как женские. А некоторые имена на *-а* просто перекочевали из мужских в женские: *Аза, Алла, Зина, Инна, Римма, Феона* были антропонимами мужскими, — переместиться в имена женские им, видимо, помогла их форма, окончание *-а*.

Известные сейчас имена *Антон, Артём, Ипат, Макар, Назар* зафиксированы в списках календарных имен с

окончанием *-ий*: *Антоний, Артемий, Ипатий, Макарий, Назарий*. В народном произношении они теряли это *-ий*.

В календарных именах, оканчивающихся на *-ик*: *Андроник, Калиник, Зотик, Стратоник* — это *-ик* воспринималось как указание на уменьшительную форму, вроде наших современных *Алик, Виталик, Вадик, Павлик*. На месте старых заимствованных появились новые формы таких имен: *Андрон, Калина, Зот, Стратон*.

Во многих женских именах в разговорном языке утверждается концовка *-ида*: *Степанида, Соломонида, Макрида, Антонида, Зинаида, Платонида*, — хотя некоторые из однокоренных с ними употреблялись и без этой концовки: *Антонина, Макрина, Соломония*. По-разному объясняют происхождение *-ида* в календарных именах: в одних случаях ее считают указанием «дочь такого-то», и тогда можно перевести *Соломонида* как *дочь Соломона*, а *Антонида* как *дочь Антония*. В других случаях обнаруживают то же выражение принадлежности, но уже не обязательно отцу: например, имя *Еликонида* переводят как «жительница горы Геликон». Некоторые ученые полагают, что иногда в словах на *-ида* не ощущается выражение принадлежности: *Аглаида* переводят как «блестящая», а точнее «блестящий вид». Однако о значениях этого *-ида* можно говорить только относительно древнегреческого языка, из которого пришли многие календарные имена. Попав в русский язык, имя стало восприниматься все целиком, а в народном языке эта концовка употребляется иногда и в таких именах, в каких ее раньше не было.

Долго еще можно перечислять превратности судьбы заимствованных имен, пришедших на Русь с христианством. Однако и так уже ясно, что русский язык не оставался пассивным по отношению к ним, он впускал их в свой состав, подчиняя своим законам, изменяя их.

Способность имен изменяться в соответствии с особенностями того языка, в который они проникли, и явилась собственно языковой причиной утверждения заимствованных имен.

Влур — Овлур — Лавр — Лавор. Многие древнерусские памятники — свидетели сложной судьбы заимствованных имен. Одного и того же человека иногда разные источники называют по-разному. В «Слове о полку Игореве», в поэтическом рассказе о побеге Игоря из плена, упоми-

нается человек, помогавший князю: «Овлур свистнул за рекою, велит князю слушать», «Когда Игорь соколом полетел, тогда Влур волком побежал, сбивая собою студеную росу». Кто же этот *Влур* или *Овлур*?

В другом памятнике, Ипатьевской летописи, тоже есть рассказ о побеге Игоря из плена. Но в летописи об этом событии рассказывается без всяких поэтических красот, зато с точностью, обычной для этого жанра. Здесь нет никаких сравнений с волками, соколами, кречетами, гоголями, как в «Слове», зато утверждается, что «это избавление сотворил господь в пятницу, и шел (Игорь) пешком 11 дней до города Донца, а оттуда пошел в свой Новгород». Но и в летописи упоминается человек, помогавший в побеге. Однако летописец называет его несколько иначе — *Лавром* и *Лавором*: «Договорился с Лавром бежати в Русь», «Пришел конюший и сказал князю своему Игорю, что ждет его Лавор». Несомненно, что *Овлур*, *Влур*, *Лавр* и *Лавор* — одно и то же лицо, а антропонимы, с которыми мы встречаемся,— это колебания в передаче одного и того же имени. Но какого? И почему колебания?

Неизвестно точно, был ли Овлур половцем по происхождению, как обычно считают. Возможно, так, но не исключено и другое: он мог быть половецким пленником, мог быть ребенком пленных и вырасти среди половцев. Имя его, упоминаемое в «Слове», не календарное и не древнерусское, видимо, половецкое. Но интересы уводят Овлура на Русь, он помогает бежать русскому князю, потом служит у этого князя и даже, судя по некоторым источникам, женится на дочери Рагуила — тысяцкого Игоря. И в летописи его имя звучит уже как христианское— *Лавр*. Правда, и здесь оно выглядит по-

разному: иногда как *Лавор*, но это уже отражение особенностей русской фонетики — так удобнее было произносить, с главным звуком между двумя согласными.

Могло быть так: после побега на Русь Овлур принял христианство, а вместе с ним и имя, похожее на его половецкое. Но могло быть и по-другому. Если он попал к половцам с христианским именем, они могли переделать его на более удобное для них по звучанию — Овлур.

Какова была на самом деле судьба этого имени, сейчас установить трудно, но одно несомненно: автор «Слова о полку Игореве» дает те варианты, какие слышались в живом произношении, а летописцы стараются выдерживать форму заимствованных имен.

И другие нерусские имена летописью и «Словом» фиксируются по-разному. Одного из половецких ханов автор «Слова» называет *Гзаком* или *Гзой*: «По следу Игоря едет Гзак с Кончаком», «Молвит Гзак Кончаку... сказал Кончак ко Гзе». А летопись называет его *Кзой*: «Другие половцы шли по другой стороне к Путивлю, Кза с большой силой», «И сказал Игорь, увидев это: мы собрали против себя всю землю: Кончака и К(о)зу Бурновича, и Токсобича, и Етебича». Видимо, по-разному слышалось имя *Гза—Кза* русским, и записывали его в летописях и других древнерусских произведениях по-разному.

Значит, русский язык приспосабливает к себе не только те имена, которые входят в него и попадают в русский именник. В русских текстах подвергаются адаптации и такие, которые известны лишь как имена иностранцев.

Как изменилось по сравнению с произношением в языках-источниках звучание имен и фамилий многих писателей, композиторов, ученых: *Вильям Шекспир, Генрих Гейне, Вольфганг Амадей Моцарт, Георг Фридрих Гендель, Жозеф-Луи Лагранж, Генрих Рудольф Герц, Феликс Клейн*. Ведь сами звуки английского, немецкого, французского языков, из которых пришли эти антропонимы, не похожи на русские, а некоторых просто нет в русском языке.

Почему имя *Шекспира* в одних русских изданиях записано как *Уильям*, а в других как *Вильям*? Почему доктор *Ватсон*, описывающий победы Шерлока Холмса, из некоторых переводов известен как *Уотсон*? Да потому что в русском языке нет такого звука, среднего между *У* и *В*, как в английском языке, а ведь с него-то и начинаются эти имена.

Но они не только записаны с помощью русской графики, они и произносятся у нас тоже по-русски: с *В* или *У*, а не с тем средним между ними звуком, как в английском языке.

Фамилию и имя замечательного немецкого поэта Генриха Гейне немцы произносят совсем не так, как русские: *Хайнрих Хайне*,— потому что в немецком языке согласный, с которого начинаются эти антропонимы, звучит совсем иначе, нежели в литературном русском языке, — близко к *Х*, и сочетание *ЕЙ* произносится иначе — как *АЙ*.

В большинстве западноевропейских языков по-иному, чем в русском, звучит *Л*: нет такого твердого *Л*, как у нас, оно несколько смягчено. Нет и такого резкого, как в русском языке, *Р*. Поэтому по-другому, чем в языках-источниках, произносятся заимствованные имена с *Л* и *Р*. И так с большинством звуков. Впрочем, и русские имена, попадая в другие языки, тоже изменяются. Старинные иностранные хроники, рассказывая о древнерусских князьях, называют, например, Владимира Мономаха *Вольдемаром*, Ярослава Мудрого — *Ярислейфом*, Борислава — *Бурислейфом*.

Как часто проникают чужеземные имена в русский язык? В общем-то редко. Такого явления, как с календарными именами, когда сотни их хлынули на Русь, больше не наблюдалось. Да и вошли они в народный язык в настолько измененной форме, что можно говорить о совсем новом именнике: на основе заимствованных были созданы новые, собственно русские имена.

Но и древнерусский и русский язык в разные эпохи постоянно сталкивались с иноземными именами, и иногда по тем или иным причинам их носили и представители русского общества. Так, в «Повести временных лет» рассказывается о русском посольстве князя Олега в Византию в 912 году и называются имена его участников: «Мы от рода русского: Карлы, Инегельд, Фарлаф, Веремуд, Рулав, Гуды, Руалд, Карн, Фрелав, Руар, Актеву, Труан, Лидул, Фост, Стемид». В другом месте «Повести» называются имена послов 945 года; вот некоторые из них: «Ивор, посол Игоря... Вуефаст — Святослава, сына Игоря, Искусеви — княгини Ольги... Каницар — Предиславы, Шихберн Сфандр — жены Улеба... Кары Тудков, Воист Воиков, Истр Аминодов, Явтяг, Фудри Туадов, Мутур Утин, Адун, Адулб, Иггивлад, Олеб, Роалд, Гунар, Фрастен, Игельд, Свен, Стир, Алдан».

Даже если учесть, что во многие имена могли вкрасться ошибки при переписке летописи, то и тогда мы видим, что у многих послов были незнакомые не собственно русские имена. Возможно, многие из этих людей и не были русскими, а лишь находились на службе у князей. Но среди послов должна была быть и какая-то часть людей древнерусской народности либо таких, которые остались навсегда на Руси и их потомки считали себя русскими. Однако имена, которые встречаются при перечислении послов, почти не вошли в русский именник. Если они и входили в русский язык, то с изменениями. Так, не свидетельствует ли написанное *Олеб, Улеб* о колебаниях в отражении заимствованного имени Глеб, вроде того, как это наблюдается позднее с антропонимом *Овлур — Влур — Лавор — Лавр?* Тем более, что звук *Г* в началах заимствованных имен иногда вообще исчезал.

Итак, в «Повести временных лет» перечислено много иноземных имен, но они не вошли в русский именник. Такое явление можно наблюдать и в другие эпохи. Вспомните произведения русской литературы, отражающие особенности жизни в России в XVIII—начале XIX века. Как часто в них мы встречаемся с именами русских людей, произносимых по-французски: *Николя, Мари, Аннет, Натали, Пьер, Андре, Жорж, Софи, Жюли!* Перелистайте «Войну и мир» Л. Н. Толстого. Там вы обнаружите, что во многих случаях имена произносились на иностранный манер не только тогда, когда говорили по-французски, но и в русской речи. Аристократы тогда не мыслили себя без знания французского языка, нередко предпочитали его русскому. Это отразилось и на антропонимах. Привились эти нормы в русском языке? Нет.Они существовали только в определенный период, не очень большой с точки зрения истории русской ономастики, только в определенной группе населения, тоже не очень большой количественно, и лишь в обиходе, но не в документах. В народный язык эти имена не проникали. И не только потому, что были чужды русскому произношению, но и потому, что с ними связывалось представление о той части русского общества, к которой русский народ не испытывал добрых чувств.

Вот и получается, что соприкасается русский язык, как и все другие языки, с иноземными именами в разные эпохи, но проникают в него лишь некоторые из них, да и то обычно подвергаясь переработке,

И тем не менее в современном русском именнике обнаруживаются имена иностранного происхождения, отсутствующие в святцах. Они появлялись в разное время и разными путями. Некоторые употреблялись сначала как неофициальные, неполные имена к близким по звучанию календарным. В драме М. Ю. Лермонтова «Маскарад» жену Арбенина зовут Ниной. Так написано в перечне действующих лиц. Но есть в драме и такие строки о ней: «Настасья Павловна споет нам что-нибудь», а немного дальше: «Ах, в самом деле, спой же, Нина, спой!» Грузинское имя *Нина* в первой половине XIX века только начинает входить в русский именослов. В драме «Маскарад» оно еще вроде неполного к календарному *Настасья (Анастасия)*.

В первой половине XIX века благодаря русской литературе становятся широко известными в России и другие заимствованные имена, употребляющиеся сейчас в живом языке: *Тамара* и *Бэла* из произведений Лермонтова, *Земфира* и *Зарема* — Пушкина.

В начале XIX века некалендарные имена используются редко; к концу XIX века их количество увеличивается, но их процент в русском именнике очень невелик.

Резко возросло употребление некалендарных заимствованных имен после революции, когда крещение как обязательный обряд было отменено. В 20—30-е годы XX века распространяются многие из таких новых заимствований: *Роза, Ядвига, Грета, Жанна, Луиза, Адольф, Гарри, Георг, Жорж* — фиксируются в эти годы как полные официальные имена.

Это и понятно: началась новая жизнь, родителям хотелось, чтобы судьба их детей, родившихся при Советской власти, была во всем не похожа на трудные судьбы людей до революции. Хотелось, чтобы жизнь была красивой, и имена им старались давать красивые, не похожие на старые, надоевшие, из святцев. Часть этих новых имен — заимствования. Детей нарекали именами героев — борцов за свободу в прошлом *(Спартак, Марат)*, названиями революционных символов *(Аврора* в честь революционного крейсера). Заимствованные имена распространялись с помощью литературных произведений (*Нора* из пьесы Ибсена, *Мальвина* из сказки А. Н. Толстого «Золотой ключик», *Тимур* из повести А. П. Гайдара), театральных постановок *(Аида, Иоланта, Фауст, Герман)*.

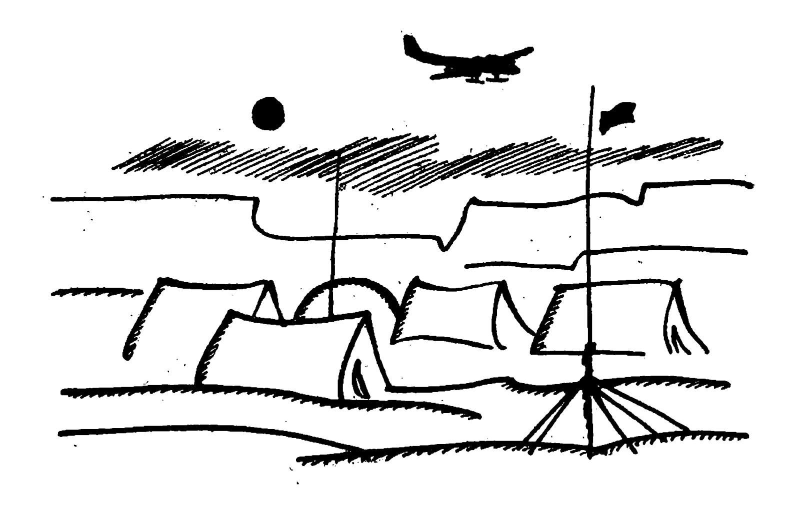
И еще одно любопытное явление в русской антропонимии последних двух веков: увлечение заимствованиями гораздо чаще касается женских имен, нежели мужских. Если вы загляните в «Справочник имен народов РСФСР», то среди рекомендуемых новых заимствованных имен обнаружите всего несколько мужских *(Тимур, Эмиль, Эрнест, Эдуард)* и довольно много женских: *Берта, Ванда, Виргиния, Власта, Ганна, Генриетта, Дина, Жанна, Изабелла, Изольда, Инга, Каролина, Клара, Клариса, Леокадия, Лиана, Лилиана, Луиза, Мальвина, Роза, Розалия, Розина, Сильва, Эвелина, Элеонора, Эльвира, Эмилия, Эмма.*

Отличались ли в этом отношении мужские имена от женских в древности, установить трудно, так как о женских древних именах мы знаем мало. Но, возможно, это явление древнее. Когда рождался мальчик, родители заботились прежде всего, чтобы он был здоровым, сильным, умным, мужественным, а когда девочка—чтобы она была здоровой и красивой. Вот и украшали ее чем могли: нарядами, украшениями и ... именем.

Кто завидовал девочке ***Карине?*** Девочки 30-х годов, подражая взрослым, называли своих кукол особенными, не похожими на старые именами. Среди них было много заимствованных: *Роза, Роксана, Стелла.* И так же как у взрослых, большой популярностью пользовались у них новые имена, создаваемые в эти годы в стремлении отразить новые стороны жизни.

Девочки 30-х годов! Наверное, не было у их кукол имени более популярного, чем *Карина.* У него необычная судьба. В феврале 1934 года в Чукотском море потерпел аварию пароход «Челюскин», на котором находилась большая экспедиция под руководством О. Ю. Шмидта. Перед участниками экспедиции стояла задача — пройти в одну навигацию Северный морской путь. В результате аварии и гибели парохода экипаж «Челюскина» оказался на льдине в очень тяжелых условиях. И там среди мужественных и выносливых людей находились две маленькие девочки. Имя одной из них, а ей было всего несколько месяцев от роду,— *Карина.* Она родилась на Крайнем Севере, еще никогда не была на Большой земле, и назвали ее так необычно по именованию Карского моря.

Вся страна, затаив дыхание, следила за судьбой отважных челюскинцев. Особенно беспокоились за малышей.

И лишь когда летчики обнаружили льдину с лагерем, когда всех вывезли оттуда, люди вздохнули спокойно.

Ребята знали сначала от взрослых, по газетам о том, что происходит с отважным экипажем «Челюскина», а затем стали выходить и детские книги, в которых рассказывалось об участниках экспедиции. Упоминалась в них и крошечная Карина, девочка с необычным именем. И судьба ее необычна: быть в числе челюскинцев... Есть чему завидовать!

И девчонки 30-х годов воображали себя участниками героических событий, придумывали друг другу и своим куклам необыкновенные, новые имена. И среди них, конечно, было имя *Карина*.

Сейчас можно прочесть в «Словаре русских личных имен», что есть такой заимствованный антропоним — *Карина* (по-латыни — киль корабля). Возможно и так, но тем, кто помнит время героической эпопеи «Челюскина», не хочется связывать имя девочки Карины с латинским заимствованием. Им больше по душе другое объяснение: оно образовано от названия Карского моря.

Ничего необычного в появлении такого имени в 30-е годы не было. Стремление многих людей избавиться от прошлого во всем, даже в именах, приводило к образованию новых антропонимов. Одни обращались к именам, заимствованным из чужих языков. Другие называли своих детей древнерусскими именами, отсутствующими в святцах и, казалось бы, забытыми многие столетия

В именнике 20—30-х годов появляются не только имена, жившие в Древней Руси, но и образуются по их типу новые. В современном справочнике имен, рекомендуемом для работников загсов, регистрирующих детей, можно встретить такие, как *Будимир, Всеслав, Вышеслав, Гостомысл, Гремислав, Доброслав, Ладимир, Лучезар, Светозар, Любомир, Ратибор, Рюрик, Станимир, Ярополк, Лада, Любомила, Мстислава, Горислава, Ростислава, Ярослава*. Возродившись в 20—30-е годы, они, правда в небольшом количестве, продолжают жить и сейчас.

Был и еще один путь возникновения новых имен — создание антропонимов на основе существительных или прилагательных, отражающих новые явления жизни.

В повести А. П. Гайдара «Бумбараш» есть такой эпизод:

— Послушай, ты,— помолчав немного, спросил командир,— как тебя зовут?

— Иртыш,— подсказал мальчик.

— Постой, почему же это Иртыш? Тебя как будто бы Иваном звали... Ванькой...

— То поп назвал,— усмехнулся мальчишка.— А теперь не надо. Ванька! И название какое-то сопленосое. Иртыш лучше!

— Ну ладно, пусть Иртыш.

Этот случай, рассказанный Гайдаром, ярко иллюстрирует причину тяги к новым именам. Видите, взрослый человек, командир отряда, соглашается с мальчиком: пусть Иртыш, а не Ванька. Он хорошо понимает, что мальчик стремится покончить со всем старым. Он и винтовку просит, чтобы бороться за светлую жизнь. Как же в эту новую жизнь идти со старым именем?

Как видите, причины обращения к необыкновенным, придуманным именам были очень существенны. В связи с этим в русский именник стали проникать самые неожиданные антропонимы. Среди них оказались имена, образованные от нарицательных существительных без всяких грамматических изменений этих слов, без специальных суффиксов или окончаний антропонимов: *Звезда, Ракета, Искра, Победа, Революция, Поэма, Новелла, Заря, Воля, Лира, Свобода, Эра, Труд, Мир, Гений, Радий* и др. Такой способ образования имен был известен еще в древнерусский период. С появлением календарных имен он постепенно исчезает, после революции возрождается снова. Но теперь лексика для имен используется особая. Уже

нет имен, данных по названиям зверей, птиц, рыб *(Заяц, Ворон, Ерш)*. Чаще всего для имен берут отвлеченные существительные, по значению связанные с революцией, со строительством социалистического общества.

Распространенными были в 30-е годы имена, созданные по названию революционных месяцев: *Ноябрь*, *Октябрь*, *Май*, *Ноябрина*, *Октябрина*, *Майя*. Появилось много новообразований в честь создателя и руководителя Коммунистической партии В. И. Ленина: по первым буквам или слогам имени, отчества, фамилии — *Вил*, *Вилен*, *Виленина*, *Владлен*, *Владилен*, *Владилена;* целиком по фамилии — *Ленина;* по сочетанию имени с нарицательными словами — *Вилорик* (В. И. Ленин — организатор рабочих и крестьян), *Вилора* (В. И. Ленин — организатор рабочих); по прочтению фамилии справа налево — *Нинель*.

Популярными были имена, возникшие в результате разного рода сокращений: по первым буквам слов — *Ким* (Коммунистический Интернационал молодежи), *Ор* (Октябрьская революция), *Рикс* (рабочий и крестьянский союз); по первым слогам — *Красарма* (Красная Армия), *Лемира* (Ленин, мир), *Марлен* (Маркс, Ленин), *Ревмира* (революция, мир), *Донара* (дочь народа), *Рената* (революция, наука, труд). Возникали антропонимы из усеченных слов: *Рев* — революция, *Люция* — революция, *Энгель* — Энгельс.

Иногда новые имена по словообразованию очень напоминали сложные древнерусские: *Вельмир*, *Владилен*, *Красномир*. Некоторые новообразования, расшифровываясь на основе слов, отражающих революционность, совпадали по форме со старыми русскими или заимствованными: *Мирра* (мировая революция), *Зарема* (за революцию мира), *Гертруда* (героиня труда), *Рада* (рабочая демократия).

Если новые имена по форме были похожими на старые, легко входили в систему склонения, они могли утвердиться в языке, но если нет, с ними приходилось расстаться. К мужским именам предъявлялось больше требований, чем к женским: они должны были еще естественно образовывать отчество, то есть оканчиваться на *-вич* и *-вн(а)*. Непривычны, чужды нашему уху отчества *Электрикович*, *Вилорикович*, *Октябревна*, *Майевна*. А ведь от имен *Электрик*, *Вилорик*, *Октябрь*, *Май* иных не создашь. Вот и приходилось отказываться от подобных имен, потому что они выглядели чужаками в системе отчеств.

Не удержались и такие, которые полностью совпадали с именами нарицательными. Подавляющему большинству русских имен, которые сложились ко времени революции, не свойственны какие-либо значения. Они характерны для иной системы — для прозвищ.

Если снова обратиться к справочнику современных имен, то окажется, что среди новшеств русского именника, возникших после революции, преобладает возрождение древнерусских, особенно сложных, имен, утверждение некоторых заимствованных и всего лишь несколько рекомендаций относительно вновь созданных антропонимов: *Ким*, *Владилен*, *Майя*, *Нинель*, *Октябрина*, *Рената*. И те девочки, которые в 30-е годы называли своих кукол новыми, специально придуманными именами, в 50—60-е годы своих детей называли, как правило, именами, широко распространенными в XIX—начале XX века, избегая нововведений.

Но забывать о волне новых именований не следует, и потому что в результате нам осталось несколько красивых, вполне утвердившихся имен, и потому что был и горький опыт в наречении ребят придуманными именами, и потому что ведь «из песни слова не выкинешь»: была такая эпоха в русской антропонимии.

И еще одно обстоятельство обращает на себя внимание. Русский именник находился в постоянном движении: одни имена появлялись, распространялись, другие сходили на нет. В каждую эпоху в именнике были антропонимы очень популярные, широко распространенные и, наоборот, весьма редкие.

В «Словаре русских личных имен» Н. А. Петровского, который фиксирует не только современные, но и антропонимы прошлого, около 2600 имен. Но если вы вспомните всех своих знакомых и знакомых ваших родителей, соседей и т. д., то сможете насчитать лишь несколько десятков имен, самое большее — около 100. А где же остальные две с половиной тысячи? Более того, вы обнаружите, что наиболее популярны сейчас лишь несколько имен. Среди ваших сверстников наверняка есть несколько *Андреев*, *Александров*, *Марин*, *Елен*, *Татьян*, *Наталий*.

В последние годы ученые, занимающиеся антропонимикой, исследовали имена, которые давали новорожденным в XX веке в различных городах нашей страны: в Москве, Ленинграде, Ульяновске, Пензе, Волгограде, Свердлов-

ске. Результаты оказались очень интересными. Только несколько имен постоянно и часто употреблялись на протяжении XX века: *Владимир*, *Александр*, *Николай*, *Сергей*, *Михаил*, *Алексей*, *Татьяна*, *Елена*, *Надежда*. Среди других имен наблюдается спад, их было много в начале века и мало сейчас: *Иван*, *Павел*, *Гавриил*, *Федор*, *Александра*, *Пелагея*, *Анфиса*, *Глафира*, *Дарья*, *Калерия*, *Матрена*. Третьи, наоборот, либо не встречались вовсе, либо в начале века употреблялись редко, но постепенно набирали силу и очень распространены сейчас: *Анатолий*, *Валентин*, *Валентина*, *Нина*, *Зинаида*, *Тамара*. Если в целом русский именослов изменяется не очень быстро, то популярность тех или иных отдельных имен может проходить через 10—20 лет.

Происходят сдвиги и во всем именослове и среди отдельных имен, но одно очевидно: около 80% людей в каждый определенный период в различных районах страны получают лишь около 20 мужских и 20—30 женских наиболее модных имен. При таком положении возникает великое множество тезок: в одном классе оказывается 6 Наташ, в другом появляется 5 Сереж, в третьем — 4 Марины. А если взять целую школу, то там можно насчитать десятки тезок. А если город? Тут уж со счета собьешься.

В официальной обстановке тезок не путают, потому что, кроме имен, употребляют их фамилии и отчества. А как быть там, где отчество и фамилия не используются: во дворе, дома, в классе с подругами и товарищами, в детском саду или яслях? Ведь ребята не называют друг друга по отчеству, да и фамилию используют очень редко.

Оказывается, различать людей, носящих одинаковые имена, помогает сама система русской антропонимии, в которой существует большое количество неполных, уменьшительных, ласкательных, уничижительных форм от каждого полного имени, а, кроме того, в неофициальной обстановке для различения тезок используются иногда и прозвища.

Добрынюшка, Илья Муромец и Идолище поганое. Попробуйте сосчитать, сколько неполных, уменьшительных, ласкательных и других имен можно образовать от каждого полного. Очень много. Есть такие полные имена, от каждого из которых создано более ста разных именований. В XVI—XIX веках, например, жило исключительно много *Иванов*. Иногда в семье несколько

родных братьев носили это имя, и приходилось различать их с помощью прозвищ: *Ивашко Большой* да *Ивашко Меньшой* или *Ивашка Большак* да *Ивашка Меньшак*. Имя *Иван* дало множество неполных, уменьшительных, уничижительных образований.

Количество образований зависит прежде всего от того, насколько давно и как часто употреблялось имя в русской антропонимии. Уже в памятниках Древней Руси обнаруживаются различные имена, которые можно считать неполными формами от одного полного: *Доброслав — Добрило — Добрыня*, *Судислав — Судило — Судилка — Судиша*, *Путислав — Путило — Путиша — Путша — Путилко — Путята*, *Твердислав — Твердило — Твердята — Твердиша*. Гораздо больше различных неполных имен к одному полному фиксируют более поздние памятники, например деловые документы XVII века. В уральских актах этого времени несколько антропонимов образовано от имен *Герасим — Гараська*, *Герася*, *Геранка*, *Ерасимко*, *Ераян*; *Иван — Ивашка*, *Ивака*, *Иванайко*, *Иванко*; *Даниил — Даньша*, *Даня*, *Данило* и т. д.

Очень много таких образований в современном языке. Присмотритесь к тому, какое множество форм дало, например, имя *Дмитрий*. За этим перечислением стоит долгая и интересная жизнь антропонимов, о которой ниже пойдет речь. Вот как называли и называют *Дмитриев* в различные эпохи в разной обстановке: *Дима*, *Димаха*, *Димаша*, *Димашенька*, *Димашка*, *Димик*, *Димка*, *Димонька*, *Димочка*, *Димуленька*, *Димулечка*, *Димулька*, *Димуля*, *Димусенька*, *Димусечка*, *Димусик*, *Димуська*, *Димуха*, *Димуша*, *Димушенька*, *Димушечка*, *Димушка*, *Димчик*, *Димша*, *Диша*, *Дишка*, *Митя*, *Митей*, *Митёк*, *Митён*, *Митенька*, *Митёха*, *Митечка*, *Митька*, *Митонька*, *Миточка*, *Митра*, *Митрак*, *Митраша*, *Митрашенька*, *Митрашка*, *Митрейка*, *Митречка*, *Митреюшка*, *Митрик*, *Митруха*, *Митрюха*, *Митрюшенька*, *Митрюшка*, *Митря*, *Митряй*, *Митулик*, *Митулька*, *Митуля*, *Митух*, *Митуша*, *Митушка*, *Митушок*, *Митька*, *Митьша*, *Митюк*, *Митюля*, *Митюленька*, *Митюлечка*, *Митюлик*, *Митюлька*, *Митюнька*, *Митюньша*, *Митюня*, *Митюха*, *Митюша*, *Митюшенька*, *Митюшечка*, *Митюшка*, *Митюшок*, *Митя*, *Митяга*, *Митяй*, *Митяйка*, *Митяка*, *Митята*, *Митяня*, *Митяша*, *Митяшенька*, *Митяшечка*, *Митяшка*, *Митяюшка*.

В числе этих имен есть неполные, которые употребляются обычно в неофициальной обстановке и не имеют никакого другого оттенка, кроме оттенка неофициальности: *Митя*, *Дима*. Обычно это имена на *-а*, *-я*, вроде таких, как *Ваня*, *Толя*, *Петя*, *Саня*, *Коля*, *Саша*, *Андрюша*.

Однако среди образований от полных имен много таких, которые выражают оценку человека; их так и называют — оценочными.

Неполные и оценочные русские имена образуются с помощью самых различных суффиксов. Вот наиболее употребительные из них:

-к(а)[1] — *Валька, Петька, Верка, Сонька.*
-ш(а) — *Паша, Наташа, Алёша, Валяша.*
-уш(а), -юш(а) — *Динуша, Павлуша, Танюша, Толюша.*
-н(я) — *Маня, Ваня, Сеня, Тоня.*
-с(я) — *Дася, Дуся, Ася, Тося.*
-ус(я), -юс(я) — *Веруся, Маруся, Ванюся, Варюся.*
-оньк(а), -еньк(а) — *Геронька, Веронька, Сереженька, Пашенька.*
-очк(а), -ечк(а) — *Ромочка, Томочка, Витечка, Валечка.*
-ур(а), -юр(а) — *Ванюра, Сашура, Дашура, Васюра.*
-ат(а), -ят(а) — *Гришата, Ванята.*
-ут(а), -ют(а) — *Мишута, Дашута, Ванюта, Анюта.*
-г(а) — *Васяга, Гога, Коляга.*
-ул(я), -юл(я) — *Вовуля, Веруля, Сануля*
-ён(а) — *Валёна, Васёна.*
-х(а) — *Варлаха, Викеха, Нинаха, Оксаха.*
-ух(а), -юх(а) — *Варюха, Васюха, Борюха, Оксюха.*
-ук, -юк — *Мишук, Васюк, Валюк.*
-ук(а), -юк(а) — *Толюка, Гришука, Дашука.*
-ок, -ёк — *Сашок, Васёк, Манёк.*
-ак, -як — *Гришак, Васяк, Толяк.*
-ч(а) — *Борча, Тольча, Маньча.*
-ан, -ян — *Мишан, Гришан, Васян.*
-ик — *Вадик, Стасик, Валерик.*
-чик — *Белчик, Томчик, Ляльчик.*
-ищ(е) — *Васище, Валище, Колище.*

Тысячи различных форм образованы от полных имен в русском языке. Изучение их показало, что в русской антропонимии таятся удивительные закономерности, которые

---

[1] В скобках дано окончание.

помогают анализировать историю неполных и оценочных имен.

Современные женские полные имена в русском языке оканчиваются главным образом на *-а*, *-я* (*-ия*, *-ья*): *Раиса*, *Галина*, *Лидия*, *Мария*, *Софья*, *Дарья*. Мужские же полные — преимущественно на твердый согласный звук или на *-ай*, *-ей*, *-ий*: *Петр*, *Павел*, *Николай*, *Алексей*, *Афанасий*. Окончание *-а* в мужских именах редко (*Никита*, *Вавила*), да и то чаще в просторечных формах — *Гаврила*, *Кирила*.

Женские полные имена легко склоняются по 1-му склонению, как существительные нарицательные женского рода (*стена*, *армия*), а мужские — по 2-му склонению, как существительные нарицательные мужского рода.

А теперь попробуйте просклонять неполные имена мальчишек, такие, как *Ваня*, *Петька*, *Коленька*:

И.	*Ваня*	*Петька*	*Коленька*
Р.	*Вани*	*Петьки*	*Коленьки*
Д.	*Ване*	*Петьке*	*Коленьке*
В.	*Ваню*	*Петьку*	*Коленьку*
Т.	*Ваней*	*Петькой*	*Коленькой*
П.	о *Ване*	о *Петьке*	о *Коленьке*

Сама форма неполных имен (окончание *-а*, *-я*) указывает, что они должны склоняться, как существительные женского рода. А если присмотреться внимательно к существующим неполным и оценочным мужским именам, то можно заметить, что оканчивающиеся на *-а*, *-я* составляют среди них около $^{2}/_{3}$. Мало того, многие неполные и оценочные имена образуются одинаково от мужских и женских полных:

Саня, *Саша*, *Сашка* — от *Александр* и *Александра*;
Паша, *Пашка*, *Пашенька* — от *Павел* и *Прасковья*;
Вася, *Васька*, *Васенька* — от *Василий* и *Василиса*;
Слава, *Славка*, *Славочка* — от *Владислав* и *Ярослава*;
Ника — от *Никон* и *Вероника* и т.д.

Как же получилось, что полные имена строго различаются по 1-му и 2-му склонению (за редким исключением — *Нинель*), а мужские неполные в большинстве своем попали в другую, не мужскую систему склонения? Получилось так потому, что сама система неполных и оценочных имен

оказывается очень древней: в основе своей она уходит в дописьменные времена. В славянских, как и в некоторых других индоевропейских языках, различия по мужскому и женскому роду не касались детей: в древнерусском и современном языке *чадо* и *дитя* — слова среднего рода. Не было, видимо, в древности родовых различий и в неполных и уменьшительных именах, которые давали, конечно, прежде всего детям.

В древнерусских памятниках, например, много имен на *-ята: Гостята, Местята, Селята, Гордята, Твердята, Станята, Климята*. Такие имена встречаются и сейчас *(Санята, Гришата)*, но редко, тогда как в Древней Руси, судя по памятникам, они употреблялись довольно часто. Чем же замечательны эти имена?

Вы не обращали внимание на то, что в названиях детенышей животных в современном языке употребляются разные суффиксы в формах единственного и множественного числа: *котенок — котята, ягненок — ягнята, козленок — козлята, цыпленок — цыплята*? В единственном числе *-ёнок*, а во множественном *-ята*. Маленькие ребята, которые только учатся говорить и постигают премудрости системы русского языка, иногда путают эти суффиксы и произносят: *котенок — котенки, гусенок — гусенки* или *котята — котят (котенок), крольчата — крольчат*. Трехлетняя девочка рассказывает: «У нас один крольчат в подполье упал». Она слышала всегда только множественное число от этого слова и, когда ей понадобилось единственное, легко образовала его, отбросив окончание, как это делается в других существительных.

В древности существительные — названия детенышей животных были, видимо, словами среднего рода, и такой разницы в употреблении суффиксов в формах единственного и множественного числа, как сейчас, тогда не было. Слова *теленок* и *поросенок* выглядели так:

И.	*теля*	*порося*
Р.	*теляте*	*поросяте*
Д.	*теляти*	*поросяти* и т. д.

Иногда в пословицах, поговорках или поэтическом языке можно обнаружить эти архаические формы: «Нашему теляти да волка поймати» — или у Пушкина в «Сказке о попе и работнике его Балде»: «Каши наварит, нянчится с дитятей». Видимо, и имена собственные неполные и

уменьшительные тоже относились к этому склонению: в именительном падеже оканчивались на *-я*, а в косвенных приобретали *-ят*.

Однако уже в самых ранних памятниках наблюдается разрушение этого склонения. Одни из имен сохранили суффикс *-ят* не только в косвенных падежах, но по аналогии приобрели его и в именительном: отсюда такие древнерусские имена, как *Станята*, *Местята*, и современные *Васята*, *Гришата*. Другие, наоборот, сохранив в именительном *-я*, потеряли *-ят* в косвенных падежах *(Вася, Васи, Васе)*. Все эти именования и на *-я* и на *-ята* начинают склоняться, как существительные женского рода, так как имеют окончания современного 1-го склонения.

Вот какой древней оказывается одна из моделей наших современных имен: ей гораздо больше тысячи лет. Появлялись новые полные имена, пришло в русскую антропонимию много заимствованных. Приспосабливаясь к русскому языку, они не только меняли свой внешний облик, но и входили в систему неполных имен, получали древние русские суффиксы и окончания. Имена *Василий*, *Иван*, *Екатерина*, *Анастасия* пришли с христианством (им на Руси не более десяти веков), а неполные и оценочные формы от них *(Вася, Ваня, Катя, Настя)* строились по образу и подобию древнейших неполных именований.

В глубокую древность уводят нас и другие неполные имена, о которых мы узнаем тоже из памятников. В «Повести временных лет», например, упоминается мать князя Владимира, при котором на Руси принято крещение,— ключница Малуша. Видимо, было у древних восточных славян не только мужское имя *Мал* (помните древлянского князя?), но и женское, что-то вроде *Мала*, а неполное к нему *Малуша*. Значит, уже в X веке были известны антропонимы на *-уша*, вроде современных *Нинуша*, *Ируша*, *Римуша*.

Точно так же памятники свидетельствуют и о формах на *-ша: Путша*, *Даньша*, *Судиша*, *Мистиша* — от имен *Путило*, *Данило*, *Судило*, *Мистило*. И здесь снова напрашивается параллель с современными очень распространенными формами на *-ша: Миша*, *Антоша*, *Даша*, *Маша*.

Может быть, в давних веках отыщутся и другие особенности нашей современной антропонимии? Не поискать ли в памятниках параллели к современным именам на *-ня:*

Маня, *Паня*, *Таня*, *Гриня?* В древнерусских текстах есть имена на *-ня: Добрыня*, *Замятня*, *Кутеня*. В памятниках XVI—XVII веков имена на *-ня* употреблялись обычно в тех же условиях, что и имена на *-ша*. «Досталась мне треть закладной полосы на земле Кутени и Гриши Варышевых»,— читаем мы в одном из уральских документов XVII столетия. В деловых актах, когда речь шла о крестьянах, имена употреблялись обычно в уменьшительно-уничижительной форме. Если документ был написан от первого лица, автор называл себя *Ивашкой*, *Гришкой*, *Федькой*, но когда он говорил о других крестьянах, то мог использовать или такую же форму на *-ка*, или неполные имена без оттенка уничижительности, без *-ка*, Так появились в памятнике *Гриша* и *Кутеня*.

Не один, а целый ряд способов образования неполных, оценочных имен пришел к нам из прошлого. В памятниках можно найти и несколько антропонимов, образованных от одного полного имени. Князя называют *Мстислав*, а человека незнатного *Мвстило;* к этому слову находим и такие, видимо, неполные по происхождению формы, как *Местята*, *Местятка*, *Мистиша*. Их от этого имени было, наверное, гораздо больше, но в памятники они попадали нечасто. Это закономерно. Ведь в летописях, церковной литературе, художественных произведениях Древней Руси рассказывается прежде всего о князьях, боярах, воеводах — о феодалах. Их обычно не называли в текстах неполными или оценочными именами. А о простых людях там записей очень немного, потому редко встречаются и неполные имена.

Нужно искать другие источники изучения таких имен. На помощь опять приходят новгородские берестяные грамоты. Их писали не для торжественных случаев, не для того, чтобы хранить веками. Как изумились бы древние новгородцы, если бы могли предположить, что эти обрывки берёзовой коры с небрежно процарапанными буквами, пролежавшие в земле столетия, через много веков будут отыскивать специальные экспедиции! Грамоты на бересте станут бесценными. Сколько нового и важного уже поведали эти послания из далеких веков историкам, филологам, этнографам!

Авторы берестяных грамот не заботились о красоте слога, а писали так, как говорили в обычной жизни: «Пришли ми цоловека на жеребце... да пришли сороцицу,

сороцицу забыл». Произносил новгородец *Ц* вместо *Ч* и так же писал: *цоловек, сороцица,* а не *человек, сорочица.* И тех, к кому или о ком писали, тоже называли обычными бытовыми именами. В одном письме читаем: «От Гостяты к Васильеве». В другом: «Господину Юрию челом бьют Ортемка и Деица, рожь продают». В записи о долгах: «У Милошка четверть[1], у Ратши две четверти... у Ярыша две четверти... у Содлилки четверть, у Селяты четверть, у Дешевка четверть... у Станяты четверть».

Гостята, Ортемка, Милошка, Ратша, Ярыша, Содлилка, Васька, Дешевка, Станята — все это, видимо, неполные имена. Они образованы от полных календарных *(Ортемка, Васька)* и собственно древнерусских *(Гостята, Ратша, Дешевка)*. Но способы образования неполных имен одинаковы и для тех и для других. Почти все эти способы дожили до наших дней.

В грамотах есть имена на *-а: Миха, Кондра,*— составленные на основе двух первых слогов имен. Этот принцип образования неполных имен жив до сих пор: *Гена, Влада, Мара.* Богаты грамоты именами на *-ша, -шка, -ята, -я.* Можно выписывать неполные имена с различными суффиксами из грамот, и к ним почти всегда найдутся параллели с теми же суффиксами в современном.

В грамотах:	В современном языке:
Филипец, Шибинец,	*Василец, Варец,*
Судиша, Ратша,	*Миша, Кольша,*
Кирьяк,	*Васяк, Гришак,*
Перха.	*Димха, Ирха* (от *Иринарх*) и т. д.

Трудно определить по коротеньким записям, каковы оттенки таких неполных имен, записанных в грамотах. Скорее всего, кроме нейтральных, никак не окрашенных неполных имен, здесь встречаются уменьшительно-уничижительные. А уменьшительно-ласкательные? Ведь они к нам пришли тоже, наверное, из древности. А в грамотах их почти нет.

Для изучения истории таких имен приходится привлекать другие источники — произведения устного народного творчества: сказки, песни, былины.

---

[1] Четверть — единица измерения хлеба в зерне.

В былине о Добрыне Никитиче читаем:

Да три года жил Добрынюшка да конюхом,
Да три года жил Добрынюшка придверничком,
Да три года жил Добрынюшка да ключником,
Ключником Добрынюшка, замочником,
Золотой казны да жил учетчиком.

Историки полагают, что прототипом былинного Добрыни мог быть Добрыня, известный из летописи как современник князя Владимира, то есть жил он в X веке. И форма имени на *-ушка, -юшка* могла быть употребительной уже тогда.

Уменьшительно-ласкательные имена есть и в других былинах — об Илье Муромце, Микуле Селяниновиче:

Было чадочко да его милое,
Одинакое его любимое,
Молодой сын да Илюшенька.

Поедем, Настасьюшка, во чисто поле
Стрелять стрелочки каленые.

Станут мужички меня покликивать:
«Ай, да ты молодой, Микулушка Селянинович!»

Уменьшительно-ласкательные имена характерны для многих народных песен:

Сидела Катюшенька
В новой горенке одна.
Шила моя Катюшенька
Тонки, белы рукава.

Дорогая наша гостья, масленица,
Авдотьюшка Изотьевна.

На лужке цвели три цветика,
Алы цветики алеются,
За Машенькой женишки вьются.

Ой, не стук стучит, да не гром гремит,
Как то Ванюшка с поездом едет,
Да с хоробрыми со боярами.

Каждый с детства хорошо знаком с героями сказок: сестрицей Аленушкой и братцем Иванушкой, Емелюшкой, Крошечкой Хаврошечкой, Малашечкой да Ивашечкой. Лису в сказках именуют Лизаветушкой, Медведя — Мишенькой, Петуха — Петенькой.

Прислушайтесь, как звучат имена героев былин, песен, сказок — очень часто с суффиксами *-ушк(а)*, *-юшк(а)*: *Добрынюшка*, *Микулушка*, *Настасьюшка*, *Ванюшка*, *Аленушка*, *Емелюшка*. Кроме того, много имён на *-шеньк(а)*: *Илюшенька*, *Катюшенька*, *Машенька* — и *-шечк(а)*: *Хаврошечка*, *Малашечка*, *Ивашечка*. Формы на *-шеньк(а)* и *-шечк(а)* возникли от имен на *-ш(а)*: *Маша*, *Иваша*, *Ванюша*, *Илюша*.

Но ведь подобные имена мы встречаем сейчас не только в сказках, а в повседневном употреблении. И опять можно говорить о многовековой жизни таких уменьшительно-ласкательных имен. Может быть, все способы образования наших неполных имен пришли из прошлого и за сотни лет в них не происходило никаких изменений? Оказывается, изменения происходили. И иначе не могло быть, потому что язык никогда не стоит на месте, постоянно изменяется. Сейчас множество неполных имен образуется с помощью отсечения начала полных, особенно это касается поздних заимствований и новообразований. Возникли такие неполные имена, как *Белла* от *Изабелла*, *Бина* от *Альбина*, *Брин* от *Октябрин*, *Вара* от *Варвара*, *Велла* от *Новелла*, *Лика* от *Анжелика*. Иногда в двусложных неполных именах в обоих слогах повторяется один согласный звук: *Боба (Борис)*, *Вова (Владимир)*, *Гога (Георгий)*, *Вава (Валерия)*, *Ляля (Елена)*, *Кока (Николай)*. Ни тот ни другой способ образования не зафиксирован древнерусскими памятниками.

За несколько столетий изменилась судьба многих неполных и оценочных имен. В новгородских берестяных грамотах, например, довольно часты имена на *-ец* — *Федорец*, *Обакунец*, *Иванец*, *Доманец*, *Шибинец*, *Нерядец*: «У Обакунца две кади ржи, у Максимца две кади ржи, у Микитци кадь ржи». Много их и в новгородских писцовых книгах XVI века. В современной же антропонимии имена на *-ец* *(Петрец*, *Василец)* очень редки.

В документах XVI—XVII веков имена женщин из низших слоев населения (крестьянок, дочерей и жен ремесленников, стрельцов), как правило, употреблялись с суффик-

сом *-иц(а): Оксиньица, Варварица, Анница, Федосьица, Пелагеица.* «А сказывала она, Марьица, ей, Лукирьеце, что де Калинкина жеребенка в воду столкнули лошади», «Живет во дворе вдова Пелагеица Агиева дочь жена Боровлина, у нее сын Исачко 7 лет», «Бьет челом сирота ваша, Офимьица Иванова дочь». Сейчас такие формы не употребляются в официальном языке.

Однако, несмотря на изменения, многое в способах образования таких имен сохраняется. Вот почему нам легко читать и понимать былины, созданные много столетий назад, или сказки. Способность русской антропонимии в оценочных именах выражать отношение к человеку постоянно использовалась в устном народном творчестве. Героев былин, например, могли назвать и уважительно: *Илья Муромец, Добрыня Никитич* — и ласкательно: *Добрынюшка, Илюшенька, Алешенька* (Алеша Попович). А недругов обычно именовали уничижительно: *Идолище поганое.* Суффиксы этих имен сохранили свои старые значения, поэтому через много сотен лет новые слушатели и читатели ощущают в старинных сказаниях те же оттенки в описании героев, что и наши далекие предки.

«А Васька, а Ванька, а Захарка на что?» На обертке плитки шоколада нарисована веселая девчушка и написано «Аленка». Аленка — название шоколада, это и имя девочки, ласковое, уменьшительное. Но если бы такая обертка каким-то чудом попала в XVI или XVII век, там удивлению не было бы предела. Ведь для людей прошлого это имя звучало уничижительно. В грамотах XVII столетия так называли девушек-крестьянок: «Тому недели с три стал де он девке Аленке Кривошее говорить, чтоб она ему выдала шапку какую-нибудучи», «Слышал де он, Евтюшка, от его, Лучкины, сестры от девки Оленки, что де прислал он, Лучка, с матерью своею двои башмаки». Никакой ласкательности здесь нет. Значит, имена на *-ка: Аленка, Федотка, Ивашка, Федорка* — имеют в разных условиях различные оттенки.

На протяжении многих веков, до самой революции, было принято бо́льшую часть населения — людей-тружеников, людей, принадлежащих угнетенным классам,— именовать пренебрежительно на *-к(а)*. И в Древней Руси и в России вплоть до XIX века эта традиция последовательно отражается в деловой письменности. И не случайно

в документы попадали имена на *-к(а)*. Это было нормой и деловой письменности и обычной разговорной речи. Правило употреблять имена людей, стоящих на низших ступенях социальной лестницы, с уничижительными суффиксами было до такой степени обязательным, что даже антропонимы нерусских, иноязычных народов — татар, башкир, калмыков и других — записывались в русских документах тоже с суффиксом *-к(а)*: «Татарин Исекайка Батырев тамгу[1] свою приложил», «Башкирец Досайка Иткиняев допрашиван», «Черемисин Токпайка Актыбаев лисиц гонял».

В романе И. А. Гончарова «Обломов» помещики — родители Илюши и представить себе не могли, чтобы их сын что-то сам делал. «А Васька, а Ванька, а Захарка на что?» — кричали они, если Илюше хотелось что-нибудь принести, поднять. Детей крепостных в разговорном языке обычно не называли полными именами. Они становились взрослыми, старились, но по-прежнему оставались Васьками, Ваньками, Захарками.

Как же должна была измениться жизнь, чтобы имена на *-к(а)* из уменьшительно-уничижительных, из кличек могли превратиться в ласкательные! В настоящее время часто *Маринками*, *Саньками*, *Наташками*, *Андрюшками* родители ласково называют своих детей, девочки — подруг. Потому и нравится ребятишкам название шоколада «Аленка».

Однако сохранилась и старая функция имен на *-к(а)*, уничижительная, «обзывная». Когда мальчишки дерутся и кричат друг другу что-нибудь обидное, тут уж *Вовка*, *Алешка*, *Сережка* звучат отнюдь не ласкательно.

Вот и выходит, что в разных условиях неполные имена с различными суффиксами могут иметь неодинаковые, а иногда и прямо противоположные оттенки.

В известной песне «Катюша» на слова поэта М. Исаковского поется о девушке, к которой относятся с уважением. Недаром во время Великой Отечественной войны этим именем прозвали новое оружие — ракетно-пусковую установку. А вот в романе Л. Н. Толстого «Воскресение», написанном за полстолетия до этого, имя героини Катюши Масловой имеет другой оттенок: «... из девочки, когда она

---

[1] Тамга — родовой знак нерусских народов; его использовали, подписывая документы.

выросла, вышла полугорничная, полувоспитанница. Ее так и звали средним именем — не Катька и не Катенька, а Катюша», то есть не как простую крестьянку *(Катька)*, но и не как барышню-дворянку *(Катенька)*, а «средним именем», ласково, но неуважительно. И в этом случае в значении суффикса происходят сдвиги.

Однако такие сдвиги в большей степени касались не столько живого, разговорного языка, где в зависимости от обстановки одним и тем же уменьшительным именем можно выражать различные оттенки *(Ванька, Петька, Лидуха, Андрюха* могут быть и уничижительными и ласкательными словами), сколько официального, делового языка. Именно в юридических документах в XIV—XVII веках утверждалось как обязательная норма унижение себя при обращении к вышестоящим по чину, по положению. Обращаясь к царю, местный воевода писал: «Царю государю и великому князю всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержцу Алексею Михайловичу Ивашка Нарышкин челом бьет». Зато в документах, где этот воевода судил и рядил подвластных ему людей, он величал себя уже *Иваном Петровичем Нарышкиным*, а крестьян, ремесленников, купцов, стрельцов — *Ивашками, Петрушками, Федотками, Лаврушками, Богдашками.* Крестьянам и ремесленникам приходилось во всех случаях именовать себя уничижительно, так как ниже их по положению людей не было. Вот и утверждалась манера называть уничижительно бедняков, крепостных.

И только после революции, когда все люди окончательно были уравнены в правах, сама основа огромного количества имен на *-к(а)*, веками утверждавшаяся в России, была поколеблена. Эти формы уже не нужны для официального именования, не нужно столько их и в бытовом языке как уничижительных, вот и происходят изменения в их окраске. Они воспринимаются и как пренебрежительные. Недаром маленькие дети не желают называть кошку кошкой, а чашку чашкой. В их представлении это «коша», и «чаша», так как *-к(а)* они воспринимают как пренебрежительный суффикс. Но все чаще и чаще имена на *-к(а)* употребляются с иным оттенком, как уменьшительно-ласкательные.

Можно наблюдать и такое явление, когда, наоборот, имена с уменьшительно-ласкательными суффиксами произносят с иронией, пренебрежительно: «Вот и Алешенька

явился, только его и не хватало!», «Хорош Сашенька, так подвести ребят!», «Уж не Анечку ли слушать? Чему хорошему она научить-то может?» Однако здесь оттенок имени зависит уже не от суффикса, а от всего предложения, от интонации, от всей речи говорящего. Это наблюдается и в существительных нарицательных. Помните, как Простакова в комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль» говорит о своем муже, которого она терпеть не может: «Вот каким муженьком наградил меня господь!» Скотинина она называет братцем, но и *муженек* и *братец* в данном случае имеют отрицательную окраску. То же происходит нередко и с именами собственными.

Итак, имена с оценочными суффиксами имеют различные оттенки, но оттенки эти зависят не только от суффикса. Они зависят от эпохи, от характера речи, в которой употреблены, от индивидуальных привычек говорящего.

* * *

Закончен разговор о русских именах. Теперь мы знаем, какую важную роль они играют в языке и какой сложной жизнью жили на протяжении столетий. Но имена — только часть русской антропонимии. Уже с давних времен рядом с ними и в живом языке, и в литературных произведениях, и в деловых документах употребляются и другие самые разные именования. Теперь пойдет речь о них.

Володимиръ сын, Иванович, Отракович

Трехлетнего малыша впервые приводят в детский сад Ему страшно: все кругом чужие, и зовут их как-то странно. Дома все просто: маму называют мамой, папу — папой бабушку и дедушку — просто дедой и бабой, сестру — Таней, собаку — Валетом. А в детском саду взрослых называют почему-то длинными именованиями в два слова. Попробуй запомни, как зовут воспитательниц: *Людмила Алексеевна*, *Капитолина Яковлевна*.

Правда, дома малыш выучил, что маму зовут тоже двумя словами: *Анна Алексеевна*. И папу — тоже: *Владислав Александрович*. Но ведь так их называют только чужие люди. И выучил он это как стихи, которые трудно понять, но учить почему-то заставляют, как свою фамилию и адрес дома, где живешь. Мама говорила: «Надо знать фамилию, адрес, как зовут меня и папу, а то вдруг потеряешься». Но ведь малыш ни разу не терялся,— так, может быть, не обязательно знать все это?

И вдруг в детском саду на него сразу обрушилось много длинных именований: имена и отчества — так ему объяснили. А дня через три он уже не только твердо знал, как надо называть воспитательниц, но и рассказывал дома о «Людмиле Севне» и «Капитолине Яколевне». Четко произносить их имена и отчества он еще не мог, но что в его новой жизни, в том большом мире, куда он попал, взрослых называют по отчеству — это уже твердо знал.

И думал, что так везде, не представлял, что где-то может быть иначе. Не представлял до тех пор, пока в школе не начал изучать иностранный язык: немецкий, английский или французский — и не узнал, что в западноевропейских языках отчествами не пользуются.

У нас тоже можно услышать: «Поэт Александр Пушкин», «Композитор Михаил Глинка», «Певец Федор Шаляпин». В мире искусства приняты такие антропонимы. Но этих же людей называют Александром Сергеевичем Пушкиным, Михаилом Ивановичем Глинкой, Федором Ивановичем Шаляпиным. А в западноевропейских языках отчеств нет не только тогда, когда речь идет о людях искусства. Их нет вообще. Поэтому так трудно иностранцам разобраться в нашей антропонимике: зачем три слова — имя, отчество, фамилия, когда можно обойтись лишь именем и фамилией? Правда, имен у них может быть несколько.

И действительно, зачем отчество? Как оно возникло? Попробуем разобраться.

С «вичем», с «отцы» или «по отчеству». Что такое отчество? — Именование человека по отцу. Сын Алексея — *Алексеевич*, Никиты — *Никитич*, дочь Петра — *Петровна*, Ильи — *Ильинична*.

В русском языке принадлежность отцу можно выразить по-разному: «сын Петра (к о г о?)», «Петров сын (ч е й?)», «Петрович (к т о?)». Ни «сын Петра», ни «Петров сын» мы сейчас отчеством не назовем. Никому в голову не придет написать в документе «Иван сын Алексея Кузнецов» вместо Иван Алексеевич Кузнецов» или «Ирина дочь Леонида Мухина» вместо «Ирина Леонидовна Мухина». Если спросить любого русского человека, что из этих трех форм: «Петров сын», «сын Петра» и «Петрович» — отчество, он, не задумываясь, ответит: «Петрович». Почему? Да потому, что это слово кончается типичным исходом отчеств: *-вич*.

Значит, отчество не только указывает на принадлежность отцу и образовано от его имени. Это такая форма, которая, как правило, употребляется в антропонимах, помимо имени и фамилии, и особо оформлена грамматически.

Всегда ли существовали отчества в русском языке? История их насчитывает многие века. Из древнерусских и русских текстов можно извлечь множество отрывков, из которых ясно, когда появились и утвердились отчества,

Само слово *отчество* в значении «именование по отцу» довольно позднее. Только с XVII века оно встречается в памятниках: «Того ж села Троицкого крестьянин Федор прозвищем Кулыч, а отчество его запамятовал, пришел в конное стадо на лугу», «Жалоба государи нам, сиротам вашим, на кунгурцев Торговишского острогу на Остафия, отчество его опамятовали, и на сына его Спиридона». Однако слово *отчество* в этом значении в XVII веке, видимо, окончательно еще не утвердилось. Об этом свидетельствуют такие тексты: «По твоему, великого государя, указу и по грамоте велено стрельцов, и казаков, и пушкарей, и воротников, и пушкарского чину, и иных нижних служилых всяких чинов переписать по именам, с отцы и с прозвищи». Что такое здесь «с отцы»? «С отцы», то есть с указанием на отца, по отчеству. Видите, термин еще не установился окончательно.

Только при Петре I, в начале XVIII века, слово *отчество* начинает последовательно употребляться на всей территории России, и, видимо, большую роль в его распространении сыграл деловой язык, так как фиксируется оно прежде всего в различных документах.

До XVII века термина *отчества* или «с отцы» нет, но есть другое слово с похожим значением — «вич». В XVI веке был издан ряд царских указов о том, кому именоваться с «вичем», то есть формой *Петрович*, *Алексеевич*, *Андреевич*. И даже о женских антропонимах *Петровна*, *Алексеевна*, *Андреевна* тоже говорилось, что они с «вичем»: «Буде кто напишет думного дворянина жену без вича, и на тех людях... править бесчестие[1]».

Итак, в памятниках с XVI века встречаются специальные указания на именования по отцу. Но одинаковым ли было значение слов с «вичем», «с отцы», «по отчеству»? А до того, как появились эти термины, были какие-нибудь антропонимы от имени отца? Вот два вопроса, которые надо разрешить, чтобы разобраться в происхождении отчеств.

«Се аз, Мстислав Володимирь сын». В памятниках, написанных до XV века, постоянно подчеркиваются родственные связи людей разных поколений. Например, в Лаврентьевской летописи, говоря о воеводе князя Игоря и княгини Ольги (X век) Свенельде, летописец объясняет:

---

[1] Править бесчестие — штрафовать за оскорбление.

«Воеводой был Свенельд, он же отец Мистишин». Видимо, когда создавалась эта часть летописи, современники ее составителя лучше представляли себе, кто такой Мистиша, нежели Свенельд. Вот и приходилось пояснять, что Свенельд — отец Мистиши.

Но чаще в текстах помещены «объяснения наоборот»: о сыне или дочери говорят, ссылаясь на отца: «Ярослав сын Святополка послал в Новгород взять там себе в жены Мстиславову дочь».

Иногда указывали не только на отца, но на деда, прадеда и т. д.: «В тот же год пришел князь великий Александр Ярославич, внук Всеволож, правнук Юрия Долгорукого из Орды», «Был у них тогда князь Роман Мстиславич, внук Изяславль». Но чаще обходились указанием на отца.

Почему приходилось пользоваться таким именованием? Во-первых, потому что, как мы уже знаем, тезок на Руси было великое множество; в летописи, документы, художественные произведения тоже нередко попадали тезки. Ну, как, например, различить двух князей с одинаковым именем *Андрей* или двух *Дмитриев*, которые упоминаются в русском памятнике «Задонщина», написанном в XIV—XV веках в связи с Куликовской битвой? Автор «Задонщины» Софоний Рязанец делает это просто. Одного называет *Дмитрием Ивановичем* (это Дмитрий Донской), а другого — *Дмитрием Ольгердовичем* (князь Брянский); один из *Андреев* назван *Ольгердовичем*, другой — *Андреем Серкизовичем*. И всем было понятно, о ком идет речь.

Как трудно было бы сейчас разбираться в многочисленных Ярославах, Мстиславах, Всеволодах, если бы не было в летописях указаний на то, чьи они сыновья! А когда написано: *Мстислав Изяславич*, его уже не спутаешь с *Мстиславом Ярославичем* или *Мстиславом Андреевичем*[1].

Летописи и деловые акты — важнейшие источники изучения языка Древней Руси — донесли до нас большое количество именований, содержащих указание на отца. Обычно они оформлены специфическими суффиксами. В одной из самых старых грамот, дошедших до нас в подлиннике,— в документе 1130 года, составленном по при-

---

[1] Впрочем, иногда и в таких именованиях полностью совпадали и имена и антропонимы по отцу. Так, князь Ярослав Мудрый и Галицкий Ярослав Осмомысл оба были Ярославы Владимировичи. Тут уж выручали прозвища.

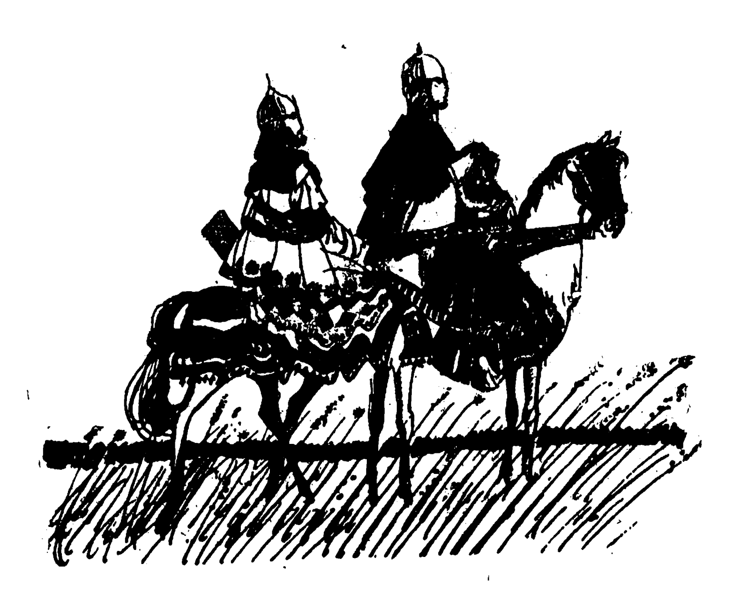
казу Мстислава, сына Владимира Мономаха, читаем: «Се аз, Мстислав Володимирь сын, держа Русску землю[1], в свое княжение повелел...»

Володимирь сын — сын Владимира, Владимиров сын. В качестве антропонима здесь используется старая древнерусская форма притяжательных прилагательных. В таких прилагательных был особый суффикс *-j-* — «йот», звук, близкий к очень краткому *и*, смягчавший стоявший перед ним согласный, а иногда и изменявший его: *Володимирь — Владимиров, Всеволож — Всеволодов, Ярополч — Ярополков.* В притяжательных прилагательных, возникших от имен, оканчивающихся на *в*, появлялся в конце мягкий звук *ль: Ярославль*, то есть *Ярославов, Изяславль — Изяславов, Ростиславль — Ростиславов.* Прилагательные с суффиксом *-j-* могли употребляться как антропонимы, но чаще они попадали в другую систему языка — в географические названия. Город, принадлежащий *Ярославу*, должен был называться *Ярославль*, *Владимиру — Владимирь* (современный Владимир), *Ростиславу — Ростиславль.* Сохранилось много названий городов из притяжательных прилагательных: *Перемышль, Добромиль, Радогощ, Изяслав, Переслав, Борислав* и др. Из антропонимии же такие прилагательные рано уходят. Возможно, одной из причин этого было их совпадение с географическими названиями, а язык обычно старается избавиться от одинакового оформления разных явлений. И в наименованиях по отцу развиваются другие суффиксы.

В памятниках много именований на *-ич: Лют Свенельдич, Ставко Скородятич, Борислав Некрушинич, Ольстин Олексич, Мирослав Гюрятинич, Ратмир Нежатинич;* на *-ович: Добрыня Рагуилович, Ростислав Владимирович, Твердислав Станилович;* на *-евич: Михаил Юрьевич, Сновид Изечевич.* Эти именования в летописях и древнерусских деловых памятниках относились к князьям, знати, людям состоятельным — к господам. В одной из новгородских грамот крестьяне села Избоища так обращаются к своим господам: «Господину Ондреяну Михайловичу, господину Миките Михайловичу, госпоже нашей Настасье Михайловне жене челом бьют крестьяне избоищане».

Иногда в памятниках можно встретить аналогичные именования, образованные от имени матери: сына Ярosла-

[1] То есть управляя Киевской землей.

ва Галицкого Олега называли *Настасьич* по имени его матери, в Ипатьевской летописи упоминается *Василько Маричич.* Однако такие именования — большая редкость. Обычно они имели особую, отрицательную окраску.

Почему же в Древней Руси для различения тезок обращались к антропонимам от имени отца, а в исключительных случаях и от имени матери? Для людей, знатных по происхождению, такие именования, кроме различительной, играли и еще одну роль: именем отца, занимающего привилегированное положение в обществе (например, боярина, князя), подтверждалось и особое положение его сына.

Иногда указания на знатных предков нанизывались одно на другое: «Князь Владимир Святославлич, внук Всеволож, правнук Ольгов, праправнук Святославль, праправнук Ярославль». В художественных текстах автор мог подчеркнуть, что герои его вышли из знаменитого рода, делая это метафорически. Например, в «Слове о полку Игореве» говорится об Олеговом храбром гнезде, из которого «вылетел» Игорь; тем самым указывается на его деда Олега Святославича. В летописях же и деловых документах обходились без метафор и прямо называли отцов, дедов, прадедов: «Святославич Игорь внук Ольгов».

В летописях нередко именование по отцу стоит перед именем, и этим как бы подчеркивается его значение:

«Великий князь Всеволодич Святослав шел в Корачев», «В тот же год ходили русские князья на половцев... Святославич Глеб, Гюргевич Глеб Туровский, Романович Мстислав, Давыдович Изяслав».

Раз антропонимы от имени отца были распространены уже в Древней Руси, может быть, следует говорить о древнерусском отчестве? Ничего, что не было еще термина *отчество*, само явление — именование по отцу — существовало.

В деловых документах, частных письмах, например в берестяных грамотах, мало таких антропонимов. Переберем сотни берестяных грамот, а отчества найдем лишь в нескольких из них. Сделана важная запись о долгах, имен в ней много, а именований по отцу нет ни одного: «На Сидоре лосось, на брате его лосось, на Фларе, на Заяце 4 белки, на Лавре 2 лососи, на Олферье 9 лососей... у Петра 13 лососей». Или в другой грамоте: «Приказ Косарику от Есифа. Возьми у Тимофея 15 сигов за 3 рубля» — именований по отцу тоже нет. И даже, обращаясь к господину, новгородцы сплошь и рядом обходились одним именем: «Господину Семену Марко челом бьет».

Употребление именований по отцу наблюдается лишь в торжественных случаях, да и то не всегда. Называют князя Игоря в начале «Слова» Игорем Святославличем, а дальше в тексте — уже только Игорем: «Игорь спит, Игорь бдит, Игорь мыслию поля мерит от великого Дону до малого Донца». И обращаются к Игорю только по имени, без всяких других антропонимов: «Донец сказал: Князь Игорь! Не мало тебе величия, а Кончаку нелюбия, а Русской земле веселия?» То же самое и в летописи и в документах: именование по отцу встречается обычно в начале текста, в котором говорится о том или ином человеке, а дальше его называют только именем.

Для живого разговорного языка именования по отцу, видимо, не были характерны в Древней Руси. И единого четкого оформления они тоже не имели: *Володимирь сын* — притяжательное прилагательное с суффиксом *-j*, *Игоревич* — существительное с «вичем». А было еще (мы узнаем об этом дальше) множество антропонимов от имени отца с суффиксами *-ов*, *-ев*, *-ин*. В наших современных отчествах такого разнобоя нет.

Таким образом, в Древней Руси отчеств в современном понимании еще нет, но уже закладываются предпосылки для их становления.

Всегда ли *Олеговичи* — дети *Олега*? Кто такой для нас *Олегович*? Конечно, сын Олега. *Мстиславич?* Безусловно, сын Мстислава. А шесть-семь веков это было не всегда так. В памятниках дети *Олега* называются *Олеговичами* (или, как писали в летописях, *Ольговичами*), *Мстислава* — *Мстиславичами*. В «Слове о полку Игореве» Буй Тур Всеволод, обращаясь к Игорю, говорит: «Оба мы Святославичи». Этим он подчеркивает, что они родные братья, дети одного отца.

Но на *-ич* и на *-вич* могли тогда называть не только детей, но и внуков, правнуков и т. д. Не только *Олеговым гнездом*, но и *Ольговичами* называли всех потомков Олега в различных поколениях. Исследователи никак не придут к единому решению вопроса о том, кого в «Слове о полку Игореве» именуют *Мстиславичами*: то ли детей одного из Мстиславов, то ли всех потомков Мстислава Владимировича, того самого, при котором написана грамота «Се аз, Мстислав Володимирь сын». Этот разнобой не случаен. Он возник потому, что не было у именований на *-ич*, *-вич* в Древней Руси такого четкого значения, как сейчас.

Почему именно на *-вич* образуется так много именований по отцу в прошлом, да и современные мужские отчества в большинстве своем кончаются на *-вич*? В XVI—XVII веках «вич» даже было особым словом, которое записывалось в указы: «Государь пожаловал, велел... во все приказы[1] послать памяти[2], а велел во всяких делах и в грамотах и в памятях... окольничего Петра Тихоновича имя писать ..., с вичем».

Как возник этот «вич»?

Мы уже видели, что в древности именования по отцу образуются не всегда с «вичем». От имен, оканчивающихся на *-а*, *-я* *(Никита, Илья)*, на *-слав (Ярослав, Вячеслав)*, отчества образуются только с суффиксом *-ич*.

Этот *-ич* пришел к нам из глубокой древности. И сейчас и в прошлом он имел несколько значений. Он указывает, например, на то, что человек является урожéнцем или жителем какого-то определенного города: *москвич* — *москвичи*, *костромич* — *костромичи*, *омич* — *омичи*. В XVI—XVII веках в этих словах формы единственного и множественного чисел имели различные суффиксы: *мос-*

---

[1] Приказ — учреждение.
[2] Память — деловой документ.

квитин — москвичи, *костромитин — костромичи*, *пермитин — пермичи*. Становление суффикса *-ич* в существительных единственного числа с таким значением можно проследить по письменным памятникам. Оно позднее.

Суфикс *-ич* сообщает о принадлежности к какой-либо общественной или родовой группе: *шляхтич* (к шляхте), *родич* (к определенному роду). Он встречается в названиях ряда древнерусских племен: *кривичи*, *вятичи*, *радимичи*, *уличи*, *дреговичи*.

Но самое большое количество слов с этим суффиксом в Древней Руси имело значение «сын кого-либо», не просто потомок, а именно сын.

Видимо, некогда существовал ряд слов на *-ич*, называющих детей, молодых людей, детенышей животных. В летописи рассказывается о древнейшем из известных договоров восточных славян с другими народами — договоре князя Игоря с Византией (X век), там есть такие строки: «Если же будет стар или детич, то уплатить волотник». В слове *детич* (ребенок) знакомый нам суффикс *-ич*. В словах *сестрич*, *сестричич*, *братанич* он играет ту же роль: так называли сына сестры или брата. В документах XVI века читаем: «А что дал мне сестричич мой князь Феодор Васильевич Рязанский», «А что дал мне братанич мой Иван Борисович свою отчину, город Рузу».

Гордая полоцкая княжна Рогнеда, не пожелавшая выйти замуж за Владимира (X век), назвала его робичичем, то есть сыном несвободной женщины, рабыни.

Иногда этот суффикс выступает в старославянской форме *-ищ*: «обретеся детищ мал» (нашелся маленький ребенок), «поставить овцу справа от себя, а козлища (козленка) слева».

Этот суффикс мог присоединяться к притяжательному прилагательному. От слова *царь* притяжательное прилагательное *царев*. Еще в древности сочетания *царев сын*, *царев детич* были заменены одним словом: к прилагательному *царев* присоединили суффикс *-ич*, так возникло *царевич*. Точно так же возникло и слово *королевич*: *король — королев — королевич*.

Нарицательные существительные, образованные от притяжательных прилагательных, именно в такой форме встречаются уже в ранних памятниках: «Был мятеж сильный, многие цари были убиты и царицы и царевичи» или: «Королевич же отправился в Галич».

С тем же суффиксом создавались и слова, имеющие значение «сын такого-то», от имен собственных. Это закономерно. Ведь до принятия христианства на Руси множество дохристианских имен совпадало со словами нарицательными. Звали человека *Просо*, а сын его был *Просович*, сына *Попа* именовали *Поповичем*, *Домажира* — *Домажировичем*, *Нажира* — *Нажировичем*. И в памятниках можно встретить *Беловолода Просовича*, *Алешу Поповича*, *Жидяту Домажировича*, *Жирослава Нажировича*.

От древнерусских притяжательных прилагательных на *j* (*Ярославль*, *Изяславль*) тоже появлялись именования на *-ич*. Но они выглядели несколько иначе: *Мстиславлич*, *Ярославлич*. Вот откуда такое непривычное для нас именование князя Игоря: «начать трудную повесть о походе Игоря, Игоря Святославлича». Но притяжательные прилагательные на *j* давно исчезли, а вместе с ними и образованные от них именования на *-лич*.

Подавляющее число имен мужчин оканчивалось на согласный звук (*Домажир*, *Петр*), *-ло* (*Станило*, *Данило*), *-й* (*Алексей*, *Николай*). От них возникли притяжательные прилагательные на *-ов*, *-ев*: *Домажир* — *Домажиров*, *Петр* — *Петров*, *Станило* — *Станилов*, *Данило* — *Данилов*, *Алексей* — *Алексеев*, *Николай* — *Николаев*. А когда к таким образованиям присоединялся суффикс *-ич*, то возникали формы *Александрович*, *Петрович*, *Алексеевич* и т. д. Приглядитесь: все они оканчиваются на *-вич*; здесь *в* из суффиксов *-ов*, *-ев*, а с *-ич* мы уже хорошо знакомы. Так и возникло представление о том, что есть именования на *-вич*, потому и появилось слово «вич» в царских указах.

И вот что любопытно. Попробуйте отыскать *-вич* в отчествах, образованных от имен на *-а* (*Никита*, *Фока*) или в женских отчествах (*Александровна*, *Петровна*). Его там нет, но в указах XVI века о всех таких антропонимах от имени отца писали, что они с «вичем». Как ни старайся, женское отчество не создашь с «вичем», пишут *-вич*, а имеют в виду *-вна* (*Алексеевна*, *Петровна*). Получается, что «вич» в царских указах выступает уже как специальный термин — отчество.

Вот каким был грамматический путь наших современных отчеств: от имени — к притяжательному прилагательному, от него — к современному отчеству.

Есть ли у нас сейчас колебания в образовании и произношении отчеств? Если учитывать все проявления русского

языка: и литературный язык, который изучается в современной школе, и говоры, которые живы в сельской местности, и городское просторечие, то можно обнаружить колебания, правда, не такие существенные, как в древнерусском языке. В просторечии и в говорах можно услышать такие отчества, как *Никитович*, *Кузьмович*, *Всеславович*, *Святославович* вместо литературных *Никитич*, *Кузьмич*, *Всеславич*, *Святославич*. И в женских отчествах тоже наблюдается отклонение от литературной нормы: *Никитовна*, *Кузьмовна*, *Вячеславовна*, *Святославовна* вместо *Никитична*, *Кузьминична*, *Вячеславна*, *Святославна*. В этом проявляется стремление к выравниванию в языке: пусть все мужские отчества будут на *-вич*, а все женские на *-вна*.

В произношении есть отклонения от того, что представлено в написании. Отчества на *-инична* (*Ильинична*, *Кузьминична*) произносятся с *-инишна*: *Ильинишна*, *Кузьминишна*. И не только в просторечии, но и в современном литературном языке. Произношение *шн* на месте *чн* — старая черта живого языка: мы говорим «конешно», «скушно», хотя пишем «конечно», «скучно». В женских именах на *-инишна* такая же картина.

Из каких частей слова сложились отчества, мы теперь знаем. О том, когда они стали отчествами, пойдет разговор дальше.

Почему победил «вич»? На Руси к X—XI векам (ко времени, от которого дошли до нас первые памятники письменности) сложилось два типа именований по отцу: один — имена на *-вич* и *-вна*, будущие отчества; другой — притяжательные прилагательные на *j* (*Володимирь*), *-ов*, *-ев*, *-ин* (*Тихомиров*, *Нежатин*), которые обычно употреблялись в антропонимах со словами *сын*, *дочь*: «Еупраксея Всеволожа дочь», «Гюрята Нежатин сын».

Удобнее было, конечно, произносить именование в одно слово: *Всеволодич*, а не *Всеволож сын*, *Ярославна*, а не *Ярославля дочь*. Видимо, поэтому уже в ранних памятниках формы на *-вич* и *-вна* преобладают над сочетаниями прилагательных на *j* со словами *сын*, *дочь*. Последние фиксировались только в древних текстах.

А судьба сочетаний притяжательных прилагательных на *-ов*, *-ев*, *-ин* со словами *сын*, *дочь* оказалась иной. В древних текстах их сравнительно немного. Но в деловые памятники XIV—XVII веков буквально ворвалось

множество именований такого типа: *Борщ Кондратьев сын, Добрынка Алексеев сын, Добрыня Семенов сын, Дрозд Васильев сын, Заяц Леонтьев сын, Злоба Григорьев сын, Фекла Меркурьева дочь, Милава Окинфиева дочь.*

Для живого языка такая форма, действительно, не очень удобна. Да она была и не особенно нужна, так как в этот период получает очень широкое распространение другой способ уточнения имен — прозвища. В живой речи обычно звучало: *Ивашко Шило, Андрей Шуба, Елеска Кривой* или просто *Шило, Шуба, Кривой,* а не *Ивашко Петров сын, Андрейка Микитин сын* или *Елеска Кириллов сын.* Но в языке документов именования со словами *сын, дочь, дети (Гриша и Замятня Ивановы дети, Федька* да *Стенька Микитины дети)* становятся все активнее.

Многовековое сосуществование именований по отцу на *-вич* и *-вна*, с одной стороны, и на *-ов, -ев, -ин* + слова *сын, дочь, дети* — с другой, и многовековая борьба этих форм и представляют историю становления русских отчеств.

В Древней Руси именования на *-вич, -вна* фиксировались преимущественно у князей, бояр, воевод, дружинников. В берестяных грамотах они обычно сопровождаются словом *господин:* «Господину Михаилу Юрьевичу сыну посадничу паробок твой Кля челом бьет». Люди богатые, именитые были хорошо известны. Если в прозвании ссылаться на имя такого отца, оно понятно многим. Такое именование удобно и почетно. Но если человек беден, если он не знаменит ни подвигами, ни особыми должностями, а тем более если он находится в крепостной зависимости, то чем тут особенно гордиться его сыну? Да и не очень удобны именования с отчеством у большой массы людей, так как среди крестьян, ремесленников, торговцев было много тезок. У двух *Иванов*, принадлежащих одному помещику и живущих в одной деревне, есть сыновья *Федоры*. Попробуй разобраться, о каком из них идет речь, если и того и другого назовут *Федором Ивановичем.*

В бытовой речи именование по отцу было к тому же неудобно и по другой причине. Ведь каждый отлично знает, что во время каких-нибудь работ легче окликнуть человека по имени, чем по имени и отчеству.

Вот, например, какой случай произошел во время съемок фильма «Ко мне, Мухтар!»[1] Когда актер Ю. Никулин

[1] Меттер И. Кто играл Мухтара? — «Наука и жизнь», 1972, № 6.

начал сниматься с собакой Дейком — по фильму Мухтаром,— собаковод М. Длигач, недавно познакомившийся с Ю. Никулиным, обратился к нему, казалось бы, со странной просьбой: «Юрий Владимирович, разрешите называть вас Юрой». Ю. Никулин удивленно посмотрел на него, а Длигач пояснил: «Видите ли, мой Дейк любит короткие имена. Юрий Владимирович — это для него слишком длинно. Я буду ему подавать команду: «Иди к Юре!» или «Иди с Юрой!» А каждый раз говорить ему: «Иди к Юрию Владимировичу» или «Иди с Юрием Владимировичем» — это было бы для него слишком официально и утомительно». Это было бы утомительно не только для Мухтара — Дейка, но и для людей, которые работали над фильмом, прежде всего для М. Длигача и Ю. Никулина.

Так же и в древности. Во время полевых работ, разработки леса, строительства домов и т. д. работающие постоянно вынуждены были обращаться друг к другу. И темп работы нередко был таким, что обращение должно было быть кратким, удобным. Если на работающего катится бревно, то пока окликнешь: «Федор Иванович»,— бревно попадет на него. А крикнешь просто «Федор!» или «Федька!» — он успеет отскочить. Потому и не употребляли в древности в быту сочетаний имен с антропонимами по отцу. А если одних имен для различения людей было мало, то использовали их прозвища. И даже официально, как видно из документов, людей в городах и деревнях различали по прозвищу: *Федька Кузнец* и *Федька Хромой*, *Микитка Первуша* и *Микитка Борщ*, *Ивашка Казанец* и *Ивашка Белян*. И получалось, что не прививались в народной речи простых людей именования на *-вич*.

Однако это не значит, что в Древней Руси эти именования принадлежали только представителям господствующего класса.

Вспомним былины, сказания, которые повествуют о событиях древнерусской истории: о борьбе с кочевниками — половцами, монголо-татарами. Как называют в них героев? «В старину стародавнюю жил под городом Муромом, в селе Карачарове, крестьянин Иван Тимофеевич со своей женой Ефросиньей Яковлевной. Был у них один сын Илья». Родители Ильи Муромца — крестьяне, а называют их *Тимофеевич*, *Яковлевна*. Сохранялись такие отчества в памяти народной с давней поры, значит, их знали и употребляли, когда это было необходимо. Из былин мы знаем о

Вольге Всеславиче, *Микуле Селяниновиче*. Мать Добрыни Никитича называют в былинах и сказаниях *Мамелфой Тимофеевной*, дочь Микулы Селяниновича — *Василисой Микулишной*. Добрыня Никитич спасает от неволи *Забаву Путятишну* (помните древнерусское имя Путята?).

В произведениях фольклора иногда величаются и недруги: султан *Салтан Бекетович*, *Тугарин Змеевич*, *Соловей Гудимирович*; и звери и птицы: *Ворон Воронович*, *Петух Куриханыч*, *Лизавета Патрикеевна*; и явления неживой природы. В «Слове о полку Игореве» Ярославна обращается к Днепру: «О Днепр Словутич, ты пробил каменные горы».

Итак, в Древней Руси формы на *-вич* и *-вна* использовались в определенных стилях речи. Этими именованиями чаще величали, чествовали.

Такая особенность антропонимов на *-вич* отразилась на их дальнейшей судьбе. В XIV—XVI веках за ними закрепляется значение величания, сами они в официальном языке употребляются лишь по отношению к богатым и знатным людям. А небогатые и незнатные? Они в документальной письменности, в официальных бумагах тоже получили именования по отцу, но без «вича», со словами *сын*, *дочь*, *дети*: *Петров сын*, *Павлова дочь*, *Алексеевы дети*.

В XVI—XVII веках проводится ряд переписей в различных краях России. В писцовых и переписных книгах, где фиксировалось все население, использовались, как правило, именования с *сын*: «Двор его помещиков, а в нем живет Сенька Овдокимов сын с детьми Федькою да Якункою, двор — Харламко Лукоянов сын с детьми с Наумком да с Федькою» — или: «Двор —Иван да Флор, да Семен Федоровы дети Шавкуновы, двор — Яков Евтропьев сын Загайнов, у него сын Михайло 11 лет».

Иногда слово *сын* опускалось, а притяжательное прилагательное продолжало играть роль именования по отцу: *Сергунка Исаков Вятченин*, *Федька Никитин Дубасов*, *Аничка Петров Игнатьев* — вторая часть каждого такого трехчленного антропонима (*Исаков*, *Никитин*, *Петров*) — именования по отцу.

Так в разных стилях речи начиная с XIV—XV веков исследователи все чаще находят антропонимы от имени отца. Они пока имеют разную форму: на *-вич* или *-ов*, *-ев*, *-ин*. Они употребляются главным образом в деловом языке. Да и в нем непоследовательно: имена могли уточняться

прозвищами; это особенно касалось крепостных крестьян. И все-таки все ярче в официальных документах проступает такая особенность, как именование человека по отцу.

Эта традиция отражается и в фольклоре: в сказках, песнях нередко употребляют именования по отцу, причем даже крестьян, горожан именуют на *-вич*. Не могло не сказаться влияние живого языка. Об этом хорошо знали и русские писатели и поэты. В «Песне про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» жена купца названа М. Ю. Лермонтовым *Аленой Дмитриевной*, русскую крестьянку Н. А. Некрасов именует *Матреной Тимофеевной*. Иногда простых людей именовали лишь по отцу: *Андреич*, *Капитоныч*, *Алексеич*. Вспомните *Савельича* из «Капитанской дочки» А. С. Пушкина или *Еремеевну* — няню Митрофанушки из комедии «Недоросль».

Именования по отцу настолько прочно входят в русский язык, прежде всего в официальный, что ученые считают возможным говорить об отчествах начиная уже с XV—XVI веков.

В XVIII—XIX веках, несмотря на существующее официальное разграничение, формы на *-вич* смешиваются в живом языке с формами на *-ов*, *-ев*, *-ин*.

Крепостную крестьянку, няню великого русского поэта Пушкина, в литературе уважительно именуют *Ариной Родионовной*. А Евгений Базаров, герой романа «Отцы и дети», студент, будущий врач, называет себя, представляясь Кирсановым, «Евгений Васильев» — без «вича», подчеркивая тем самым свое демократическое происхождение: он ведь гордился, что его дед землю пахал. На протяжении всего XIX века можно наблюдать постоянное взаимодействие, смешение отчеств разных форм. Тогда и выковываются окончательно наши современные отчества, которые употребляются независимо от социального положения человека. Разночинцев в романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?» называют *Дмитрий Сергеевич*, *Александр Матвеевич*, *Вера Павловна*. Купцов и чиновников в пьесах А. Н. Островского — *Флор Федулыч*, *Павлин Павлиныч*, *Серапион Мардарьич*, *Лизар Елизарыч*.

Официальный язык отстает от живого. Тут иногда вплоть до революции продолжали жить отчества без «вича». В документах конца XIX — начала XX века о негласном надзоре за революционерами и преследовании их ис-

пользуются такие архаические формы. В этих документах В. И. Ленина называли *Владимир Ильин Ульянов.* Так, полицейский пристав Арбатской части Москвы сообщал в Московское охранное отделение: «Сын действительного статского советника Владимир Ильин Ульянов сего числа остановился проездом из Санкт-Петербурга в г. Иркутск в доме Романовского по Собачьей площадке вверенного мне участка, сроком на два дня». То же самое наблюдалось и в юридических документах 90-х годов XIX века: «Дело Самарского окружного суда по первому столу уголовного отделения о дворянине Николае Николаеве Языкове и отставном рядовом Иване Иванове Кузнецове».

Однако и в документальной письменности постепенно утверждаются отчества на *-вич.* В удостоверении на имя рабочего Сестрорецкого оружейного завода, по которому В. И. Ленин жил нелегально, он назван *Константином Петровичем Ивановым.*

Таким образом, даже в деловом языке утверждаются отчества в современной форме.

Конечно, отчества не употреблялись постоянно. Но ведь и сейчас мы часто обходимся без них: их нет в разговоре близких между собой людей, их не используют в определенной обстановке, а именно, когда речь идет о деятелях икусства, писателях. Их не употребляют по отношению к детям. Поэтому забавно выглядят письма, которые пишут ребята на радио или телевидение: «Пишет вам Алексей Иванович Гусев, мне 8 лет и 4 месяца...»

И получается, что во многих случаях русские люди обходятся без отчества, обычно в неофициальной обстановке. А в целом в современной русской антропонимии отчества на *-вич*—важная ее часть.

Как звали *Ярославну?* Все школьники изучают великолепный памятник XII века «Слово о полку Игореве», все помнят героиню этого произведения — жену Игоря *Ярославну.* В сотнях школьных сочинений о русских женщинах пишут о лиричной, преданной *Ярославне.* А вот как звали ее, знают немногие. Обычно за имя принимают отчество.

В действительности женой князя Игоря была дочь галицкого князя Ярослава Осмомысла *Евфросинья.* Как бы должны были именовать ее полностью, то есть по имени и отчеству? *Евфросиньей Ярославной*, ну а автору «Слова»

достаточно одного отчества — *Ярославна*: «Ярославна рано плачет в Путивле на городской стене», «Ярославнин голос слышится».

А вот и другая женщина, о которой упоминает автор «Слова» — жена Буй Тура Всеволода — «милая красавица Глебовна». Что это? Имя? Нет, имя ее — *Ольга*, она была дочерью князя Глеба; *Глебовна* — именование по отцу.

Мы уже упоминали, что в русских летописях часто называли женщин не по имени, а по антропониму от имени отца, деда, мужа.

С мужчинами такое не случалось, их имена в памятниках фиксируются обязательно.

В именовании женщины в Древней Руси по отцу или по мужу сказывалось ее зависимое положение в семье.

Приглядимся к современному фольклору. В одной из частушек поется: «А Ивановна за рулем сидит»,— и упоминаются тут *Ивановны*, *Андреевны*, *Матвеевны*, которые совсем не выглядят зависимыми, несчастными, обездоленными. Наоборот, такие женщины заправляют большими делами, а называют их, как и древнерусскую Ярославну, по отчеству. В этих именованиях звучит скорее уважение к ним, а не напоминание о зависимости в семье.

Вы скажете: сейчас это понятно, после революции положение женщины изменилось, она имеет равные с мужчиной права, имеет свой паспорт (в XIX веке женщину вписывали в документы отца или мужа), может занимать любые должности. Ее зависимость в именованиях по отчеству не отражается, потому что нет самой зависимости.

Но она не отражалась в именованиях по отчеству, даваемых уже в XVIII и XIX веках. В литературе прошлого столетия часто встречаются женщины, особенно пожилые, которых называют только так. У Н. А. Островского — *Гавриловна* («Воспитанница»), *Фоминишна* («Свои люди — сочтемся»), *Карповна* («Бедная невеста»), *Спиридоновна* («Не так живи, как хочется»). У А. С. Пушкина — *Егоровна* («Дубровский»). Няни, ключницы, свахи, крестьянки носят такие именования; часто это женщины одинокие, им просто не от кого зависеть в семье. Да и в антропонимах *Ярославна*, *Глебовна* мы тоже не ощущаем зависимости. В чем же дело?

В отчествах сильнее звучит другая их особенность: ведь именования на *-вич* и *-вна* давались людям, почитаемым за богатство, знатность или за какие-то особые дея-

ния. Была крестьянка работящей, ловкой, и называли ее в деревне уважительно по отчеству. У Н. А. Некрасова мы не раз сталкиваемся с такими именованиями:

Красивыми ресницами моргнула Тимофеевна,
Поспешно приклонилася ко стогу головой.

Нутко! Марья у Зиновья,
У Никитишны Прасковья,
Степанида у Петра...
У Кондратьевны Орина...

Тимофеевна, *Никитишна*, *Кондратьевна*. И сейчас услышишь в деревне, как женщин — учителей, врачей, пожилых колхозниц — называют не по имени (слишком запанибратски), не по имени и отчеству (чересчур официально), а лишь по отчеству: и просто, и удобно, и с почтением. К девочкам, молодым девушкам так не обращаются; такое именование женщина приобретает с возрастом. И мужчин, взрослых и пожилых, называют в деревнях и городском просторечии так же: *Петрович*, *Иваныч*, *Алексеич*. Но по отношению к женщинам эта форма, пожалуй, распространеннее. Возможно, сказываются вековые традиции, идущие еще от Ярославны, а вернее, из более раннего времени.

Кончак Отракович и ***Гзак Бурнович***. Ни одному составителю театральной программы оперы «Князь Игорь» не придет в голову написать, что партию *Кончака Отраковича* исполняет такой-то актер. Мы любим арию

Кончака, но арию Кончака Отраковича... Такой просто не существует. Для нас половецкий хан — человек, который может иметь лишь имя, но уж никак не отчество, точно так же, как хан Батый, Чингис-хан, Мамай.

В «Слове о полку Игореве» мы читаем о *Кончаке* и *Гзе (Гзаке)*, а вот в летописях...

Этот своеобразный жанр древнерусской литературы требовал от составителей необычайной точности: они обязательно сообщали год, а иногда и месяц, число и даже час, в который совершалось какое-либо событие. О побеге Игоря, например, летописец сообщает: «Это избавление сотворил господь в пятницу вечером».

Такое стремление к точности удивительным образом изменило именования половцев, воевать с которыми отправился Игорь. Летописец упоминает среди них «Кзу Бурновича, и Токсобича, и Етебича, и Терьтробича», то есть использует именования на *-ич*. А затем он перечисляет, кто после поражения русского войска взял в плен русских князей: «Игоря взял Тарголов человек по имени Чилбук, а Всеволода, брата его, взял Роман Кзич». В летописи упоминаются и другие половцы: *Свенч Бонякович*, *Корязь Калотанович*, *Обовлы Костюкович*. Обратите внимание: как много именований на *-ич* и *-вич*!

У тюркоязычных половцев не было отчеств. И уж тем более не могло быть именований на *-ич* и *-вич*, то есть с русскими концовками. Но попадая в русские тексты, половецкие именования русифицировались, начинали склоняться по русскому склонению существительных, образовывали именования по отцу на *-ич* и *-вич*. Возможно, эти формы могли попадать и обратно к половцам, так как связи у них с русскими были тесными, было много смешанных русско-половецких браков, проникали к половцам даже календарные имена: например, сын хана Кзы носил «русское», христианское имя *Роман*.

В более поздних памятниках воздействие русской системы антропонимии на нерусскую прослеживается гораздо лучше, и прежде всего в образовании отчеств по русскому образцу у народностей, в языке которых отчества отсутствовали. Преимущественно это антропонимы на *-ов*, *-ев*, *-ин* со словами *сын*, *дочь*, *дети* или без них. Вот несколько текстов XVII века: «Сказывал Верхиренский татарин Досайко Иткиняев: видел де отец его Досайков Иткиняйко», «Татарин Акбаш умер, а сын его Янбулатко Акбашев рос-

прашиван». «Лисиц гонял Юнуско Мурзалин, и того ж числа отец его Мурзалийко Мусин допрашиван», «Аднагула, Тенебечко да Иванайко Ишкеевы дети сысканы и допрашиваны порознь». От имени *Иткиняй — Иткиняев*, *Акбаш — Акбашев*, *Мурзалий — Мурзалин*, *Ишкей — Ишкеев*, то есть на *-ов*, *-ев*, *-ин*, образуются именования по отцу, так же как в русском языке. И в женских антропонимах очевидно русское влияние: «Привела татарка Мартиушка Тоймаметова дочь — жеребца чалого», «В вечере поздно ходила Сулибия Аналина дочь по воду».

Подьячие, составители документов, именования, которые они образуют от нерусских имен, считают отчествами: «Татарин Кузяш, а отчество его пропамятовал, сторговал у меня лошадь».

В XVI—XVII веках антропонимы на *-ов*, *-ев*, *-ин* от нерусского имени отца характерны лишь для делового языка. В живую речь нерусских народностей России такие именования если и попадали, то лишь эпизодически и не закрепились как отчества ни в одном неславянском языке.

В настоящее же время у различных неславянских народов Советского Союза встречаются отчества на *-вич* и *-вна*. Это образования поздние, утвердившиеся в официальном языке только после революции, а у многих народностей и еще позднее, в 40—60-е годы XX века. «Справочник личных имен народов РСФСР» свидетельствует о том, что отчества от нерусских имен образуются почти исключительно на *-вич* и *-вна*: осетинские — *Асламбекович*, *Асагоевна*; алтайские — *Бабачакович*, *Чангыевна*; тувинские — *Кызылоолович*, *Комбуевна*; калмыцкие — *Джиринтяевич*, *Гармаевна*; бурятские — *Балдоржиевич*, *Дугаровна* и т. д.

На *-вич* и *-вна* появляются отчества даже у тех нерусских народностей Советского Союза, которые имели свои широко распространенные именования по отцу. В казахском языке, например, такие антропонимы выражались именем отца в сочетании со словами *баласы*, *улы*, *кызы*: *Базарбайдын улы*, *Аханных баласы*. Теперь либо сохраняются старые формы, либо употребляются формы на *-вич* и *-вна*: *Базарбайдынович*, *Умаровна*.

Так в итоге многовековой истории отчества не только развились и стали обязательными у русских, но под влиянием русского языка, как языка межнационального общения народов всей нашей страны, стали проникать в другие языки и утверждаться в них.

Фамилия, имя, отчество. Эти три слова или буквы Ф. И. О., которые их обозначают, стоят в бланках различных документов, ведомостей, в школьных, вузовских журналах и т. д. В них фиксируют официальные именования людей. С официальным именованием человек проходит через всю жизнь.

Но представь, читатель, свой класс, своих знакомых ребят, и ты сразу вспомнишь, что у многих твоих приятелей, а возможно, и у тебя самого есть еще одно именование. Его не записывают в классный журнал, о нем могут не знать взрослые. А вот ребята, твои товарищи, употребляют его часто. Конечно же, речь идет о прозвище.

В классе четыре Сережи, пять Андреев, три Саши, шесть Людмил, три Тани. Как различать их? Называть по фамилии? Это слишком уж официально, не подходит. Называть по имени и фамилии? Еще хуже. Долго и тоже официально. Называть разными уменьшительными именами? Это выход: Людмил, например, можно поделить на Люсь, Люд и Мил. Ну, а если всех их дома называют Люсями? Им просто не захочется переходить на новое уменьшительное имя. Да и имен этих может не хватить. Как же быть?

Ты, читатель, хорошо знаешь, что такой проблемы в твоем классе или дворе нет. Учитель различает тезок по

фамилиям, но он-то лицо официальное, а ты и твои товарищи обходитесь прозвищами.

Хорошо это или плохо? Всегда ли так было и везде? Традиции употреблять прозвища сложились недавно или давно? Надо ли бороться с прозвищами, и если надо, то как и кому?

Много вопросов возникает по поводу прозвищ: почему одни обидные, а другие нет и даже красивые, приятные? Почему одни понятны любому, кто бы их ни услышал, а другие — лишь небольшой группе ребят? И нет в науке об именованиях людей более трудного для изучения раздела, чем прозвища. Почему? Да потому, что имена, отчества, фамилии зафиксированы в памятниках письменности, в литературных произведениях, в различных документах. А по прозвищам такого материала в литературе мало, меньше, чем хотелось бы исследователям. И все-таки специалистам по истории русского языка и русской антропонимии приходится анализировать и прозвища. Давайте попробуем это сделать и мы.

Вспомним прозвища, которые в ходу сейчас у ребят в школе любого города, ну хотя бы Перми[1]. Попробуем их расшифровать. Посмотрим, не обнаружатся ли в них какие-нибудь закономерности в образовании и употреблении.

Много интересного заключено в прозвищах: видны в них и буйная фантазия авторов и наблюдательность — умение выделить в человеке какие-то черты, которые характеризуют и тех, кому их дают, и тех, кто дает, свидетельствуют об их доброте или, наоборот, недоброжелательности. Но что самое удивительное — в возникновении прозвищ обнаруживается очень четкая система. Оказывается, не просто так появляются они на свет, а подчиняясь этой системе. Вот и посмотрим, как она выглядит.

***Цеце* и *Кобра* в шестом «Б».** Пришли ребята в первый класс. Маленькие, серьезные, полные уверенности в том, что каждый из них будет хорошо учиться, хорошо вести себя. Очень чинно сидят они на уроках, а в перемены постепенно знакомятся друг с другом. Проходит несколько дней, исчезает скованность, девчонки и мальчишки становятся живыми, подвижными, шумными, такими, какими

[1] Приношу благодарность студентам Пермского университета Л. Гунати, С. Постаноговой и И. Шашмуриной, помогавшим собирать современные прозвища.

и должны быть дети в семь лет. Вот в игре на перемене вдруг слышат, как Ире Патрикеевой кто-то крикнул: «Лиса, беги!» И она не обиделась, побежала. А крикнул это мальчик, с которым Ира была в одной группе в детском саду; он и принес в школу ее детсадовское прозвище. Читали в саду сказку о Лисе Патрикеевне, и сразу всем показалось, что если сказку разыгрывать, то уж, конечно, Лису должна играть хорошенькая, кокетливая и хитренькая Ира. Да и фамилия у нее самая подходящая — Патрикеева. Так и привилось: Ира — *Лиса Патрикеевна*, а потом для удобства и просто *Лиса*.

Вот и положено начало прозвищам в классе. В IV—VII классах употребляют их особенно часто. В старших классах помнят, не забывают, но прибегают к ним все реже и реже.

Добрая половина всех школьных прозвищ возникла на основе фамилий учеников. Способы образования их очень разные, самый распространенный — от фамилий из существительных нарицательных отбрасываются суффиксы *-ов*, *-ев*, *-ин*. И появляются тогда из фамилий Морозов, Глазунов, Кузнецов, Лобанов, Бортников, Черепанов, Рыжиков прозвища *Мороз*, *Глазун*, *Кузнец*, *Лобан*, *Бортник*, *Черепан*, *Рыжик*; из фамилий Соловьев, Грачев, Окунев, Князев, Пикулев — *Соловей*, *Грач*, *Окунь*, *Князь*, *Пикуль*; из фамилий Калугин, Калинин, Лапин, Копейкин, Лопатин, Лягин — *Калуга*, *Калина*, *Лапа*, *Копейка*, *Лопата*, *Ляга*. Происходит возвращение к тем прозвищам, из которых когда-то выросли эти фамилии. Ведь фамилия Морозов возникла как раз на основе прозвища *Мороз*, а Лопатин — из прозвища *Лопата*.

Так как многие фамилии, как мы узна́ем в следующей части книги, возникли в свое время из имен, то при отбрасывании суффиксов *-ов*, *-ев*, *-ин* снова получаются имена. Вот и зовут в классе Борю *Игнатом*, потому что фамилия у него Игнатьев, а Игоря — *Сидором* (из Сидоров), Алешу — *Костей* (он Костин), Лену — *Фомой* (она Фомина), а Сашу — *Агафоном* (из Агафонов).

Иногда и совсем что-то непонятное услышишь: Сашу Иванова зовут *Васей*. Оказывается, сначала он был *Ваней* (из Иван — Иванов), но *Ваня* как-то постепенно переделалось в *Васю*. Очень часто такие прозвища от фамилий звучат как неполные или оценочные имена: *Филя* (Филимонов), *Тишка* (Тихомиров), *Паша* (Павлов), *Василек*

(Васильев), *Прошка* (Прохорцев), *Федька* (Федулов), а из фамилии Становов получилось *Станововик*, вроде имени Вовик.

Нередко к основам мужских фамилий ребята прибавляют суффикс *-ич:* так возникли прозвища *Жукич* из Жуков, *Ломич* из Ломов, *Петич* из Петров, *Ерофеич* из Ерофеев. К основам женских фамилий могут присоединить *-иха*. И возникают тогда прозвища *Цукариха* из Цукурова, *Голованиха* из Голованова, *Сторожиха* из Сторожева, *Бойчиха* из Бойкова, *Соколиха* из Соколова, *Радостиха* из Радостева.

Очень распространен способ создавать прозвища из первых двух слогов фамилии с окончанием *-а (-я): Купа* из Купреев, *Кица* из Киценков, *Стряпа* из Стряпунин, *Румя* из Румянцев, *Мурзя* из Мурзин, *Разя* из Разинков, *Бекля* из Беклешов, *Суля* из Сулейманов. Такие прозвища легко подходят и к девочкам и к мальчикам, но употребляют их чаще мальчики.

Заметьте: окончание во всех прозвищах по первым двум слогам фамилий обязательно *-а (-я)*. Иногда с таким окончанием встречаются прозвища, включающие весь корень фамилии: *Горбуня* из Горбунов, *Мамоня* из Мамонов, *Масуна* из Масунов — или часть корня: *Касата* из Касаткин, *Голуба* из Голубчиков, *Могила* из Могильникова, *Набира* из Наберухина. Подобные прозвища напоминают по своей форме неполные имена: *Саня, Таня, Вова, Гена.* Они присвоили себе словообразование неполных имен на *-а, -я.* И не только словообразование; они выполняют в неофициальной обстановке ту же роль, что и неполные имена. Правда, эти прозвища по своей форме похожи на существительные нарицательные общего рода: *пустомеля, болтуша, крикуша.* Такие эмоционально окрашенные слова обычно оценивают людей. Поэтому прозвища, напоминающие их, иногда воспринимаются тоже как оценивающие, «обзывные».

Реже встречаются прозвища, которые содержат часть корня фамилии и не имеют такого окончания. Это лишь тогда, когда они образуют имена нарицательные: *Сало* из Сальников, *Серебро* из Серебренников, *Шарик* из Шаричев, *Лук* из Лукашин, *Сухарь* из Сухоруков, *Колесо* из Колесников.

Из некоторых фамилий возникают прозвища — имена прилагательные: *Белый* из Белослудцев, *Смирный* из

Смирнов, *Лысый* из Лысков, *Старый* из Старцев, *Зеленый* из Зеленцов.

В ряде случаев в прозвищах появляются уменьшительные суффиксы, обычно, когда стараются передать доброе отношение к человеку: *Уточка* из Уткина, *Утеночек* из Утенкова, *Куничка* из Куницына, *Колупаша* из Колупаева, *Ветерок* из Ветрова. Чаще это у девочек. Уменьшительные суффиксы употребляются в прозвищах ребят, маленьких ростом: *Чупчик* из Чупов, *Коржик* из Коржавин — или, наоборот, высоких, крупных, с которыми эта уменьшительность никак не вяжется: *Лобик* из Лобанов, *Зубик* из Зубов — прозвища очень высоких ребят.

Здесь уже в прозвище включается и отношение к тому, кого оно называет, эмоциональная окраска слова. Ее мы ощущаем и тогда, когда прозвища даются как синоним к корню фамилии: Сараева называют *Дровяник*, Филипа — *Совой*, Лебедева — *Гусем*. Сорокину сначала звали *Сорокой*, а потом *Сплетницей*: кто-то вспомнил о новостях, которые сплетница-сорока на хвосте принесла. Карасеву звали *Карасиком*, а потом — *Рыбкой*.

Есть прозвища, совпадающие с именованиями литературных героев или похожие на них: *Филиппок* из Филиппова, *Паниковский* из Панков, *Плюшкин* из Плюснин и даже *Буратино* из Бурдина. У тех, кому они даны, может не быть ничего общего с литературными героями, ничего, кроме некоторого созвучия их фамилии с именованием героя произведения.

Некоторые русские фамилии вдруг начинают звучать на нерусский лад: *Каравадзе* из Караваева, *Шульц* из Шульгин, *Сэм* из Самойлов и даже *Циге* из Козицкая (коза по-немецки — Ziege). Иногда в качестве прозвищ используются слова, похожие по звучанию на фамилию: *Медик* из Медведев, *Костыль* из Костиненков, *Бог* из Богемов, *Глухарь* из Глухов, *Мурка* из Мармурова, *Пестерь* из Нестеров (Нестеров — Нестер — Пестерь [1]).

Все это прозвища только из фамилий. Чаще всего они не имеют никакой эмоциональной окраски, в них нет ничего особенно обидного или особенно приятного; они нейтральны, почти как имена. И используются они в неофициальной обстановке с той же целью, что и неполные имена: *Саша*, *Петя*, *Наташа*, *Тома*.

---

[1] Пестерь — большой кошель, сплетенный из лыка.

Приблизительно такая же картина — отсутствие эмоциональной окраски — наблюдается и в большей части прозвищ, образованных от имен. Среди них есть возникшие в результате рифмовки имен со словами нарицательными: Вову звали *Вова-корова*, а потом просто *Корова*. Но ребята не вкладывают в них обидного содержания.

Иногда возникают прозвища по искаженному произношению имени. Мальчика долго звали *Лява*, потому что так он произносил в раннем детстве свое имя Слава, а другого — *Патя*, так как он долго не мог научиться произносить *ш* в своем имени Паша.

Нередко объяснение, почему появилось прозвище, оказывается очень неожиданным. Звали мальчика Витей и просто *Ви*. Однажды кто-то крикнул: «Эх, Ви!» А прозвучало: «Э, Хви!» Так и стали его называть — *Хви*.

Подчас ребятам кажется, что имена слишком похожи на слова нарицательные, и появляются прозвища, звучащие, как такие слова: *Кол* из Коля, *Витязь* из Витя, *Валет* из Валя, *Свечка* из Светка. У этих прозвищ появляются синонимы: Свету звали сначала *Свечкой*, а потом *Огарком* и *Огарышком*, а Колю стали вдруг именовать не *Колом*, а *Единицей*.

Очень измененные имена тоже превращают в прозвища: Женя была *Жекой*, а затем *Жужуткой*, Алексей — *Лешей* — *Левой* и, наконец,— *Левшой*. Имена переделывают в именования писателей, героев литературы, фильмов. И тогда становится Андрей — *Андерсеном*, Григорий — *Гришкой Отрепьевым* и просто *Отрепьевым*, а Гена — *Крокодилом Геной* и, наконец, *Крокодилом*.

Прозвищ, образованных от имен, гораздо меньше, чем от фамилий, но их достаточно в современном ребячьем языке.

Вот и гуляют по нашим школам и дворам прозвания от фамилий, прозвания от имен. И если вы узнаете, что в пятом классе «А» учатся *Крокодил* и *Корова*, а в шестом «Б» — *Цеце* и *Кобра*, не удивляйтесь и не спешите делать заключения о том, какие неприятные люди есть в этих классах. Виновники таких прозвищ не сами ребята, а их имена и фамилии.

«Рыжий, рыжий, конопатый...» Есть, к сожалению, среди прозвищ ребят такие, которые приносят им много горьких минут. Все школьники хорошо знают, что нередко возникают именования по внешним признакам человека,

особенностям его характера, склонностям, неожиданным ситуациям, в которые люди попадают и в которых они совсем не виноваты. В шутливой песенке об одном таком прозвище поется:

Рыжий, рыжий, конопатый,
Убил дедушку лопатой,
А он дедушку не бил,
А он дедушку любил.

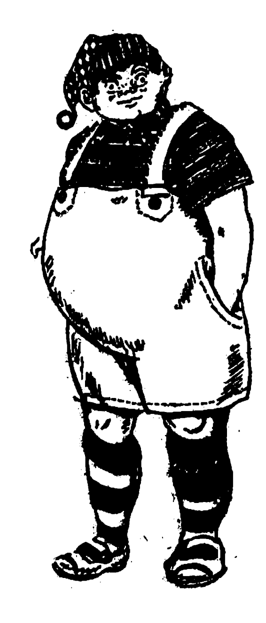
Иногда прозвищем можно помочь избавиться от недостатков. Если мальчишку называют *Граммофоном* за то, что он непрерывно болтает, или *Громкоговорителем*, так как говорит всегда чересчур громко, или *Р-р-рычало*, потому что в начале слов излишне раскатисто произносит *р*, то им надо последить за собой, и эти недостатки можно исправить.

Ну, а если особенности человека, подмеченные товарищами и отразившиеся в прозвище, не вина его, а беда, может быть, даже горе? Ведь не виноваты низкорослые ребята в том, что они растут медленнее других. И оттого что их будут называть *Кнопкой*, *Гвоздиком*, *Мячиком*, *Карапетом*, они не будут расти быстрее, но обидно им будет очень. Высокие и худые тоже не смогут стать меньше и толще, если их звать *Макарониной*, *Телевышкой* или *Струей*. И излишне полные не похудеют от прозвищ *Слон*, *Мясокомбинат* или *Килограммчик*. Тут уж именования похожи на дразнилки, с которыми надо бороться.

Но хотя среди прозвищ, данных ребятам за какие-нибудь свойства и недостатки, встречаются обидные, давайте все-таки остановимся и на них[1].

Какие же признаки выделяются в прозвищах? Прежде всего внешний вид. Здесь и рост, и комплекция, и цвет волос (*Рыжий*, *Рыжуло*, *Ржавый* — рыжий, *Седой* — блондин), и особенности лица, прически и т. д. (*Лысый* — стриженный наголо, *Чубка* — имеющий кудрявый чуб, *Длинношеее* — с худой и длинной шеей). Появляются прозвища в связи с особенностями одежды: *Басмач* носил очень лохматую шапку; *Лыжник* — лыжную куртку и шапочку, чтобы произвести впечатление спортсмена; *Кле-*

[1] Следует сразу отметить, что в антропонимии преобладают прозвища, образованные от фамилий и имен: их приблизительно $^2/_3$, и лишь $^1/_3$ дана по признакам людей.

точка и *Зебра* — платье из ткани в клетку и полоску; *Морковка*, *Лимон* и *Зеленый* — одежду неожиданных цветов: ярко-красный свитер, желтую фуражку, светло-зеленый пиджак. Такого рода прозвища появляются уже у ребят постарше, когда они начинают обращать внимание на свою внешность.

Чаще особенности человека называются не прямо, а метафорически, прозвище взято из имен нарицательных — названий зверей, птиц, рыб, растений, предметов. Называют маленьких ростом *Котенок*, *Карпик*, *Одуванчик*, *Мыша* (из *Мышь*); полных — *Баобаб*, *Кашалот*, *Кита*(из *Кит*), *Арбуз*. *Утенком* зовут девочку с длинным носом; *Лопухом* — мальчика с торчащими ушами.

Подмечают, давая прозвища, и особенности характера, склонности: *Шакалом*, *Лисом* называют за хитрость; *Барсуком* — за сонливость; *Петухом* — за задиристость; *Кабаном* — за невыдержанность; *Зайцем* — за трусость; *Клешней* — за привычку ко всем приставать с разговорами. Давая прозвища, часто используют названия предметов, вещей: *Клин* — прозвание за угловатость; *Шурупчик* — за маленький рост; *Коряга*, *Сапог*, *Лапоть* — за неуклюжесть; *Бублик*, *Пончик*, *Колобок* — за полноту; *Топор* — за претензию на остроумие.

Встречаются прозвания, данные за какие-либо особенности в манере держаться: *Чмокало* постоянно причмокивает во время еды, *Мигунчик* часто подмигивает. В прозвищах сравнивают с героями книг,

спектаклей, кинофильмов, с известными людьми: *Золушка*, *Чебурашка*, *Ниф-Ниф*, *Карлсон*, *Плохиш*, *Баба-Яга*, *Кощей Бессмертный*. *Степами* зовут высоких ребят в честь «Дяди Степы» Михалкова. За сходство во внешности и в манерах даны прозвища *Буратино* — мальчику, который говорит скрипучим голосом; *Киса* — за сходство в фигуре с Воробьяниновым из кинофильма «Двенадцать стульев»; *Бендер* — за разные мошеннические проделки (по фамилии героя романов Ильфа и Петрова). В прозвищах обнаруживаются сравнения с реальными людьми: *Левитаном* прозвали мальчишку, который громко и четко читает (по фамилии известного диктора Ю. Левитана), *Иржиком* — любителя хоккея (по имени чехословацкого хоккеиста Иржи Холика), *Филом Эспозито* — драчуна (по имени капитана канадской хоккейной профессиональной команды, «прославившейся» некорректной игрой). Такие прозвища возникают после появления фильмов, телевизионных передач; они нередко вытесняют старые, данные по фамилиям, именам. Но обычно они и исчезают быстро. В 50-е годы было много *Тарзанов* и *Чит* (фильмы о Тарзане), в 60-е — *Фантомасов* (по одноименным фильмам), сейчас почти в каждой школе есть *Чебурашка*. Появляются новые герои — возникают и новые прозвища.

Встречаются прозвища, данные по каким-то особенностям речи. Реже это фонетические особенности — своеобразное, обычно неправильное произнесение какого-нибудь звука: *Свавик*, *Кажный*, *Сыфра*. Но чаще в прозвищах отражены либо какие-нибудь ляпсусы в речи, либо любимые выражения.

Сказал мальчишка на уроке географии, что на Кавказе живут слоны, посмеялись ребята и стали звать его *Слоником*. Ответил другой невпопад: «Косеканс» — так и прозвали его *Косекансом*. Оговорилась девочка, сказав, что в Африке водятся «гигиены» (вместо гиены), вот и появилось прозвище *Гигиена*.

Мальчика, который любил петь песню «Жди меня, моя Маруся», прозвали *Марусей*, а другого, пытавшегося исполнять арию князя Игоря,— *Князем*. Называл мальчик всех ребят Володями (что-то вроде обращения) — и прозвали его *Гриша, который Володя*.

Распространены прозвища, данные за различные наклонности и способности: *Ферзь* — за увлечение шах-

матами, *Книгоглотатель* — за любовь к чтению, *Коммерсант* — за привычку обмениваться вещами, *Фантаст* — за увлечение научно-фантастической литературой, *Мистер Питкин* — за любовь к детективам, *Академик* —за математические способности, *Епископ* — за стремление всех поучать, *Шарманщик* — за умение собирать приемники, *Плюшкин*, *Пчелка*, *Сарай* — за привычку тащить в дом всякую всячину.

Иногда прозвища даются по противоположному признаку. И зовут тогда подстриженных наголо *Лохматыми* и *Кудрявыми*, толстяков — *Худышками* и *Хворостинками*, самых незагорелых — *Неграми*.

Возникают прозвища и в каких-то особых обстоятельствах. Проглотил мальчишка в детстве гирьку, и прозвали его *Гошка с гирькой*. В походе, выходя утром из палатки, паренек от холода так съежился и сморщился, что стали звать его *Старичком-Боровичком*.

Прозвища очень подвижны. Подвижность их не только в том, что могут исчезать одни и появляться другие, совсем не связанные с первыми. Долго звали мальчика *Карасем* по фамилии Карасев, а потом в походе обнаружили, что он очень заботится обо всех, следит, чтобы все были сыты, и прозвали его *Завхозом*. А другого звали *Борей* по фамилии Борисов, но после этого похода переименовали в *Кустик* за то, что любил полежать под кустиком. Происходит в жизни ребят какое-нибудь особенное событие (например, поход), и появляются вместе с ним новые именования.

Но прозвища могут не только исчезать, сменяться другими, непохожими на старые. Часто они порождают новые. Мальчика по фамилии Буров долго звали *Медведем (Бурый Медведь)*, а потом это прозвище перешло в другое — *Миша*. Рогатина называли сначала *Рогами*, а потом *Лосем*. Паренька, увлекающегося боксом,— *Боксером*, затем *Бульдогом* (вспомните названия пород собак — боксер, бульдог), *Булей* и, наконец, *Булькой*; Карпова — *Кирпичом*, *Галькой* и *Булыжником*. Вот и попробуй догадайся, не зная этой длинной цепи, почему прозвали мальчишек *Булей* или *Булыжником*.

По прозвищу, по назвищу, по прозванью. В детстве всем нам так или иначе приходится сталкиваться с прозвищами. Сейчас прозвища — именования неофици-

альные, они не записываются в деловые бумаги и используются, как правило, в небольшом коллективе. В разных коллективах прозвища могут быть различными, нередко они меняются или исчезают совсем. У взрослых, особенно городских жителей, они чаще всего отсутствуют. Твое классное прозвище, читатель, может быть не известно дома или во дворе. Зато там могут быть у тебя другие прозвища. Девочку в классе зовут *Чебурашкой* (за прическу: косички у нее завязаны по бокам крендельками и напоминают ушки популярного героя мультфильма), во дворе — *Цаплей* или *Цапелькой* (по фамилии Цаплина), а дома ласково — *Зайчишкой*, потому что маленькая она очень любила книжку «Избушка под снегом» про Зайчишку.

Имя не выделяет никаких черт человека, а прозвище либо указывает на особенности внешности, характера, либо каким-то образом связано с фамилией, именем, либо зависит от особых обстоятельств, в которых возникло.

Прозвище выделяет каждого конкретного человека в коллективе: у многих ребят имена в классе могут быть одинаковыми, а одинаковых прозвищ не бывает.

Они гораздо ближе к именам нарицательным: мы уже видели, как много существительных нарицательных (мороз, гусь, крокодил, дровяник, громкоговоритель) переходит в антропонимы.

Попробуем определить: то, что мы уже узнали о прозвищах, касается только сегодняшнего дня или они существовали и в другие эпохи? А если существовали, то есть ли какая-нибудь разница в прозвищах старых и современных?

В 30-е годы рос в Орле мальчик по фамилии Бочкарев и по прозвищу *Боча*. Прошло много лет, мальчик стал взрослым, солидным, живет в Сибири, работает инженером и думать забыл, что было у него когда-то такое прозвище. И вдруг в 60-е годы вспомнил: пришли к его сыну-школьнику товарищи, и услышал отец, что его сына называют... как бы вы думали? — тоже *Бочей*. Точно так же, как и его самого тридцать лет назад.

Разные годы (прошло 30—40 лет), разные города нашей страны; те, кто придумывали прозвища, не знали друг друга да и не могли знать, а принцип образования их один.

Заглянем глубже в историю. Откроем письма А. С. Пушкина. В одном из них, адресованном к П. А. Вяземскому, поэт писал: «Что мой Кюхля, за которого я стражду, но

всё люблю?» В письме М. Л. Яковлеву: «У Дельвига находились готовые к печати две трагедии нашего Кюхли». И очень часто в письмах к брату Л. С. Пушкину: «Что Кюхля?», «Что наш Кюхля?»

Речь идет о поэте-декабристе, лицейском товарище Пушкина Вильгельме Кюхельбекере. В письмах к родным, друзьям Пушкин называл его старым лицейским прозвищем *Кюхля*. Как оно возникло? По двум первым слогам фамилии, с окончанием *-а (-я)*, то есть как *Боча* и множество других, современных. Пусть фамилия Кюхельбекер нерусская, но, попав в русский язык, она подчинилась законам его антропонимии; даже прозвище от нее возникает, как прозвище от русских фамилий. И появилось оно полтора века назад.

Значит, давным-давно существует традиция создавать прозвища от фамилий по такому принципу. А как было до фамилий? Существовали ли раньше другие прозвища? Пути их образования так же стары? Попробуем выяснить, как появились самые ранние известные нам прозвища.

Для этого придется еще глубже заглянуть в нашу историю. Как искать прозвища в древнерусских и старых русских текстах? Отыскивать именования, сопровождающиеся словом *прозвище?* А может быть, они употреблялись и без такого сопровождения или вводились в текст другими словами?

В «Слове о полку Игореве», не раз упоминая брата Игоря, князя Всеволода, автор называет его *Туром*: «И сказал ему Буй Тур Всеволод», «Яр Тур Всеволод, стоишь ты на поле брани, пускаешь на воинов стрелы, гремишь о шлемы мечами булатными», «Куда, Тур, поскачешь, посвечивая своим золотым шлемом, там лежат поганые головы половецкие», «Петь славу Игорю Святославличу, Буй Туру Всеволоду». *Буй* (буйный, смелый), *яр* (яростный, дерзкий) *Тур*. Если это художественное сравнение с сильным и смелым зверем, то почему так последовательно оно употребляется? Ведь князей автор называет и соколами и солнцами, но эти сравнения появляются и исчезают. *Туром* же он называет Всеволода несколько раз, и не только при описании битвы, но и когда речь идет о сборах в поход, и когда в конце произведения поют славу князьям. Не имя ли это? Ведь мы знаем, что рядом с календарными в памятниках может стоять имя некалендарное. Эта версия тоже отпа-

дает. Всеволод — имя некалендарное. К чему бы тут еще одно древнерусское имя? Может быть, это прозвище? Красивое, почетное, характеризующее Всеволода как сильного, смелого, дерзкого воина? Скорее всего — да. Трудно безоговорочно утверждать, что *Тур* в данном случае — прозвищное именование, но и отрицать это почти невозможно: слово *Тур* здесь могло быть прозвищем.

Точно так же трудно характеризовать именование *Осмомысл* в «Слове о полку Игореве»: «Галицкий Осмомысл Ярослав, высоко сидишь на своем златокованом престоле». По структуре оно напоминает сложные имена: *Добромысл*, *Творимир*, *Святослав*. Но почему здесь второе имя, да еще на первом месте, перед княжеским, древнерусским Ярослав. Не такое ли тут определение, как в сочетании *Тур Всеволод* слово *Тур*? Похоже, что именно так. Возможно, слово *осмомысл* существовало и среди существительных нарицательных и значило что-то вроде «мудрый», «знающий много языков». Таким образом, и *Осмомысл* в «Слове» могло быть прозвищным именованием.

В этом произведении нет прямого указания на существование прозвищ, но есть уже все условия для их возникновения: человека называют словом, которое выделяет его среди других как имя и в то же время характеризует его как современное прозвище.

Текстов, в которых употребляются такие слова, напоминающие прозвища, в древнерусских памятниках много. Однако часто очень трудно разделить древнерусские антропонимы на прозвища и имена. *Мал*, *Крив*, *Нехорош*, *Суббота*, *Карп*, *Волк*, *Заяц* могли быть именами, которые никак не характеризовали их носителей и употреблялись в тех же функциях, что и календарные имена. Но они могли быть и прозвищами.

Такая картина наблюдается и в более поздних памятниках. В духовной грамоте князя Ивана Федоровича Судицкого (1545 год) упоминается должник *Василий Ложка Семенов сын Карпов*. В этом именовании, состоящем из четырех слов: *Василий* — имя; *Семенов сын* — именование по отцу, то есть отчество; *Карпов* — будущая фамилия, то есть семейное наименование. А что такое *Ложка*? Видимо, индивидуальное прозвище. Четырехсловных именований в юридических актах много. В той же грамоте, например, упоминаются крестьяне *Иванко Суровец Угримов сын Носов*, *Ондрейка Низовец Слонов сын Наумов*, *Максим-*

ка Клещ Якубин сын Ондреев, Ондрейко Шатало Шептяков сын Карбашев. Что такое *Суровец, Низовец, Клещ, Шатало*? Здесь это прозвища, так как они, именуя людей, могли называть их свойства, качества, особенности жизни. Они не были именами и употреблялись рядом с именами не только христианскими, но и некалендарными: *Баба Стрельник Иванов сын Иванова.* Имена в таких сложных антропонимах стоят чаще в уменьшительно-уничижительной форме: *Иванко, Ондрейко, Максимка.*

Так же как в Древней Руси, позднее прозвищами становились многие имена древнерусские, особенно после широкого распространения христианских имен: «Мишка Иванов, прозвищем Добрынка», «Федька Антонов сын, прозвище Истома», «Онтонко Микифоров сын, а прозвище Ждан». Здесь *Добрынка, Истома, Ждан* даже авторами документов выделяются как что-то отличное от имен. А ведь было время, когда *Добрыня, Истома, Ждан* употреблялись как имена: из памятников известны *Добрыня Рагуилович* — воевода, *Ждан Федоров сын* и *Истомко Петров сын* — крестьяне.

Это и понятно. С появлением христианских имен начинается процесс их усвоения на Руси, приспособления к русскому языку. Чем больше они русифицируются, тем больше вытесняют дохристианские, которые играли сначала ту же роль — именование человека от рождения до смерти. Однако дохристианские не исчезают совсем: продолжая жить, они приобретают новые функции; в силу того что их было гораздо больше, чем календарных, они могли различать тезок. Рождалось в семье несколько сыновей, которым при крещении давали одинаковые имена, нужно было как-то различать их. Вот и встречаем в памятниках такие именования, как «Ивашко Большой да Ивашко Меньшой Алексеевы дети Суровцевы», а в быту их могли называть просто *Большак* и *Меньшак.* А сколько людей с одинаковыми именами оказывалось в одной деревне! Вот тут-то и понадобились прозвища.

В памятниках можно наблюдать длительный процесс превращения древнерусских дохристианских имен в прозвища. Рядом с ними возникают и новые прозвища, которых не было среди древнерусских имен. Они настолько удобны, так как уточняют антропонимы, что их широко используют в деловых актах, в официальном языке.

Иногда они употребляются с той же целью, что и име-

нования по отцу. В белозерской таможенной грамоте XV века читаем: «Тит Окишев, Есип Тимофеев да Семен Бобр». Видите, можно было уточнить именование человека, употребив антропоним от имени отца (Окишев сын, Тимофеев сын), а можно и с помощью прозвища — *Бобр*.

В летописи под 1476 годом упоминаются бояре *Григорей Микитинич*; *Иван Жито*, *Василей Данилов*, *Василий Бокеев*. Рядом с именованиями по отцу *(Микитинич, Данилов, Бокеев)* стоит прозвище, в котором может не быть никакой связи с предками *(Жито)*. Там же читаем: «Князь великий велел боярам своим князю Ивану Юрьевичу и Федору Давыдовичу да князю Ивану Стризе...» Опять прозвище — *Стриза*. Их записывали у людей разных социальных групп: у князей, бояр, людей служилых — князь *Василий Кирдяпа Суздальский*, воевода *Семен Федорович Пешка*, посол *Федор Колесница*, печатник *Юрий Дмитриевич сын Грек*.

А уж о крестьянах и ремесленниках и говорить нечего. Документы XV—XVI веков пестрят их прозвищами: *Алешка Кожа*, *Якуш Пест*, *Васька Беда*, *Петрушка Лобан*, *Ивашко Близнец*, *Васька Бобр*, *Михайло Жук*. Тысячи прозвищ можно извлечь из документальной письменности этого периода. Их изучают, но пока в научный оборот попало еще не слишком много документов того времени. Бóльшая часть их ждет своих исследователей. И может быть, таким исследователем станешь ты, читатель.

Случаи, когда в древнерусских текстах прозвищные именования не только употребляются рядом с именами, но и вводятся в текст специальным термином, обычно словом *прозвище*, были редкими. Например, в Псковской I летописи под 1336 годом упоминается «князь... Иван, а прозвище ему Баба». Позднее, уже в XVII веке, рядом с прозвищными именованиями все чаще начинают употреблять слова *прозвище*, *прозвание*, *назвище*. Обычными в документах становятся такие записи: «Ивашка Лаворентьев сын Швецов прозвищем Щербак сказал», «По сей кабале уплатил Федор по назвищу Томила Агафонов сын Носов». Впрочем, рядом с такими могут быть и записи, в которые прозвище не вводится терминами, как и в более ранних текстах: «Иван Григорьев сын Воронихин Верещага», «Федотко Афанасьев сын Павлов Истома».

В документах, составленных в местных судных избах и написанных не в очень торжественной манере, людей

называли чаще не сложным четырехсловным именованием, как мы видели выше, а гораздо проще — лишь именем и прозвищем: *Петрушка прозвищем Огниво*, *Трошка прозвищем Носырь*, *Григорей прозванием Москва*, *Иван прозванием Тупик*, *Василий по назвищу Бахта*, *Герасим по назвищу Китыш*. Используются также трехсловные именования с прозвищем: *Артюшка Дмитриев, а прозвищем Кремль; Ивашко Филиппов сын, прозвищем Прасол; Федор Паначев по названию Оса; Ивашко Третьяков, он же по назвищу Добрая Корова.*

Какими странными кажутся сейчас документы, в которых зафиксированы подобные именования! В XVII веке использование прозвищ было, видимо, широким и потому, что многих людей их соседи или жители той же деревни и близких деревень знали только по прозвищу: «Мавра вышла замуж в село Троицкое (за человека) прозванием за Потоскуя», «Крестьяне Торговижского острожку Петр Сидоров да крестьянин прозванием Клещ».

Нередко от прозвищ человека, а не от других его именований возникало название деревни. Так, в одном из кунгурских документов XVII века читаем: «...подал челобитную... деревни Кляповы на Андрея Минеева сына Глинских», — а далее: «...спахал насильством своим кунгурец деревни Кляповы Андрей Минеев сын по назвищу Кляп землю мою». По прозвищу этого *Кляпа* или его отца, деда с таким же прозвищем возникло название деревни — Кляпова (ч ь я ?). Кстати, она существует и сейчас в Кунгурском районе Пермской области с таким же названием. Здесь много других деревень, названия которых появились в XVII веке на основе прозвищ. По названиям населенных пунктов, возникших в тот период, можно сейчас восстанавливать прозвища людей XVII века. Ведь точно так же, как название Кляпова деревня — Кляпово появилось в XVII веке от прозвища *Кляп*, тогда могли возникнуть и другие названия сел и деревень от прозвищ *Вакорино* от *Вакора*, *Кокорина* от *Кокора*, *Пестерево* от *Пестерь*, *Волкова* от *Волк*, *Беспалово* от *Беспалый*, *Киселево* от *Кисель*,

Что ели в XVII веке? Изучая антропонимию прошлых эпох, особенно прозвища, узнаешь много интересного. Если сравнивать прозвищные именования из памятников с данными исторических, диалектных и других словарей, то можно нередко восстановить причины их появления.

Множество прозвищ давалось человеку по цвету волос: *Редрый* (рыжий), *Чермный*, *Черемный* (с темными волосами, имеющими красноватый оттенок), *Черныш*, *Беляй*, *Беляк*, *Белян;* по особенностям в чертах лица: *Востроглаз*, *Белоглаз*, *Кривой*, *Долгонос*, *Шилонос*, *Кривонос*, *Губан*, *Трегуб*, *Лобан*, *Белоус*, *Бритоус*, *Борода;* по особенностям телосложения: *Горбат*, *Горбун*, *Хромой*, *Кривобок*, *Беспал*, *Шестипал*, *Криворук*, *Пузан*, *Кривошея*.

Еще больше прозвищ было продиктовано особенностями характера людей, склонностями, поступками. Болтуна, шумливого человека могли назвать *Бутурлой*, *Бухвостом*, *Голдой*, *Голдобой*, *Голомолвой*, *Верещагой*, *Торнобаем;* молчаливого, угрюмого — *Молчуном*, *Мичурой*, *Суворым*, *Дюком;* спесивых — *Бобыней*, *Чамовитым;* злых — *Злыднем*, *Ахидом;* неповоротливых — *Чураком*, *Елтышем*, *Беклемышем*, *Толстиком*.

В именованиях отражалось имущественное положение людей. Особенно много прозвищ давали бедным, неимущим: *Разорва* (оборванец), *Рунь* (лохмотья), *Шабала* (лохмотья), *Шарабара* (обноски), *Каня* (попрошайка).

Такие слова не зафиксированы как нарицательные ни в литературных произведениях прошлого, ни в деловых документах. Живой народный язык, в котором они бытовали, редко непосредственно отражался в памятниках письменности. Писцы, переписывая с черновиков речи жалобщиков, свидетелей, ответчиков, старались избегать таких слов, особенно «обзывных».

Правда, в памятниках встречаются отрывки, в которых иногда они употребляются применительно к каким-то конкретным людям. Один из крестьян жаловался в Кунгурской судной избе: «Он же, Юрей, бранил меня всячески и сына моего Сеньку называл баранником». А когда вызвали в судную избу этого Юрия, он на допросе сказал: «Он де сына его Сеньку вором и баранником называл для того, что де он, Сенька, в прошлом году у Тимошки Пискуна заколол овцу-барана воровски». Украл человек барана, заколол тайно, вот и прозвали его впоследствии *Баранником*.

Из подобных текстов становится ясно, как появлялись некоторые прозвища. В данном случае, даже когда судебное дело прекратили, Сеньку продолжали звать *Баранником*, слово стало прозвищем, а впоследствии в кунгурских же документах появилась фамилия *Баранников*,

возможно на основе прозвища именно этого человека.

Изучение даже таких прозвищ прошлых лет, о значении которых мы можем говорить только предположительно, дает очень много. Прежде всего в них фиксируются слова, которые были именами нарицательными, но как имена нарицательные они либо совсем не встречаются в памятниках, либо встречаются очень редко. В текстах масса прозвищ, которые не прямо, а метафорически характеризуют людей, сравнивая их с животными, птицами, рыбами, предметами обихода. Сильного человека именовали *Медведем*, *Быком*, маленького и слабого — *Мухой*, хитреца — *Лисицей* и т. д. Сейчас можно лишь предполагать, как в каждом конкретном случае появлялось такое прозвище. Но для исследователей русского языка важно другое: по именованиям восстанавливают наличие в русском языке XVI—XVII веков множества нарицательных слов. В памятниках, например, часты «птичьи» прозвища: *Коростель*, *Кречет*, *Сыч*, *Коршун*, *Гагара*, *Ворона*, *Журавль*, *Дрозд*, *Кулик*, *Воробей*, *Сорока*, *Курица*, *Петух*, *Утка*. Стало быть, все эти слова были и в живом разговорном языке той эпохи, иначе не появились бы прозвища. Попробуйте установить, какие породы рыб были тогда известны, и снова на помощь придут прозвища: *Елец*, *Окунь*, *Сом*, *Ерш*, *Линь*, *Карась*, *Щука*, *Вандыш*.

Особенно большой интерес представляют прозвища, возникшие на основе названий предметов быта, продуктов питания, кушаний. Известно, например, в западноуральских памятниках прозвище *Пельмень*, от которого образовалась в XVII веке фамилия *Пельменев*. Ученым одно такое прозвище может дать множество интересных сведений.

Языковедов интересует его происхождение. Оно пришло в русский язык из языка народности коми, где звучало как «пель-нянь» — «ухо хлебное». Русские стали произносить его как *пельмянь*. И сейчас во многих местах Прикамья можно услышать, как это кушанье называют *пельмяни*, а не *пельмени*. *Е* вместо *я* появилось в слове, видимо, уже в русском языке. В некоторых севернорусских говорах такой переход *я* (звука *а* после мягких согласных) в *е* под ударением перед мягким согласным звуком — обычное явление: там произносят *петь*, *опеть*, *грезь*, вместо *пять*, *опять*, *грязь*. Точно так же из *пельнянь* появилось *пельмень*. Одно-единственное слово поведало о

том, что оно проникло в такие говоры, где совершалось это изменение гласных звуков, что в XVI или XVII веках, когда идет русская колонизация Прикамья, оно уже было хорошо известно русским, раз попало в прозвища. И если русские не принесли его на Западный Урал из других районов Европейского Севера (например, из Соли Вычегодской, где оно могло быть также известно в эту эпоху), то появление такого прозвища может свидетельствовать о тесном соседстве русских с народностью коми в Прикамье. Видите, как много информации содержится только в одном слове. Но и это еще не все.

Прозвище *Пельмень* не может не интересовать этнографов, изучающих быт населения на разных территориях. По нему узнают, что в Прикамье XVII века знали такое блюдо, как пельмени.

В прозвищах нередко заключены сведения о том, во что одевались, как строили жилище, как вели хозяйство в прошлом.

Как узнать, что ели в XVII веке? Описание трапезы богатых людей (царя, бояр) или трапезы в монастырях можно встретить в памятниках письменности. А как установить, что ели крестьяне, какие кушанья готовили в разных концах России? Тут без прозвищ не обойтись: *Хрен*, *Чеснок*, *Борщ* (название ботвы огородных растений), *Репа*, *Редька*, *Капуста* — такие именования встречаются на разных территориях. А вот *Огурец*, *Огурчик* характерны для центральной и южной России, *Кислица* (щавель или лесная красная смородина) — для северных. В памятниках много прозвищ, данных по названиям приготовленных или готовящихся кушаний: *Кисель*, *Кулага*, *Опара*, *Блин*, *Коврига*, *Кулеш*, *Сухарь*, *Тюря*, *Сметана*, *Каша*.

Еще больше материала дают этнографам прозвища по предметам быта, хозяйства: *Гребень*, *Гребенка*, *Шуба*, *Чекмень*, *Лапоть*, *Дерюга*, *Ложка*, *Пест*, *Корчага*, *Солоница*, *Кочерга*, *Бадья*, *Корыто*, *Короб*, *Безмен*, *Голик* (веник без листьев), *Бёрдо* (часть ткацкого стана), *Щетка*, *Гвоздь*, *Щеколда* и другие. Среди таких слов много диалектизмов, то есть слов, распространенных в прошлом или сейчас только в некоторых районах России: *Ослóп* (палка), *Кичúга* (цеп, которым молотят хлеб), *Кулёма* (ловушка, капкан), *Сокéра* (секира), *Копыл* (часть прялки). А сколько среди прозвищ названий различных природных

явлений! *Мороз*, *Пáдера* (вьюга), *Вёдро* (хорошая погода), *Шугá* (тонкий лед и снег, плывущие по реке)...

Изучая быт России прошлого, обязательно нужно использовать материалы антропонимии, и в первую очередь — прозвища.

***Васихи* и *Юрихи* живут по всей России.** Когда речь шла о современных прозвищах школьников, мы отмечали, что лишь около $^1/_3$ их возникло как прямое или метафорическое название особенностей людей. Бóльшая же часть — прозвища на основе фамилий, имен; они никак не связаны с качествами людей. Мы знаем, что они существовали уже в пушкинскую эпоху *(Кюхля)*. А в Древней Руси были именования такого рода? Ведь все древнерусские прозвища, о которых пока шла речь, характеризуют особенности каждого отдельного человека на основе сравнения с чем-либо или с кем-либо.

Оказывается, в различные эпохи существовали прозвища, возникшие на основе других антропонимов и этим напоминающие большинство современных школьных прозвищ.

В XV—начале XVIII века значение самого слова *прозвище* и его синонимов (назвище, прозванье) было гораздо шире, чем в настоящее время. Обратите внимание, чтó называют прозвищем в уральских деловых текстах XVII века: «Села Тихановского Митька Новик, а прозвищем сказался Загвоздин», «Захар, отчества его не знаю, прозвищем Меринов», «И он, Федосий, его, Семена, нашел в деревне Рожине у крестьянина по прозвищу Кукариных». Что такое, с нашей точки зрения, *Загвоздин*, *Меринов*, *Кукáриных?* Вы скажете: фамилия — и не ошибетесь. Это и тогда уже, как мы увидим дальше, были фамилии. Но они еще не вводились в тексты особым словом *фамилия*, их официально называют прозвищами.

Переписывая население, писцы отмечают: «Что в городе и на посаде посадских людей — по именам, с отцы и с прозвищи и сколько у кого детей, и братей, и племянников, то писано в сказке сей ниже сего». А далее в переписи в качестве прозвищ выступают именования, оформленные, как и наши современные фамилии, суффиксами *-ов*, *-ев*, *-ин*: *Шавкунов*, *Кузнецов*, *Загайнов*, *Шустиков*, *Дружинин*, *Чобин*, *Щукин*, *Склюев* и т. д. Значит, прозвищами считали тогда не только именования, характеризующие

индивидуальные качества отдельных людей, но и именования, полученные по наследству, принадлежащие многим родственникам. В том же документе, например, упоминаются «Иван, да Флор, да Семен Федоровы дети Шавкуновы», «Иван, да Афонасей, да Алексей Карповы дети Кузнецовы». Именования *Шавкуновы* и *Кузнецовы* общие для нескольких людей, они получены по наследству. А называли эти именования писцы XVII века прозвищами.

Итак, в прошлом к прозвищам относили и такую большую группу именований, как наши современные фамилии. К ним изредка относили и именования, образованные от имени отца. Существовали и другие группы прозвищ от имен родственников, имевшие какие-то своеобразные суффиксы, по-особенному оформленные.

Заглянем в древнерусские памятники. «Умерла Яновая именем Марья», — читаем в Ипатьевской летописи. Кто такая *Яновая*? Оказывается, есть и текст, из которого ясно, что она «Марья, жена Яна». В Новгородской летописи упоминаются *Полюжая* — жена Полюда, *Завижая* — жена Завида. В новгородских берестяных грамотах: *Радоковая* — жена Радка, *Якуновая* — жена Якуна, *Ярошковая* — жена Ярошки и другие: «У Ярошковеи 9, у Завида 7 векош[1] и резана», «У попадьи у Павловеи 7 гривен», «5 гривени 8 кун отдай Волотковеи».

В этих древнерусских текстах обнаруживается именование жены по имени мужа в особой форме, с окончанием прилагательного. Такие именования характерны были главным образом для Новгородской земли и, видимо, употреблялись в живом языке, который в значительной степени отражен в берестяных грамотах.

Существуют ли сейчас подобные именования? В такой форме, то есть с окончанием прилагательных, нет. А вот с таким значением — называние женщины по имени мужа,— оказывается, существуют и очень широко распространены по всей территории России, главным образом в сельской местности. Что же это за именования?

В русском языке есть большая группа нарицательных существительных женского рода, оканчивающихся на *-их(а)*, называющих самок животных: ежиха, слониха,

---

[1] В е к ш а, р е з а н а, к у н а — денежные единицы.

зайчиха и другие. Маленькие ребята, еще не постигшие всех премудростей русского словообразования, эту группу слов значительно расширяют. В их рассказах фигурируют медведихи, котихи, львихи, тигрихи. Эта группа нарицательных слов в XVI—XVII веках была гораздо больше, чем в современном русском литературном языке: в нее входили слова, употребляющиеся сейчас с другими суффиксами. В деловых актах нередки записи вроде следующей: «Посадила она, Марфа, свою гусиху... моих гусих яйца запаренные, а ее, Марфины, гусихи яйца свежие». И это не в детской речи, а в совершенно серьезном официальном документе, написанном в судной избе. Некоторые из таких слов на *-их(а)* не употребляются сейчас в литературном языке, они ушли в область городского просторечия и сельских диалектов. Еще Пушкин писал:

Встает заря во мгле холодной;
На нивах шум работ умолк;
С своей волчихою голодной
Выходит на дорогу волк.

Прошло сто лет, и в «Толковом словаре русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова в 1935 году слово «Волчиха» отмечено как областное. Количество нарицательных существительных на *-их(а)* в русском языке сократилось.

Большой была в прошлом группа слов на *-их(а)*, называющих женщин по мужу (по его профессии, занятиям, должности, социальному положению): мельничиха, купчиха, старостиха, городничиха, стрельчиха. К ней примыкали и именования, называющие женщин по мужу. В деревнях они не редкость в настоящее время. Студентам, приехавшим в северную уральскую деревню изучать старинные песни, сказки, пословицы, поговорки, объясняют, как найти старушку, знающую много произведений устного народного творчества: «Дойдете до Ванихи — вон изба с красной крышей, Ваниха там живет; повернете к реке, там на берегу эта самая Якуниха, там ее изба».

Памятники свидетельствуют о том, что именование женщин на *-их(а)* — явление очень старое. И раньше и сейчас их называют прозвищами, хотя они и отличаются от именований, данных по индивидуальным качествам человека.

Выходила девушка замуж и приобретала новое именование — по мужу. Фамилий в древности не было, и, даже

когда они появились, ни к чему было официально называть человека в маленькой деревушке, где прекрасно можно обойтись и без фамилий. И называли вышедших замуж просто по имени мужа: *Ваниха*, *Ванюшиха*, *Олешиха*, *Якуниха*, *Петруниха*, *Даниха*, *Данилиха*, *Егориха*, *Ираниха*. И заметьте: чаще появлялись такие прозвища от неполных и оценочных имен, чем от полных.

Нередко возникали такие именования на *-их(а)* даже не от имени, а от прозвища мужа. И появлялись новые, уже женские прозвища *Голованиха*, *Глотиха*, *Горланиха*, *Лабуниха*, *Рычиха*, *Скуриха*. Умирал муж, но прозвище, данное по его имени или прозвищу, оставалось. Многие фамилии на *-их(ин)* возникли когда-то от прозвищ матерей, которые, оставшись одни, не только вырастили своих сыновей, но дали им и свое именование, ставшее впоследствии фамилией. Вырастила Петруниха, вдова Петруни (Петра), сына, и называли его *Петрунихин сын* или просто *Петрунихин*. Видимо, именно таким путем появились фамилии *Грызихин*, *Кулихин*, *Лапихин*, *Навалихин*, *Панихин*, *Сутурихин*, *Уведихин*, зафиксированные в вятских писцовых книгах XVII века. Много их и в памятниках других территорий России этого времени.

Русские женские прозвища на *-их(а)* употреблялись в прошлом в разных краях России, однако уже в документах XVII века ощущается их неофициальный характер. Проскакивают такие прозвища в речах крестьян, записанных в судных избах. Но как только писцы начинают обрабатывать текст документов, переписывать набело, эти прозвища исчезают. Записаны, например, в Кунгурской судной избе в 1686 году показания крестьянина, который сообщал: «Она, Марьица, в та поры на мосту платье мыла, в которые поры потонул жеребенок. А она, Терешиха, сказывала ему, Калинке, что она де, Марьица, толкнула жеребенка». Далее писец, записывая официальное решение по делу, называет Терешиху «Марья Сергеева дочь Терентьева жена Исакова», то есть ее мужем был Терентий Исаков. Таких случаев в деловых документах немало.

В русских деревнях возникали прозвища на *-их(а)* даже у нерусских жителей от иноязычных имен. Вот еще одна запись из документов 1686 года: «Был он в деревне Баркине у татарки, вдовы Апасихи, а имя ей опамятовал. Шьючи шубу, выняла она, Апасиха, из сумки 3 рубля

денег». Видите, истец, жалующийся на Апасиху, знает только ее прозвище, а имя «опамятовал». Но, записывая решение, писец именует эту женщину «Апасиевская жена Баташева, вдова».

На неофициальный характер прозвищ на *-их(а)* обратил внимание некогда М. В. Ломоносов. В своей «Российской грамматике» он писал об этих широко распространенных в России в XVIII веке прозвищах: «На -ха кончающиеся женские, от мужских происходящие, унизительное знаменование имеют и происходят по большей части от посмеятельных прозвищей чесночиха, костылиха, волчиха, болваниха».

Если вы живете в деревне, прислушайтесь к тому, как называют у вас взрослых, особенно пожилых женщин, и вы услышите прозвища на *-их(а)*. Они встречаются сейчас в разных краях страны: на Кубани и в Сибири, в Новгородской области и на Урале, в Архангельской и в центральных областях.

После возникновения отчеств и фамилий именования на *-их(а)* образуются уже не только от имен, но и от отчеств и фамилий. Кто не знает о жестокой помещице XVIII века Салтычихе? Как появилось ее прозвище? Вот что можно прочесть в журнале «Наука и жизнь» о некоторых населенных пунктах Подмосковья: «В 1767 г. Сергиевское и Коньково стали владением Авдотьи Наумовны Зиновьевой, прозванной Наумихой, жестоко истязавшей своих крепостных, так же как и ее соседка Салтычиха... Владелицей Верхнего Теплого Стана и Троицкого была внучка Автонома Иванова — Дарья, по мужу Салтыкова, прозванная Салтычихой»[1]. В этом отрывке два прозвища на *-их(а)*: одно — *Наумиха* — образовано от отчества, другое — *Салтычиха* — от фамилии. Таким образом, уже в XVIII веке источники прозвищ на *-их(а)* значительно расширились, они образовывались от имен, прозвищ, отчеств, фамилий.

В настоящее время в сельской местности среди именований на *-их(а)* преобладают образованные от имен, обычно неполных или оценочных, и прозвищ. Употребляются они обычно по отношению не ко всем жительницам деревень: приезжих, врачей, учителей, библиотекарей — представителей интеллигенции так не называют. Используют

---

[1] См.: «Наука и жизнь», 1972, № 9, с. 140.

их в своей среде коренные жители деревень. Редко такие прозвища выходят за пределы деревни. Разве что приедет журналист и, стараясь передать колорит деревни, упомянет в своих очерках, например, Жаманиху или Седиху[1], да и то обязательно подчеркнет: «Жаманиха — это прозвище, конечно».

Обычно в таких прозвищах нет ничего обидного, «обзывного». Они ведь и возникли не от названий качеств людей, а от именований близких. Впрочем, сейчас иногда возникают такие прозвища, которые не соотносятся с чьим-либо именованием. Но если уж прозвали кого-то *Тарзанихой* или *Крокодилихой*, то здесь намек как раз на качество человека.

Все меньше становится прозвищ на *-их(а)*. Меняется жизнь, растут села на месте маленьких деревень, где все друг друга знали. Исчезают и такие именования: в большом населенном пункте ими уже не обойтись, гораздо удобнее для этого сейчас использовать фамилии, которые вошли не только в официальный язык, но широко употребляются и в живом разговорном. Исчезают прозвища на *-их(а)*, но осколки их еще живы, и не только живы в деревне, но проникают иногда и в современную городскую школу. И называют тогда девчонок *Радостихой* (от фамилии Радостева), *Фомичихой* (Фомичева), *Петрунихой* (Петрунина).

Итак, вот несколько групп прозваний, которые давались в далеком прошлом по отцу, деду, мужу. Одни из них настолько утвердились, что превратились в особые именования — фамилии — и вошли в официальный язык. Другие, наоборот, исчезли (Волотковая, Яновая) или употребляются лишь в небольших коллективах (преимущественно в сельской местности), непоследовательно, как это случилось с прозвищами на *-их(а)*. У таких именований нет будущего, по существу, мы наблюдаем процесс их исчезновения.

Кто такие *Шадрята*? Студентам-филологам на лекции рассказывали о древней славянской азбуке — кириллице, о буквах, которые в ней были и отсутствуют в современном русском алфавите. Особенно поразили всех юсы — четыре буквы: два юса больших — ѫ, ѭ —

[1] См.: «Работница», 1972, № 8, с. 20.

и два малых — ѧ, ѩ. Они соответствуют современным буквам *У*, *Ю*, *Я*, а некогда обозначали особые, носовые гласные звуки.

Итак, четыре буквы, имеющие нечто общее в названии, в происхождении. В группе, которая присутствовала на лекции, учились четыре студентки, дружившие между собой. Как назвать этот маленький коллектив из четырех человек? Иногда в разговоре их надо выделить, назвать как-то всех сразу. Не станешь перечислять по именам и фамилиям: долго, да, кроме того, в группе у них есть тезки. Трудно сказать, кто первый назвал их юсами, но название сразу подошло: букв четыре и девушек четыре. И закрепилось за ними это именование на все пять студенческих лет. Прошло много времени после окончания университета, но встречаются старые однокурсники и, перебирая в памяти всех «своих», обязательно спросят: «А как юсы?» По одиночке никого из них обычно не называли юсом, это было коллективное прозвище.

Оказывается, подобные коллективные прозвища не случайность. Современные говоры, памятники письменности, географические названия свидетельствуют об очень давней традиции давать прозвища целой группе людей, связанных каким-то общим признаком.

Сейчас с такими прозвищами сталкиваешься обычно в сельской местности. Участники фольклорной экспедиции на Урале обнаружили, что разные концы деревни, куда они приехали, и жители этих концов называются по-разному: *Новики* и *Казарята*. Ни одно из этих именований не имеет никакого отношения к названию деревни. Стали выяснять, как же они возникли. Может быть, они связаны с фамилиями? Нет, фамилий в деревне несколько, но ни одна из них ничего общего не имеет с названиями *Новики* и *Казарята*. Старики рассказали, что давным-давно, когда эти места только заселялись, возникло здесь два двора. В одном хозяином был человек по прозвищу *Новик* (пришлый человек); детей его, внуков, правнуков стали называть *Новики*, и весь конец деревни, где они жили, именовали так же. А неподалеку стоял двор крестьянина по прозвищу *Казара* (казара — название птицы из породы утиных); его потомки — *Казарята*, и весь конец деревни, где они жили,— тоже *Казарята*. Прошло 200 лет, никто уже не может точно сказать, почему именно были у первопоселенцев такие прозвища, но в названиях, знакомых

жителям только этой да близлежащих деревень, слова *Новики* и *Казарята* существуют и сейчас. Больше того: жителей этих частей деревни называют *Новиками* и *Казарятами*, даже если они не потомки тех далеких первопоселенцев, а приехали в деревню совсем недавно.

Может быть, так было только на Урале? Нет, и в сибирских селах обнаруживается то же самое. В одном из них жителей называют *казанцами* и *орловскими*, хотя село расположено очень далеко от Казани и от Орла. Спрашивают одного из казанцев: «Вы сами или кто-то из ваших предков из Казани?» — «Нет, мы курские». — «Почему же вас называют казанцами?»—«Мы живем в Казанском краю».

У села несколько «краев». Названия они носят по первопоселенцам: приехал человек из Казани, прозвали его *Казанцем*, его потомков — *Казанцами*, а место, где они жили — *Казанским краем*. Это название возникло по именованию людей, а затем в свою очередь стало причиной прозвищ для новых переселенцев из других мест России — курских, тульских и других жителей в прошлом.

Вот, казалось бы, и постигнута причина возникновения коллективных прозвищ в деревнях: они возникали по именованию первопоселенцев. Но в других населенных пунктах можно столкнуться с новыми загадками; в одной из деревень всех жителей делят, например, на *Низовицу* и *Верховицу*. Эти коллективные прозвища не связаны ни с какими именованиями первопоселенцев. Зато объяснить их появление здесь могут даже дети: *Верховица* — те, кто живет в Верхнем конце деревни. А что такое Верхний конец? Это уж совсем просто: край деревни, расположенный по течению реки, выше, чем Низовица.

Посмотрите на крупномасштабные карты нашей страны: в различных уголках России можно насчитать сотни и тысячи сел и деревень, в основу названий которых легли коллективные прозвища. Чаще всего в прошлом такие коллективные прозвища возникали по родству.

Называли детей, внуков и всех потомков Ефима — *Ефимята*, Ивана — *Иванята*, Абросима — *Абросимята*, Оверкия — *Оверята*. Такие коллективные прозвища легко попадали в названия деревень. Чаще, чем от имен, эти именования возникали от прозвищ: от *Бородуля* — *Бородулята*, *Быстрый* — *Быстрята*, *Бык* — *Бычата*, *Ворон* — *Воронята*, *Гусь* — *Гусята*, *Золотой* — *Золотята*, *Капуста* — *Капустята*, *Квашня* — *Квашнята*.

Название деревни *Шадрята* — по происхождению коллективное прозвище потомков какого-то человека по именованию *Шадра* (то есть с лицом, покрытым оспинами). Такие коллективные прозвища по форме напоминают древнерусские имена на *-ят(а)*: *Твердята*, *Гостята*. Но там это были формы единственного числа, а в коллективных прозвищах и географических названиях от них мы уже сталкиваемся с формами множественного числа. Они возникали по такому же принципу, как названия молодых существ, детенышей животных: *теленок — телята*, *поросенок — поросята*, *гусенок — гусята*. Возможно, потому и стали редкими неполные имена на *-ят(а)* в единственном числе, что эта форма утверждается в существительных множественного числа, а в антропонимии в коллективных прозвищах.

Любопытно и еще одно наблюдение над коллективными прозвищами и географическими названиями на *-ят(а)*. Они закрепились только на некоторых территориях России: их много в Пермской и Ивановской областях, встречаются они и в некоторых других, но гораздо реже. В большинстве же областей их не встретишь вообще. Почему?

Образование таких коллективных прозвищ на *-ят(а)* и проникновение их в топонимию было живым явлением не всегда, а лишь в какую-то определенную эпоху, и не везде, а только в части севернорусских говоров. Возникновение новых деревень в Пермской и Ивановской областях с названиями на *-ят(а)* относилось, видимо, как раз к тому периоду (XVII—XIX века), когда процесс образования таких коллективных прозвищ был живым в говорах.

В других местностях в это время могли появляться по именованию основателя деревни иные коллективные прозвища. Там детей и других потомков Филата называли *Филатёнками*, Захара — *Захарёнками*, Евсея — *Евсёнками*, Павла — *Павлёнками*, Барды — *Бардёнками*, Пентюри — *Пентюрёнками*. Прозвища на *-енк(и)* тоже возникали по типу образования существительных, называющих детенышей животных, в некоторых говорах: котенок — котенки, теленок — теленки, медвежонок — медвежонки.

На многих территориях очень распространенными оказались семейные именования на *-ич(и)* от имен и прозвищ: *Алешичи*, *Ганичи*, *Емеличи*, *Зотичи*, *Захаричи*,

Балкачи, Булычи, Каменичи, Лямичи. Уже забыта людьми причина появления такого именования, а оно продолжает жить как коллективное прозвище, а иногда сохраняется только в географическом названии. Стала, например, деревня *Ераничи* поселком, исчезли в ней коллективные прозвища, но память об одном из них сохранилась в самом названии поселка.

«Мода» на коллективные прозвища менялась, и в одной и той же местности могли оказаться рядом прозвища с разными суффиксами: они появлялись в разное время. Так, на северо-востоке европейской части СССР одновременно встречаются застывшие в географических названиях или сохраняющиеся в именованиях говора прозвища на *-ят(а)*, *-енк(и)*, *-ич(и)*. А наряду с ними живут хорошо известные во всех частях России коллективные прозвища без специфического суффикса — имена существительные в форме множественного числа с окончанием *-ы*, *-и*. Потомков некоего Петра прозвали *Петры*, Василия — *Васьки*, Герасима — *Ганьки*. Подобные коллективные прозвища встречаются и от полных имен (*Абрамы, Денисы, Ульяны, Ипаты, Касьяны, Ефремы*) и особенно часто от неполных и оценочных (*Гришки, Алексики, Петруни*). Множество таких именований возникло на основе индивидуальных прозвищ: *Новики, Бухтари, Комары, Курбаты, Волеги, Глоты, Грачи, Елтыши, Зайцы, Жуланы, Канюки.* Сохраняются, например, иногда в деревнях предания о том, что был основателем рода человек сильный и крепкий, прозвали его *Елтышем* (елтыш — обрубок дерева), а детей его стали называть *Елтышами*, и их детей — тоже. Так и живет родовое прозвище десятки лет, столетия.

В прошлом, когда не было еще твердо установившихся фамилий, коллективные прозвища нередко выполняли их функции. Многие современные фамилии возникли на основе семейных коллективных прозвищ. И сейчас в деревнях нередко говорят о второй, «уличной» фамилии, которая является обычно таким коллективным семейным прозвищем, неофициально, без закрепления в документах передающимся из поколения в поколение, а иногда существующим только у одного-двух поколений.

Носят, например, в деревне Шляпники Пермской области все коренные жители фамилию *Шляпниковы*, но по «уличным» фамилиям их делят на *Филипповых* (по имени деда Филиппа) и *Филимоновых* (по имени деда Филимона),

У новых поколений появляются новые прозвища. Так, среди *Филимоновых* известны теперь *Инженеровы* (дети инженера) и *Завгаровы* (дети заведующего гаражом).

Семейные прозвища нередко изменяли свои функции, и ими именовали людей уже не по их предкам, а по местности, где те живут. И называли тогда *Новиками*, *Быками*, *Ганичами*, *Петушатами* не только потомков *Новика*, *Быка*, *Гани*, *Петуха*, а жителей, относительно недавно поселившихся на земле, принадлежавшей некогда такому *Быку*, *Новику* и т. д.

В исторической, этнографической, художественной литературе можно отыскать множество примеров групповых прозвищ людей, возникших по другим причинам. Одни давались по названию мест, из которых приехали они сами или их предки *(ростовцы*, *вологжане*, *рязанцы)*, по особенностям их говоров *(ягунами* называют жителей нескольких деревень Горьковской области, предки которых переселились из южной России и якали, например произносили *яго* вместо *его*), по занятиям *(баклушечники*, *шапошники*, *тулупники)*.

Бывало и так, что коллективные прозвища, употреблявшиеся до революции, имели отрицательные оттенки, были почти бранными. Не любят люди старшего поколения, живущие на Вишере, вспоминать о том, что до революции называли у них всех нанимавшихся на сезонные работы зимогорами, а самих жителей Урала, как и Сибири,— челдонами. Эти прозвища были обидными и сейчас ушли в прошлое, а если некоторые и сохраняются, то обычно меняется их окраска, теряется «обзывной» в прошлом характер.

Исчезли и многие из групповых прозвищ, называвших некогда людей одной профессии. Называли же когда-то извозчиков *ваньками* или *гужеедами*, а мы об этом знаем только из литературы да по воспоминаниям людей старшего поколения. Нет теперь ни такой профессии, ни прозвищ.

Коллективные прозвища возникали в небольших группах и были известны небольшому числу людей. Если же они становились понятными всем или большинству говорящих на русском языке, проникали в литературу, то, как правило, переходили в имена нарицательные: *гужеед*— извозчик или *челдон* — сибиряк — это, по существу, уже нарицательные слова.

В городах уже в прошлом веке и в начале XX столетия коллективные прозвища были распространены лишь у подростков. Вспомните «Кондуит и Швамбранию» Л. Кассиля: гимназистов прозвали сизяками или голубями за сизый цвет их шинелей, учащихся Высшего начального училища — внучками, так как на пряжках их поясов были выбиты буквы ВНУ (первые буквы слов названия училища). А. Куприн в «Юнкерах» упоминает о том, что девочек, учившихся в гимназии мадам Перепелкиной, звали перепелками. Обычно в таких прозвищах намекали на внешние особенности тех, кого именовали, но нередко в них обнаруживается связь с названиями, именами, фамилиями. Такие прозвища иногда быстро возникали и исчезали, а иногда передавались от одного поколения к другому. Но всегда они существовали только в неофициальной речи, в официальный язык они не попадали.

* * *

Итак, мы видим, что прозвища-очень древнее и сложное явление в русском языке; различны их источники, поразному складывались их судьбы. Одни прозвища жили только в древнерусском языке *(Яновая, Полюжая)*, другие были продуктивны в XVII—XIX веках *(Шадрята, Оверята)*, третьи образуются уже в период существования национального русского языка *(Кюхля, Боча)*. Некоторые из этих именований употреблялись на территории всей России (на *-иха*), а другие — только в некоторых областях (на *-ята* или *-ёнки*).

Способы образования прозвищ претерпели незначительные изменения. А вот роль их постоянно менялась. Некогда прозвища занимали важное место в официальном языке, но постепенно утратили его. Сейчас они сохраняются лишь в говорах и просторечии и употребляются только в неофициальной обстановке.

Можно ли сейчас жить без фамилии? Общаясь с родственниками, знакомыми, человек, конечно, обходится без фамилии. Тут хватает одного имени, иногда имени и отчества, прозвища. Но стоит только выйти за пределы этого узкого круга людей, как без фамилий не обойтись. Их не только записывают в документы, но постоянно употребляют в живой речи в школах, институтах, учреждениях. На любом предприятии, особенно крупном, люди известны друг другу нередко только по фамилии. Это основное именование человека в современной официальной жизни.

Во время Великой Отечественной войны, когда в детских домах оказались сотни маленьких детей, потерявших родителей и не помнивших своих фамилий, им немедленно присваивали новые. Одним фамилии придумывали по названиям мест, откуда их привезли: *Смоленский*, *Белоруссов*. Другим давали фамилии их спасителей. В блокадном Ленинграде сандружинница Вера Щекина спасла от гибели 39 ребятишек, оставшихся сиротами. Многие малыши еще не знали не только своих фамилий, но иногда и имен. И узнать их было неоткуда. В детском приемнике, куда приносила их Вера, детей записывали под ее фамилией — *Щекины*, а девочкам, которые не знали, как их зовут, давали ее имя. Так появилось множество *Щекиных* — детей, спасенных молодой сандружинницей.

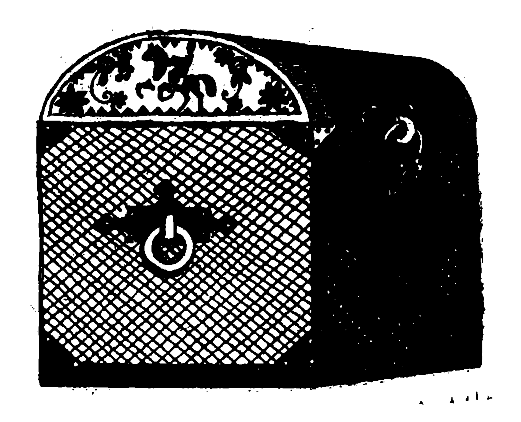
Итак, без фамилий сейчас люди не живут. А в древности?

Можете ли вы вспомнить фамилии князя Игоря или Ярославны, Ярослава Мудрого или князя Олега? Ни в летописях, ни в документах, ни в литературных произведениях Древней Руси фамилий нет.

Их нет у представителей правящей верхушки, у князей. Быть может, княжеские фамилии просто не записывались? Известно, например, что в XVIII — начале XX века, когда в России уже утвердились фамилии, российские императоры в официальных бумагах пользовались лишь именем. И нам из истории они известны по именам: Екатерина II, Николай I, Александр III, Николай II. Им не нужна была фамилия для уточнения имени. Все их подданные и так должны были знать, что императоры из рода Романовых. Может, и фамилий князей не писали в древнерусских текстах по той же причине: имя князя не нуждалось в уточнении? Нет, фамилий в Древней Руси не находят ни у именитых людей, приближенных к князьям, ни у дружинников, ни у купцов, ни у ремесленников, ни у крестьян. Их вообще тогда не было. Проследить, как развивалась эта часть именований, позволяют памятники.

С ростом населения в стране, с укреплением экономических связей между различными территориями государства, с укреплением связей между городом и деревней количество людей, постоянно вступающих в общение, необыкновенно растет. Это общение нередко фиксируется в деловых документах. Покупали люди друг у друга землю, или дом, или мельницу — писали об этом документ — купчую грамоту; занимали деньги, закладывая имущество (постройки, скот, хлеб),— составляли закладную кабалу; обращались с просьбой о чем-либо — сочиняли челобитную и т. д.

От XVII века, например, до нас дошло такое большое количество документов, что ученые до сих пор не представляют точной цифры — сколько же их? Документы хранятся сейчас в архивах, музеях, библиотеках в разных городах Советского Союза. Их постоянно изучают. А сколько актов еще не изучено! Ученые просто не знают о них! И вдруг... То обнаружат случайно при разборке дома какой-нибудь дедушкин сундук, который больше 100 лет стоял на чердаке, а в нем старые документы. То найдется тайник со старинными текстами,

А иногда открытия бывают и вовсе неожиданными. Вдруг обнаруживается, как это случилось недавно в старинном уральском селе Вильгорте, что часовня, которая давным-давно служила складом и никого особенно не интересовала, оклеена изнутри листами с текстами XVIII века. Присматривайтесь к окружающим вас предметам, возможно, и вам удастся найти новые, неизвестные доселе памятники.

Деловые документы обязательно должны были точно фиксировать, кто у кого купил вещи или кто у кого занимал деньги. С увеличением числа людей, вступающих в сделки, одних имен для документов становилось недостаточно. В древних новгородских берестяных грамотах еще можно было обойтись лишь именами, эти бытовые письма или документы охватывали небольшой круг людей: «От Василия к Ростиху. Продайте полового[1] коня... а Борорую напишите». Ростих, которому это было написано, хорошо знал, от какого Василия письмо и кто такой Боруй. Впрочем, и тут имен иногда было мало, и приходилось использовать либо вторые имена, либо прозвища, либо именования по отцу.

А вот позднее, в XV—XVII веках, с ростом числа людей, связанных разного рода делами, с развитием делопроизводства, с началом переписи населения, в деловой письменности к именам нужны были разного рода уточнения. Документ доносит до нас большое число именований, по которым прежде всего можно проследить, как из уточнений к именам, из прозвищ рождаются фамилии.

---

[1] Половый — светло-желтый.

Долог путь к фамилиям. Может ли нам помочь в исследовании русской антропонимии термин *фамилия*? Может быть, надо просто установить, когда он появился, и станет ясно, в какую эпоху сложились фамилии?

Конечно, когда появился термин, фамилии уже сложились. Но и задолго до появления этого термина уже используются в русской антропонимии такие именования, какие сейчас считают фамилиями. Слово *фамилия* нерусское по происхождению. В древнем Риме familia — семья, в состав которой, кроме родственников, входили и рабы. Из латинского языка это слово пришло во многие современные европейские языки с таким же значением — семья (только уже без рабов, без людей, не связанных родственными узами): family — в английском, Familie — в немецком, famille — во французском. Видимо, в XVIII веке это слово с таким же значением появилось и в русском языке. Кстати, и сейчас в этом значении, хотя и устаревшем, оно иногда употребляется. «За столом собралась, наконец, вся фамилия», то есть все члены семьи. Однако в древности в русском языке существует свое слово *семья*, и поэтому чужеземное *фамилия* в этом значении оказалось просто ненужным.

Зато ощущалась необходимость в специальном названии для антропонима, который, помимо имени и отчества, давался каждому члену семьи и передавался по наследству как семейное именование. Вот тут-то и пригодилось чужеземное слово: оно стало называть не семью, а именование, общее для всей семьи, для каждого ее члена. Среди всех славянских языков только русский, приспособив это заимствование к своей грамматике, дал ему такое значение.

Однако, прежде чем понадобился специальный термин для фамилий, они должны были сложиться и настолько утвердиться в русском языке, что для всех это стало бы очевидным: существует новое именование, это не имя, не отчество; имена и отчества даются лишь в одном поколении, у следующего поколения уже свои имена и отчества. А это именование передавалось в семье по наследству по мужской линии, его имели сын, отец, дед, прадед и т. д.

Необходимость обозначить принадлежность людей к той или иной семье, к тому или иному роду[1] ощущалась

---

[1] Под р о д о м в данном случае понимают ряд поколений, ведущих свое происхождение от одного предка.

уже в очень давние времена. Когда в летописях, говоря о Мстиславичах, Олеговичах, Ярославичах, имели в виду не только детей, но и внуков, правнуков Мстислава, Олега, Ярослава, то здесь уже именованием определялась их принадлежность к роду. Но это еще не было фамилией. Принадлежность к роду обозначалась в древних текстах очень редко, обычно тогда, когда речь шла о людях знатных, это касалось в летописях лишь князей. А у крестьян, ремесленников, торговцев обычно не было необходимости упоминать в документах, к какому роду они принадлежат; им не нужно было с помощью таких родовых именований отстаивать свою власть, богатство, независимость.

Фамилий в Древней Руси еще нет, но начало им уже положено — появляется потребность в них. Она чаще всего ощущалась в документальной письменности, особенно тогда, когда дело касалось передачи имущества. Уточнять имя человека можно было по-разному: в одних случаях употребляли рядом с календарным древнерусское, дохристианское имя *(Василий Путята)*, в других использовали индивидуальные прозвища *(Ивашко Широкий)*, в третьих — именования по отцу *(Федька Онофриев сын)*, в четвертых — по матери *(Алешка Катин)*... Наконец, удобно было назвать человека как относящегося к определенной семье.

В одной из новгородских берестяных грамот определяются феодальные повинности крестьян — сколько кадей ржи (в зерне) должны они уплатить: «У Микитци кадь ржи. У Доманта 3 (кади) ржи. У Овсяника кадь ржи, у Понарьи полтреть (кади) ржи. У Юрка — 2. У Чупровых — 5 (кадей) ржи». В другой грамоте: «Поклон от Степана к Семену. Возьми у Канунниковых десять лососей, а другой десяток возьми у Данилки Бешкова». Что такое здесь «у Чупровых», «у Канунниковых»: именование семьи, а может быть, именование одного человека по всей семье (ведь выше в грамотах перечисляются лишь отдельные люди), вроде того, что есть сейчас: *Юрий Фоминых*, *Алексей Черных*? Когда речь идет об одном таком человеке, то скажут: у *Юрия Фоминых*, у *Алексея Черных* — или просто: у *Фоминых*, у *Черных*. Возможно, и в древних берестяных грамотах такие именования относились к отдельным людям, принадлежащим определенной семье.

Ученые находят в памятниках и другие именования семей. Помните новгородцев по имени *Ерш*, *Линь*? Они

принадлежат к какой-то Васильеве Рыбе, полагают, что так могла называться семья.

Итак, именования семей, отчасти похожие на современные фамилии, встречаются уже в глубокой древности. Но вот что плохо: невозможно по таким обрывкам документов, какие дошли до нас от XI—XIV веков, установить, передавались ли подобные именования по наследству. Может, уходил из такой семьи сын, начинал самостоятельно вести хозяйство и переставали употреблять по отношению к нему это семейное именование, а называли именем и каким-то одному ему свойственным прозвищем? И у его семьи возникало новое общее именование? Видимо, было как раз так: отдельные семьи уже в древности могли иметь свои названия, но они не переходили по наследству к тем, кто выделялся из семьи.

Чтобы выяснить, когда возникли фамилии, нужно найти такие памятники, которые показали бы, что семейные именования переходят по наследству.

Уже от конца XIV—XV века дошли до нас документы, свидетельствующие о передаче именования от поколения к поколению. Правда, это относится пока лишь к знатным княжеским, боярским семьям. В документах неоднократно упоминаются князья *Оболенские*, *Голицыны*, *Бельские*, *Сабуровы*, *Морозовы*, *Шуйские*, *Борецкие*. Фамилии князей эпохи Ивана Грозного (XVI век) запечатлены и в художественных произведениях. В драме А. Н. Толстого «Орел и орлица» действующими лицами являются князья *Курбский*, *Воротынский*, *Старицкий*, *Репнин*, *Оболенский-Овчина*. В трагедии А. К. Толстого «Царь Федор Иоаннович» — князья *Шуйские*, *Мстиславский*, *Шаховской*, *Хворостинин*. А ведь эти писатели использовали материалы памятников.

Князей в документах именуют с «вичем» и с именованиями, передающимися по наследству: «... пожаловал князя Феодора Ивановича Бельского, дал ему в вотчину город Лух с волостьми». В целом ряде документов XIV—XVI веков одно семейное имя принадлежит нескольким поколениям. В духовной грамоте — завещании Семена Дмитриевича Пешкова-Сабурова, составленной в 1560 году, упоминаются Симеон Феодорович и Константин Симеонович, Дмитрий, Иван Дмитриевич и Семен Дмитриевич Сабуровы. Это представители разных поколений, но у них общее именование — Сабуровы. И вот что любопытно: в одной и

той же грамоте человека могут называть разными семейными именованиями. Сабуров именует себя так лишь тогда, когда речь идет о родственниках Сабуровых. Упоминая других родственников: племянников Ивана Юрьевича, Дмитрия Ивановича, Петра Михайловича, Михаила Михайловича, Михаила Федоровича,— он именует их Пешковыми и себя в этом случае называет уже не Сабуровым, а Пешковым: «Я, Семен Пешков».

В этой грамоте точно так же разными именованиями названы другие князья: Григория Андреевича Пешков-Сабуров именует то Куракиным, то Булгаковым: «Ту свою вотчину даю племяннику своему Григорью Ондреевичу Булгакову», но «Князю Григорью Ондреевичу Куракину приказщики мои дадут шубу соболью нову». Другого племянника, Ивана Андреевича, он называет то Куракиным, то Булгаковым, то Куракиным-Булгаковым.

Итак, с одной стороны, семейные прозвания не только существуют, но и передаются по наследству, то есть они уже начинают играть роль фамилий. Но, с другой стороны, таких фамилий в семье могло быть две: либо от разных прозвищ основателя семьи, либо от прозвищ предков нескольких поколений, либо по отцовской и по материнской линии. И в памятниках наблюдаются колебания в употреблении то одной, то другой. В ряде случаев за братьями закреплялись и передавались потомкам разные фамилии— таков был один из источников появления новых фамилий.

Но это у «сильных мира сего». А когда возникли фамилии у большей части населения России: у крестьян, незнатных горожан? Оказывается, в различных местах у представителей разных слоев населения этот процесс проходил неодинаково. На севере и северо-востоке России, где жило много государственных крестьян, принадлежавших не отдельным помещикам, а плативших подати непосредственно в царскую казну, фамилии официально утверждались раньше, чем там, где было больше крепостных крестьян. Во всяком случае они раньше фиксируются в деловых памятниках. Об этом говорят прежде всего документы, хранившиеся в отдельных семьях, так называемые семейные архивы. В документах семьи, составлявшихся иногда на протяжении одного-двух столетий, фиксируется одна фамилия, передававшаяся по наследству. Такое именование уже ничем не отличалось от современных фамилий.

Есть на Западном Урале недалеко от г. Чердыни небольшая деревня Цидва. В XVI—XVIII веках, когда не было ни пароходов, ни самолетов, добраться до нее было чрезвычайно трудно. Каким далеким, заброшенным был этот край тогда! Влияние центральной, московской культуры, казалось бы, не должно было особенно ощущаться. А вот фамилии там в это время уже были, причем фамилии не князей или бояр, а крестьян. Откуда мы знаем об этом? Из памятников, дошедших до нас чудесным образом.

В тайнике старинного буфета (его и сейчас можно увидеть в Чердынском краеведческом музее) были заложены документы, написанные 200—300 лет назад. Они рассказывают много интересного о жизни в этих краях в далекие времена. Цидвенские документы фиксируют несколько фамилий крестьян в деревне. Наиболее распространенной была *Афанасьевы*. На протяжении XVII—XVIII веков упоминаются разные поколения этой семьи: «Григорий Михайлов сын Афанасьева», его сын «Левонтий Григорьев сын Афанасьева», брат Григория «Третьяк Михайлов сын Афанасьева», его сын «Степан Третьяков сын Афанасьевых», «Фотий Иванов сын Афанасьев», его сын «Захар Фотиев сын Афанасьевых», сын Захара «Иван Захаров сын Афанасьев». Одно родовое имя у разных поколений крестьян. Правда, оформляется оно пока еще по-разному: Афанасьева, Афанасьевых, Афанасьев. Но разнобой в оформлении наблюдается только в некоторых цидвенских фамилиях. Обычно же они в XVII веке выглядят вполне современно: *Девятков*, *Замятнин*.

Другой пример. Около города Соли Камской в XVII веке жили крестьяне Иртеговы. Разными путями дошли до нас документы этой семьи, в различных городах хранятся они в настоящее время. Но одно объединяет их — фамилия владельцев. Она во всех поколениях одинаково оформлена: «Иван Ондреев сын Иртегов», его сын «Кирилл Иванов сын Иртегов», дети Кирилла «Леонтий Кириллов сын Иртегов, Василий Кириллов сын Иртегов». Фамилия Иртегов и сейчас известна на Западном Урале, и, по существу, в ее употреблении в XVII и XX веках нет никакой разницы.

Судя по памятникам, в XVII веке русские фамилии уже существовали в разных слоях населения. В документах можно найти фамилии крестьян, стрельцов, ремесленников, торговцев, даже «гулящих» (беглых) и «нищецких» людей.

Уже в XV веке антропоним нередко состоял из трех частей: имя + именование по отцу, то есть будущее отчество + прозвище — будущая фамилия: «...а что купил Палку Емельянова сына Ковшесникова с женою Федоскою», «...а у кабалы и купчие сидели[1] Микифор Исаков сын Харламов да Петрушка Иванов сын Шастин». В XVII веке этот тип мужских антропонимов становится очень распространенным. Вот выписка из переписи дворов 1685 года: «Двор: Иван да Афанасий Карповы дети Кузнецовы, у Афанасия сын Герасим 7 лет; двор: Яков Евтропьев сын Загайнов, у него сын Михайло 11 лет; двор: Анисим Семенов сын Сычев; да на Кунгуре на посаде нищецкие дворы — двор: Марко Дорофеев сын Катышев; двор: Илья Михайлов сын Кощиев, у него сын Федька 12 лет; да против города за Сылвою рекою двор перевозной: Ивашко Мокиев сын Черногузов». Третье слово в таких трехчленных антропонимах в XVII веке обычно уже фамилия.

Правда, употребление их было обязательным далеко не всегда. Даже в деловом языке, где требовалась особая точность, не редкость в качестве третьего слова прозвище, которое еще не оформлено как фамилия. В переписных книгах можно обнаружить и такие тексты: «Двор: Леонтий Афанасьев сын Оглоблин; двор: Матфей Семенов сын Серебренник; двор: Матфей Лукиянов сын Сибиряк; двор

---

[1] Сидеть — присутствовать при написании документа.

нищей: Иван Борисов сын Хромой; двор: Оська Михайлов сын Коневал». Антропонимы *Кузнецов*, *Загайнов*, *Сычев*, *Катышев*, *Кощиев*, *Оглоблин* напоминают суффиксами современные русские фамилии, а именования *Сибиряк*, *Хромой*, *Серебренник*, *Коневал* похожи на индивидуальные прозвища.

В XVII веке в оформлении третьего члена такого трехчленного именования еще наблюдается разнобой. Однако это не всегда свидетельствует об отсутствии фамилии. Одних и тех же людей в памятниках называют *Сибиряк* и *Сибиряков*, *Оглобля* и *Оглоблин*, *Хромой* и *Хромцов*, *Дряга* и *Дрягин*. Причины этого различны. Людей, известных по прозвищу *Сибиряк* и *Оглобля*, писцы могли записать в документах как *Сибирякова* и *Оглоблина* по аналогии с другими антропонимами в тех же документах. Если писали «Петров», «Сычев», «Переверзин», почему бы и прозвища не переделать в фамилии на *-ов*, *-ев*, *-ин* и не написать *Сибиряков*, *Оглоблин*?

И наоборот, людей по фамилии *Хромцов* или *Дрягин* могли назвать в повседневной речи *Дряга* и *Хромец* — прозвищами от существующих уже фамилий, как это наблюдаем мы иногда в речи школьников. Такая форма из разговорной речи могла попасть и в язык документов. Ведь практически все фамилии в XVII веке воспринимались как прозвища.

Каким емким стал в XVII веке термин *прозвище*! Им называли и индивидуальные прозвания людей (*Широкий*, *Белоглаз*), и оформленные как фамилии, в большинстве своем полученные по наследству, и групповые прозвища. В то же время индивидуальные прозвища в официальных антропонимах все более вытесняются именованиями, оформленными как фамилии.

Впрочем, и в XVIII и в XIX веках, когда фамилии уже окончательно сложились и оформился термин *фамилия*, их употребляют тоже далеко не всегда даже в деловой письменности. Крепостных крестьян, например, именовали нередко по имени, часто в уничижительной форме (*Палашками*, *Захарками*), пожилых людей — по отчеству (*Савельич*, *Еремеевна*). А в юридических документах иногда обходились лишь их именами и индивидуальными прозвищами или именованиями по отцу (*Иван Алексеев*, то есть *сын Алексея*, *Антипа Терентьев — сын Терентия*). Поэтому если изучать историю русских фамилий по

памятникам, написанным в Центральной России, где было много крепостных крестьян, принадлежащих отдельным помещикам, то время утверждения фамилий покажется нам более поздним, так как в переписях крепостных крестьян фамилии играли гораздо меньшую роль, чем у крестьян государственных. Для крепостных, с точки зрения официальных лиц, важно было записать их личные имена, прозвища или прозвания по отцу со словом *сын* и принадлежность к определенному помещику. А из какой семьи они вышли, никого не интересовало. И получалось иногда, что крепостные получали те же фамилии, какие носили их владельцы-помещики.

Вот каким длительным и неодинаковым для разных слоев населения и на различных территориях был процесс возникновения фамилий. Источники их тоже были весьма разнообразны. Давайте рассмотрим некоторые из них, чтобы лучше представить пути возникновения русских фамилий.

Сколько в России имен и сколько в России фамилий? Что общего между фамилиями *Геранин*, *Гераньшин*, *Герасин*, *Гешин*, *Гаранин*, *Гарасин*, *Гараськин*, *Гаршин*, *Ганин*, *Гашин*, *Еранин*, *Ераничев*, *Ярасимов*, *Ярасин*? На первый взгляд ничего. А общее есть. Оно, оказывается, в том, что среди предков носителей этих фамилий обязательно были люди с именем *Герасим*. Мы уже знаем, что любое полное имя имеет несколько, а иногда и весьма много неполных и оценочных. *Герасима* могли называть *Гераней*, *Гераньшей*, *Герасей*, *Гешей*, *Гараней*, *Гарасей*, *Гараськой*, *Гаршей*, *Ганей*, *Гашей*. В тех русских говорах, где звук *г* произносился похоже на *х*, а в начале слов почти совсем не слышался, *Герасимов* именовали *Ераней*, *Ярасей*, *Ярасимом*. От имени появлялись отчества *Герасич*, *Яранич* и другие. От всех таких неполных, оценочных имен и отчеств возникали фамилии. Фамилия *Герасимов* и все перечисленные выше — родные братья.

Точно так же *Даньшин*, *Данин*, *Данилов*, *Данусин*, *Данькин*, *Данилушкин* имели предков с одинаковым именем *Данила*. А *Дмитрии* некогда основали фамилии *Митяев*, *Митягин*, *Митякин*, *Митянин*, *Митяшин*, *Митяхин*, *Митреев*, *Митрин*, *Митюхин*, *Митюшин*, *Митюлин*, *Митюнин*, *Митин*, *Митенькин*, *Димин*, *Димахин*, *Димухин*.

Почти от каждого календарного и древнерусского имени возникли десятки фамилий. Чем больше неполных и оценочных имен появлялось от полного, чем больше фонетических вариантов оно имело в разных говорах, тем больше возникало от него фамилий.

Фамилии появлялись и от женских имен, главным образом таких, которые были широко распространены в старину в крестьянской среде: *Манькин*, *Манин*, *Манюхин*, *Марьин*, *Марин*, *Манюшин*, *Маняшин*, *Манякин*, *Манюрин*, *Маришин*, *Марулин*, *Марусин*, *Катюхин*, *Катюрин*, *Катин*, *Катеринин*, *Катюшин*, *Катюнин*.

Иногда трудно установить, мужское или женское имя лежит в основе фамилии, так как неполные формы от них могли совпадать. *Мусей* называли *Марию*, *Марину*, *Матрону*, *Дмитрия*, *Моисея*, а *Касей* — *Екатерину*, *Ксению*, *Кастора*, *Аркадия* и *Касьяна*. Поди, догадайся теперь, через 200—300 лет, какое полное — мужское или женское — имя носил основатель фамилии.

Но одно можно сказать с уверенностью: основную массу фамилий дали мужские имена. Ведь что такое фамилия? Именование, передаваемое по наследству, говорящее о том, какой семье принадлежит человек. А главой семьи на протяжении всех тех столетий, когда формировались фамилии, был мужчина. Его именование и становилось семейным. «Федор, Иван да Кирилл Даниловы дети поделили землю, и скот, и хоромы[1]»,— писали в документе конца XVI века. А в XVII столетии детей Федора, Ивана и Кирилла записывали в документах уже иначе: «Антонко Федоров сын Данилов», «Куземка Федоров сын Данилов», то есть дети Федора Данилова. Их двоюродных братьев, отцом которых был Иван Данилов, вписывали в документы как «Федьку Иванова сына Данилова» и «Андрюшку Иванова сына Данилова». Имя их деда Данилы закрепилось, и в следующих поколениях все их потомки были Даниловыми. Особенно легко утверждалось такое именование, если оно поддерживалось географическим названием. Предположим, деревеньку, которую основал когда-то этот Данила, называли Данилова деревня (по его имени), а всех живущих там — *Даниловыми*. Так и передается потомкам Данилы в разных поколениях антропоним *Данилов* (ч е й?), ставший фамилией.

[1] Хоромы — жилые и хозяйственные постройки.

Вот почему нередко в небольших деревнях все люди носили одну фамилию, да еще иногда она совпадала с названием деревни: в Останкине жили *Останины*, в Филипповке — *Филипповы*, в Петряевке — *Петряевы*, в Шляпниках — *Шляпниковы;* их предками и обычно первопоселенцами в этих деревнях были *Останя (Остап)*, *Филипп*, *Петряй (Петр)* и *Шляпник.*

Если сопоставить, сколько фамилий возникло от имен полных и сколько от неполных, оценочных, то окажется, что последних гораздо больше. Это и понятно. Фамилии в живом языке возникали прежде всего от той формы имени, которая была известна окружающим. Крестьян, составлявших в конце XVI—XVIII веках основную массу населения России, обычно не величали, и сами они называли друг друга неполными, уменьшительными, уничижительными именами. От них и возникали фамилии. Именовали близкие люди Данилу *Даньшей* — возникает и фамилия *Даньшин*, именовали Трифона *Тришей* — вот и основание для будущей фамилии *Тришин*. Названий деревень в областях, бурно заселявшихся в XVI—XVIII веках, гораздо больше от неполных имен, чем от полных. Чаще встретишь названия *Васькино*, *Гаврюшино*, *Гурино*, *Ортино*, *Максимково*, *Ярушино* (от имен *Васька*, *Гаврюша*, *Гуря* — *Гурей*, *Ортя* — *Артамон*, *Максимка*, *Яруша* — *Герасим)*, чем от полных имен. То же наблюдается и в фамилиях, возникавших тогда.

Фамилии от имен очень распространены в современной русской антропонимии. Некоторые, наиболее употребительные, попали даже в поговорки. Почему говорят «Иванов, Петров, Сидоров», когда хотят сказать «любой человек»? Да потому, что некогда *Иван*, *Петр*, *Сидор* были очень распространенными именами, и фамилий от них возникало много.

При исследовании антропонимии XVII века ученые обнаруживают, что 20—25% всех фамилий образовались от имен. Только четверть фамилий от имен. Чего же больше в именованиях сейчас — имен или фамилий? Конечно, фамилий. В святцах было более 1000 имен, но ведь фамилий от них появлялось во много раз больше, потому что для этого использовались не только полные, но и неполные и оценочные формы, а их всегда было множество. Так что, если считать даже только фамилии, в основе которых лежат имена, список их будет во много раз длиннее, чем список

имен в святцах. А теперь прибавьте к этим фамилиям еще $^3/_4$ тех, которые возникли не от имен. Представляете, как вырастет этот список? Вот почему в России начиная с XVII века всегда было гораздо больше фамилий, чем имен. И если тезок по именам мы встречаем часто, то однофамильцев гораздо реже, а это очень удобно.

«Чьих вы будете?» В парке громко плачет маленький мальчуган, потерявший родителей. Горю его нет предела, взрослые утешают мальчика, обещают найти маму. «Ты чей?» — спрашивает незнакомая женщина. Мальчуган, подумав, отвечает: «Мамин». И снова заливается слезами: он опять вспомнил о своем одиночестве.

Разве для того его спросили: «Ты чей?»,— чтобы напомнить о маме? Нет, хотели узнать его фамилию, а он не понял. Такой вопрос и не каждый взрослый сразу поймет, хотя он очень точно подходил когда-то к фамилии. Ведь Иванов, Александров, Верещагин, Ведерников, Коновалов — все эти и другие русские фамилии на *-ов*, *-ев*, *-ин* — не что иное, как притяжательные прилагательные по происхождению. Дом Ивана — чей дом? — *Иванов*. Берлога медведя — чья берлога? — *медведева*. И фамилии выглядят точно так же, как эти притяжательные прилагательные: *Иванов*, *Медведев*.

До XVII века в русском языке были распространены такие прилагательные от имен нарицательных. Обороты с ними встречаются в литературных произведениях и особенно часто в деловых актах, которые в значительной степени отражали живую речь. В актах можно прочитать: «Государева хлеба на полях не объявилось», «Челобитная ся[1] за старостиною рукою[2]», «И ту запись подали за ценовщиковою[3] рукою», «А та соляная труба у башкиркины избы», «След шел по полю от ответчикова сена». Видите, писали: «государев хлеб», «старостина рука», «башкиркина изба», «ответчиково сено», а не «хлеб государя», «рука старосты», «изба башкирки», «сено ответчика», как сказали бы сейчас.

Притяжательные прилагательные от слов нарицательных постепенно вытесняются существительными в родительном падеже: сено ответчика, рука ценовщика,

---

[1] Сей — этот.
[2] Рука — в данном случае «подпись».
[3] Ценовщик — оценщик имущества.

Зато от имен собственных таких форм на *-ов*, *-ев*, *-ин* образуется все больше и больше: это и отчества со словом *сын* (*Петров сын*, *Алексеев сын*), и фамилии (*Николаев*, *Семенов*, *Колосов*, *Никитин*). Видимо, уход из живого языка оборотов вроде *государев хлеб*, *старостина рука* в какой-то мере мог быть вызван тем, что таким образом оформляются антропонимы. Быть фамилией — такова теперь основная функция слов на *-ов*, *-ев*, *-ин*. Возникшие как притяжательные прилагательные фамилии переходят в разряд существительных. *Алексеев*, *Сабуров*, *Цаплин* — сейчас уже существительные, но о том, что они не всегда были ими, нет-нет да и напомнит вопрос «чей ты?».

Однако это не единственный вопрос, который напоминает об истории фамилий. В говорах можно услышать и другой, который тоже задают, чтобы узнать фамилию.

Девушку, приехавшую в сибирскую деревню, спрашивают: «Чьих вы будете?» Она не поняла: «Я студентка, учусь в городе». «Известно»,— ответила ей собеседница, местная жительница. — «А фамилия твоя какая?» — перевела она свой вопрос с русского языка... на русский язык: с диалектного на общерусский. Потом, когда девушка ближе познакомилась с жителями деревни, такой вопрос уже не удивлял ее: ведь жили здесь люди с фамилиями на *-ых*: *Фоминых*, *Петровых*, *Алексеевых*. В деревне можно было услышать: «А Дуняша Петровых уехала в город», «Алеша Алексеевых учится на тракториста». К таким фамилиям очень подходит вопрос ч ь и х? — *Петровых*, *Алексеевых*.

Появились фамилии на *-ых* давно и распространены были на различных, главным образом северных и восточных, территориях России. Они встречаются в пинежских, вятских, уральских, сибирских памятниках XVII века: «К сему распросу Зотка Дьяконовых руку приложил», «Бьет челом крестьянин Ивашка Столбовых», «Приехал в слободу Конанко Алексеев сын Ведерниковых».

Каким образом возникли такие фамилии? Говоря о человеке, можно было назвать его по отцу — *Петров*, *Потапов*, *Найденов*, а можно и по родителям — *сын Петровых*, *Потаповых*, *Найденовых*. Вероятно, такие фамилии появлялись не только в деловых записях: «Приехал Лучка Алексеев сын Найденовых», «Пришел к нему в дом крестьянин Ивашка Микитин сын Фоминых». Прежде всего такие формы должны были возникнуть в живом языке.

Фамилия на *-ых* определяла принадлежность не к отцу, а ко всей семье. Антропонимы на *-ых* были естественны, потому что существовали в старину в русской, особенно северной, деревне большие семьи, из которых дети долго не выделялись и, даже женившись, продолжали жить в родительском доме с женой и своими детьми. Мы уже встречались с антропонимами, называющими такие семьи, например именованиями: на *-ат(а)*, *-ят(а)* — *Оверята*, *Шадрята Коробята*, *Бобята;* на *-ы*, *-и* — *Петухи*, *Алексахи*, *Бурнаши*, *Пещуры*, *Бобровники*. Однако эти именования остались групповыми прозвищами, известными лишь в разговорном языке, и не закреплялись как официальные фамилии.

А именования на *-ых*, которые играли такую же роль, стали официальными фамилиями. Они возникли как форма родительного падежа множественного числа от притяжательных прилагательных на *-ов*, *-ев*, *-ин*. Знали семью в деревне по именованию *Петровы*, а детей в ней уже называли *Петровых* (дети к о г о? ч ь и дети?), это именование пошло и потомкам. В форме на *-ых* именование застыло, перестало изменяться при склонении (во всех падежах и числах оно кончается на *-ых*) и вошло в круг официальных фамилий.

На первый взгляд очень уж необычным путем попали в фамилии эти формы родительного падежа. Но, оказывается, в прошлом ничего необычного в этом не было. В памятниках XVI—XVII веков довольно часто именования, ставшие фамилиями, записывали в форме, напоминающей родительный падеж: «Воевода Иван Никифорович Кологривово печать свою приложил», «Бьем челом воеводе нашему Семену Ивановичу Толстово». По происхождению фамилии *Кологривово*, *Толстово* — тоже родительный падеж, но в памятниках это уже неизменяемые при склонении имена существительные. Появились они так же, как и фамилии на *-ых*. Жил человек по прозвищу *Зеленый*, а сына его называли «Ивашка Алексеев сын Зеленого». Так в форме *Зеленого* и пошла эта фамилия к последующим поколениям. Сына человека по прозвищу *Толстой* называли «Артемка Петров сын Толстого», и это прозвище закрепилось как фамилия.

В XVI—XVII веках, когда эти формы *(Толстого, Зеленого)* закрепились в антропонимии как фамилии, в русском языке еще не сложились единые нормы правопи-

сания. Могли написать «его брат», а могли и «ево брат» или «моего отца» и «моево отца». И то, и другое было допустимо. И в антропонимию проник такой же разнобой в написании. Писали: *Толстого* и *Толстово*, *Зеленого* и *Зеленово*. А в торжественном стиле обязательными были формы на *-аго*: *Толстаго*, *Зеленаго*, *Кологриваго*.

Однако такие фамилии в форме застывшего некогда родительного падежа единственного числа — редкость, они принадлежали преимущественно людям знатным и не распространялись широко. А от формы родительного падежа множественного числа на *-ых* фамилий довольно много, это были именования крестьян.

Они также встречаются не повсеместно. В документах XVII—XVIII веков их не было в Пскове, Рязани, Москве, Ростове, но они употреблялись в Устюге Великом, на Вятке, на Урале, в Сибири. Сейчас такие фамилии встречаются на большей территории, чем 200 лет назад. Но причина этого не в том, что в Москве или Рязани вдруг стали создаваться такие фамилии. Нет, туда их завезли в результате многочисленных переездов из других областей. Районами же, где чаще других встречаются фамилии на *-ых*, по-прежнему остались северо-восток европейской части СССР, Урал и Сибирь. Недаром фамилии на *-ых* называют иногда сибирскими. Встречаются они и в некоторых районах Черноземного Центра.

Итак, фамилии в различной форме неодинаково распространены в России. Да, и фамилии на *-ых* не единственное тому подтверждение. На Западе, ближе к Белоруссии, хорошо известны фамилии на *-ич*: *Гринкевич*, *Иваневич*, *Маневич*, *Баранович*, возникшие на той же основе, что и современные отчества. И *Королевич* там не наследник короля, а человек с такой же фамилией, как *Королев*. *Петрович* может иметь отчество *Иванович*, *Алексеевич*, *Никитич* (по форме его отчество совпадает с фамилией: в обоих суффикс *-ич*).

Фамилии, которые в настоящее время являются именами существительными, имеют самое разное происхождение: одни из них в прошлом — притяжательные прилагательные в именительном или родительном падежах, другие — существительные на *-ич*. А кроме того, есть фамилии, бывшие в прошлом обычными качественными и относительными прилагательными (*Смирный*, *Седой*, *Толстой*). Их было много в XVII веке, когда фамилии были еще очень

близки к прозвищам: «Вместо истца Трошки Черного по его велению Сава Алексеев сын Беспалой руку приложил», «А в становой избушке был Васька Петров сын Луговой». Многие из них впоследствии приобрели суффикс *-ов*: *Чернов*, *Беспалов*, *Седов*. Но и в настоящее время, правда уже не столь часто, можно встретить фамилии *Луговой*, *Полевой*, *Боровой*. А число фамилий из относительных прилагательных на *-ский (Борятинский*, *Прозоровский*, *Покровский)*, наоборот, возрастает в XVIII—XIX веках.

«Лошадиная фамилия». Сколько книг написано по русской ономастике! И почти ни один из авторов не обходится без упоминания об известном рассказе А. П. Чехова. Каких только именований не перебирают в этом рассказе, чтобы вспомнить «лошадиную» фамилию человека, заговаривающего зубную боль: *Кобылин*, *Жеребцов*, *Жеребятников*, *Кобылицын*, *Кобылятников*, *Жеребчиков*, *Лошадинин*, *Лошаков*, *Жеребкин*, *Лошадкин*, *Кобылкин*, *Коренной*, *Пристяжкин*, *Жеребковский*, *Жеребенко*, *Лошадинский*, *Лошадевич*, *Жеребкович*, *Кобылянский*, *Конявский*, *Лошадников*, *Табунов*, *Копытин*, *Жеребовский*, *Коненко*, *Жеребеев*, *Кобылеев*, *Тройкин*, *Уздечкин*, *Гнедов*, *Рысистый*, *Лошадицкий*, *Меринов*, *Буланов*, *Чересседельников*, *Засупонин*, *Лошадский*...

В одном маленьком рассказе показаны неограниченные возможности русского языка в образовании фамилий. Здесь представлены различные формы на *-ов*, *-ев*, *-ин*, *-ий*, *-ский*, *-енко*, *-вич*.

Фамилии вызывают у нас массу ассоциаций. «Лошадиная» фамилия оказывается не очень лошадиной — *Овсов*, но у приказчика, вспоминавшего ее, представление об овсе связывалось с кормлением лошадей.

Фамилий от имен нарицательных в русском языке колоссальное количество. Ученые предполагают, что практически невозможно составить полный словарь всех русских фамилий различных эпох.

Совсем полный, видимо, действительно не составить: о многих именованиях не сохранилось устных воспоминаний, нет и письменных фиксаций их. Но собирать фамилии, изучать их, составлять словари и исследования о них стоит, так как русские фамилии — это клад для историков, филологов, этнографов, клад, еще не раскрытый и не оцененный полностью. И кладом этим русские фамилии стали потому,

что возникали не только от имен людей, но преимущественно от их прозвищ. А прозвища, как мы уже знаем, открывают такое богатство сведений о русской жизни разных эпох, какого мы нередко не можем получить ни из каких других источников.

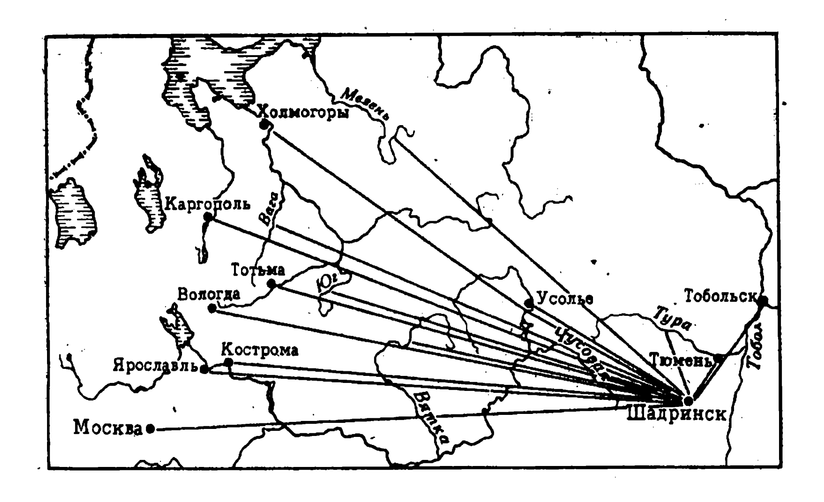
Откуда родом *Чусовитиновы*? Попробуйте установить, кем заселялись какие-либо окраинные земли России в XVI—XVII веках, например на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке, если об этом не сохранилось специальных записей.

Легендам, которые рассказывают о первопоселенцах в различных селах и деревнях, не очень-то можно доверять, даже если они красивы и на первый взгляд правдивы. Они могут быть поздними, могут быть принесенными из других мест, могут иметь налет вымысла.

Но вот мы развертываем длинный бумажный свиток[1], написанный в Шадринской слободе (ныне город Шадринск Курганской области) в 1687—1688 годах. Он несколько длиннее 22 метров, в нем склеено 93 документа, и в каждом есть фамилии или прозвища. Среди них такие, как *Вятчанин* и *Вятченин*, *Чусовитин*, *Кайгородец*, *Казанец*. Суффиксы *-янин (-енин)*, *-итин* в XVI—XVII веках были характерны для прозвищ, данных по месту, откуда прибыли люди. Приехал человек с Вятки — стали называть его *Вятченином* или *Вятчанином*, с уральской реки Чусовой — *Чусовитином*. По форме эти прозвища похожи на фамилии на *-ин (Янин, Никитин)*, но их никто не путал с фамилиями. А впоследствии на основе их стали появляться именования, оформленные уже как фамилии: они получили дополнительно самый распространенный суффикс фамилий *-ов*. Сына Чусовитина называли *Чусовитиновым сыном*, а Вятчанина — *Вятчаниновым сыном*, Вот вам и новые фамилии: *Чусовитинов* и *Вятчанинов*. *Чусовитиновы*, о которых идет речь в шадринском свитке, скорее всего родились уже в Сибири, но в фамилии их

---

[1] В судных избах — административных учреждениях XVII века в небольших городах и слободах — обычно документы, написанные в какой-либо период (в один год или в несколько месяцев), чтобы удобнее было хранить, приклеивали один к другому, а длинную ленту, которая получалась из склеенных документов, скручивали в свиток.

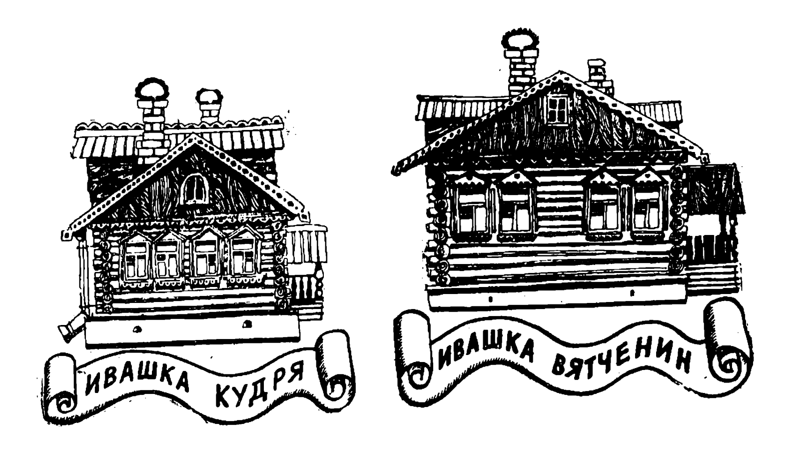
сохранилось свидетельство о том, что кто-то из их предков пришел в Сибирь с Западного Урала, с реки Чусовой.

От «географических» прозвищ на *-ец* фамилии оформлялись суффиксом *-ев*: от прозвища *Казанец* — *Казанцев*, от *Кайгородец* (житель Кайгородка на Верхней Каме) — *Кайгородцев*.

Если к сведениям из этого свитка добавить данные других шадринских актов XVII века (множество их хранится в Шадринском архиве и в Пермском краеведческом музее), то можно узнать об *Усольцевых*, *Каргопольцевых*, *Ярославцевых*, *Колмогорцевых*, *Мезенцевых*, *Тюменцевых*, *Туринцевых*, *Важениновых*, *Вологжаниновых*, *Тотьмяниных*, *Костромитиных*, *Пермитиных*, *Москвитиных*, *Южаковых*, живших в Шадринской слободе и в примыкавших к ней деревнях. Эти фамилии возникли по названиям мест, из которых прибыли сюда люди.

Отметим города, села, бассейны рек, откуда пришли предки носителей этих фамилий: *Важениновы*—с реки Ваги, *Мезенцевы* — с Мезени, *Туринцевы* — с Туры, *Каргопольцевы* — из Каргополя, *Ярославцевы* — из Ярославля и т. д. Обозначим пути из этих мест в Шадринскую слободу, и мы получим карту, составленную по данным антропонимии (см. карту).

Одного взгляда на нее достаточно, чтобы представить, откуда в XVII веке шло в основном население в Шадринскую слободу — главным образом с севера европейской

части России. Удивительно ли, что архаические (то есть самые старые) крестьянские шадринские говоры так похожи на говоры архангельские, вологодские, вятские, пермские? Нет, конечно. Каким же им и быть, как не севернорусскими, если их создавали еще первопоселенцы, прибывшие с русского Севера? И старинную одежду в Шадринской слободе шили так же, как на русском Севере, и избы рубили похоже. Потому-то исследования этнографов, изучающих быт и обычаи народов, совпадают со сведениями, полученными с помощью фамилий.

Не думали люди в XVI—XVII веках, когда давали прозвища и фамилии, какую добрую службу сослужат они исследователям XX века. Просто удобно было именовать вновь прибывшего человека по краю, из которого он приехал. Поселился в Шадринской слободе некий *Ивашка*, приехавший с Вятки. А рядом с избой, которую он срубил, стояла изба другого Ивашки. Как различить тезок? Различали: одного назвали *Кудря*, а другого *Вятченин*: «А Ивашко Вятченин сказал: был де он в дому у Ивашки Кудри и взял ножницы»,— писали в юридических документах. Видно, у одного из этих Иванов была примечательная внешность — кудрявые волосы. А в другом соседи отметили уже не внешность, а нечто иное: он прибыл с Вятки, стало быть — *Вятченин*. А потомки их уже носили фамилии *Кудрины* и *Вятченины*.

Чем чаще переселялись люди из одной местности в другую, тем больше появлялось прозвищ, а затем и фамилий

по географическим названиям. Однако не всегда «географические» фамилии возникали именно по таким прозвищам.

Гораздо раньше крестьянских «географические» фамилии появились у знати. Но они называли не край, откуда прибыл человек, а его владения. Бояре, удельные князья обычно подчеркивали, какими землями они владели: *Шуйские* — землями по реке Шуе, *Воротынские* — по Воротыни, *Вяземские* — по Вязьме. Фамилии владельцев земель даже по форме отличались от крестьянских, они представляли собой прилагательные с суффиксом *-ск*: *Оболенский*, *Волынский*. Их не перепутаешь с возникшими в XVII веке фамилиями крестьян, бежавших от помещиков-крепостников или просто уходивших из родных мест и пытавшихся на новых землях обрести свободу и не такую голодную жизнь, от какой бежали. В крестьянских прозвищах были другие суффиксы (*-итин*, *-ец*, *-анин*), а фамилии выглядели как притяжательные прилагательные на *-ов*, *-ев* (*Тюменцев*, *Тоболянинов*).

Так было и в XVI, и в XVII, и в XVIII столетиях. В «географических» фамилиях, в их суффиксах отражалось социальное положение людей.

Но в XIX—XX веках эта картина изменилась. Изменилась в связи с тем, что теперь возникают новые фамилии на *-ск(ий)*, не имеющие никакого отношения к удельным князьям или владельцам поместий. Такие фамилии широко распространились среди духовенства (*Успенский*, *Богоявленский*, *Богословский*, *Крестовоздвиженский*). Они встречаются и у крестьян: *Волконскими* именуют крестьян, принадлежавших помещикам Волконским.

Иногда старые фамилии просто переделывали на, казалось бы, более звучные и красивые с *-ск*: *Абрамов* становится *Абрамовским*, *Александров* — *Александровским*. Это явление распространяется на западе и отчасти на севере европейской части России. Среди жителей Поморья, предками которых были крестьяне или рыбаки, многие носят фамилии на *-ск(ий)*. Переделывали таким образом иногда и «географические» фамилии: *Кайгородов* превращался в *Кайгородского*, *Мезенцев* в *Мезенского* не потому, что их предки владели городком Каем или землями по Мезени, а потому, что в образовании фамилий наступила новая «мода».

Поэтому нельзя по современным фамилиям на *-ск(ий)* судить, каково было социальное положение первых носителей этих фамилий: были они князьями или крепостными крестьянами, относились к духовенству или были людьми мирскими? А вот «географическую» характеристику предков владельцев таких фамилий обычно угадать можно: ведь не стали бы выходца из Казани называть *Пермитином* или *Нижегородцем*. Фамилии *Пермитинов*, *Нижегородцев* сохраняли связь с Пермью Великой — обширным краем в бассейне верхней Камы и с Нижним Новгородом — старинным волжским русским городом.

Почему среди русских много *Татариновых, Карелиных, Зыряновых*? Кажется, ответить на этот вопрос нетрудно: среди предков русских были люди других национальностей. Уже самые ранние памятники говорят о том, что русские всегда жили в тесном соседстве с другими народами. В «Повести временных лет» рассказывается о расселении древних славян: полян, древлян, дреговичей, кривичей и других — и рядом с ними неславянских народов: «Кривичи живут в верховьях Волги, Двины и Днепра, их город Смоленск... На Белом озере живет весь[1], а на Ростовском озере меря, на Клещине озере меря же, по Оке реке, где впадает в Волгу,— мурома, у них свой язык, и у черемисов свой язык, и у мордвы свой язык, ибо славянский язык только в Руси».

В новгородских берестяных грамотах нередко рядом с русскими упоминаются карелы. В одной из них рассказывается о событии, которое произошло у Жабьего мыса: «В прошлом году у Гювиева сына у того же Жабия носа, приехав, севилакшане 8 человек взяли товара на 5 рублей и лодку; на тех же Коневых водах у Мундуя Вармина взяли десять лендом[2] рыбы». Ученые полагают, что *Гювиев сын* и *Мундуй Вармин* — карелы. В другой грамоте рядом с русскими перечисляются также финские имена: *Иголаи*, *Леинуи*, *Муномел*.

Военные действия против кочевников приводили к тому, что на Русь попадали пленные печенеги, половцы, монго-

---

[1] Весь, меря, мурома, черемисы, мордва — названия нерусских народностей.

[2] Лендом — мера веса.

до-татары, говорящие на тюркских языках. Из летописей известно о родственных связях некоторых русских с половцами: половецкого хана Кончака летописцы называют сватом князя Игоря, хана Котяна — тестем князя Мстислава Мстиславича Галицкого. Памятники свидетельствуют о заключении браков русских князей в Золотой Орде: «Князь Глеб Василькович женился в Орде», «Пришел князь великий Юрий Данилович Московский на великое княжение из Орды, у царя сестру его взяв в жены, именем Кончаку; когда же она была крещена, наречено ей было имя Агафья». Такие смешанные браки были у людей разных социальных слоев.

Связи с нерусскими народностями отражены в языке: летопись очень рано фиксирует так называемые этнонимы — наименования различных народностей (печенеги, половцы, пермь, водь, печера). Они нередко уточняли имена людей и в живой речи употреблялись в той же роли, что и прозвища. При крещении татары, башкиры, чуваши, марийцы (черемисы), мордвины назывались обычно христианскими именами. «Татарин Ивашко Салакаев сын», «татара Петрушка да Иванайко Байгозины дети», «башкирец Максимко Канабечков сын», «черемисин Назарко Алтынчайков сын»,— читаем в грамотах XVII века.

Потомки таких крещеных людей имеют тоже, как правило, «русские», то есть христианские, имена, но в прозвищах, а затем в фамилиях у них иногда сохранялось упоминание о нерусских предках: «Сергунка Иванов сын Татаринов», «Федотко Петров сын Чувашенинов», «Кирилко Андреев сын Зырянов».

Получается, что, так же как «географические» фамилии говорят о месте, где некогда жили предки носителя фамилии, и многие «этнонимические» фамилии сообщают о народности предков. М. А. Шолохов в «Тихом Доне» рассказывает о семье казаков Мелеховых, которых по-уличному звали Турки, потому что в роду горбоносых диковато-красивых Мелеховых была турчанка, которую привез на хутор после русско-турецкой войны Прокофий Мелехов. Иногда на основе подобных прозвищ возникали и официальные фамилии.

Но совсем не обязательно среди предков *Мордвиновых*, *Пермяковых*, *Остяковых*, *Карелиных*, *Калмыковых* были мордвины, пермяки (коми), остяки (ханты), карелы, калмыки.

Нередко человек мог получить такое прозвище за какие-либо черты внешности, напоминающие нерусского: *Татарин* — за черные волосы, *Бурят* — за узкие глаза,— хотя у предков их не было татарской или бурятской крови. «Этнонимические» прозвища давали по названию города или края, где некогда жил человек: приехал из Казани, «от татар»,— вот и прозвали его *Татарином*, хотя он был русским по национальности; с Оки, где жила мещера,— назвали *Мещеряком;* из Уфы — назвали *Башкирцем*. А отсюда и фамилии их потомков: *Татаринов*, *Мещеряков*, *Башкирцев*.

Этнонимы могли называть самые различные предметы. В некоторых русских говорах татарином, татарником, мордвином называли различные колючие растения. И человек мог в прошлом получить прозвище именно по этому значению. Называли же людей *Борщом*, *Горохом*, *Шипицей* (куст шиповника) — могли назвать и *Татарином*, *Татарником* — по растению. А от прозвищ впоследствии появились и фамилии *Татаринов* и *Татарников*.

Иногда в говорах появлялись прозвищные слова, звучащие как этнонимы. В некоторых севернорусских диалектах есть слово *зырить* — «таращить глаза», а человека, который «таращит глаза», там могут назвать *зыряном*. Так что фамилия *Зырянов* может иметь в основе не только этноним *зырян*, *зырянин* (то есть коми-зырянин), но это и диалектное прозвище.

Могли отразиться в фамилиях и неодобрительные прозвища, совпадающие с этнонимами. На северо-востоке европейской части СССР живет слово *вогул*, которым до революции называли представителей народа манси. О смелых, отважных, находчивых охотниках-вогулах сохранилось много красивых легенд. Правый берег реки Вишеры на протяжении почти двух километров состоит из высочайших отвесных скал, покрытых наверху хвойным лесом. Одна из скал называется Вогулкина. Рассказывают, что в какие-то очень далекие времена на эту скалу по узкой, отвесной, еле видимой тропе поднялась на головокружительную высоту женщина-вогулка на олене. Но помнят старики в этих местах и другое, бранное значение слова *вогул* — неопрятный человек. Вот и угадай сейчас по фамилии *Вогулов*, по какому поводу дано было в древности прозвище: то ли по названию народности, то ли по внешности (у манси черные волосы и

смуглые лица), то ли по какой-нибудь легенде. А может быть, как бранное? Или оно указывает на Зауралье, где жили манси и откуда приехал тот, кому дано было прозвище?

Видите, как много возможностей истолкования у «этнонимических» фамилий. Поэтому не надо «рубить с плеча» и искать среди предков людей с такими фамилиями обязательно нерусских. Они могли быть, а могли и не быть.

Сюзёв, а не *Филипов.* Постоянные тесные связи русских с представителями других народностей гораздо чаще отражаются в фамилиях не с помощью этнонимов, а совсем другими способами. Нередко среди русских фамилий встречаются такие, в основе которых лежат иноязычные имена. Как могли появиться фамилии *Мансуров*, *Болтин*, *Камаев*, *Сартаков*, *Алимов*, *Бахметов*, *Муратов*, *Ахметов*? Ведь они выросли из тюркских (татарских) имен *Мансур*, *Болта*, *Камай*, *Сартак*, *Алим*, *Бахмет*, *Мурат*, *Ахмет*. А возникли все-таки они на русской почве и оформлены русскими суффиксами. Среди предков людей с такими фамилиями могли быть нерусские люди с татарскими именами. Даже принимая крещение, а с ним и новые, христианские имена, они могли старые, данные при рождении, сохранить как прозвище или бытовые имена. Ведь именно так было некогда в Древней Руси, когда рядом с календарными долго существовали дохристианские, древнерусские.

Многие из тюркских имен имели значение и как существительные нарицательные: *аксак* — хромой, *асад* — лев, *бабай* — дед, *баскак* — сборщик дани, *батырь* — богатырь, *беклемыш* — сторож, *колыч* — сабля. Таким именам нетрудно было выполнять функции прозвищ, а из прозвищ их путь лежит в фамилии.

Полагают, что в основе старинных княжеских, боярских фамилий *Булгаков*, *Бутурлин*, *Куракин*, *Сабуров* лежат тюркские по происхождению слова: *булгак* — беспокойный, гордый, важный; *бутурла* — прыщеватый, рябой; *курака* — сухой или скупой; *сабур* — выносливый. Некоторые из них, попав в русский язык и играя роль прозвищ, получали характерное для русских прозвищных слов общего рода окончание *-а*: курака, бутурла. Полагают, что фамилии от них либо возникли на основе прозвищ, появившихся в семьях, членами которых могли

быть и нерусские по происхождению, например выходцы из Золотой Орды, либо эти прозвища были даны нерусскими. Но не исключено и третье: подобные слова как имена нарицательные могли быть очень древними в русском языке. Являясь иноязычными по происхождению, попав на Русь в живой язык, они обрастали русскими окончаниями, легко склонялись по русскому склонению и ничем не отличались от исконно русских слов. Многие из них имели экспрессивную окраску, были живыми в бытовом языке, а иногда относились к бранной лексике. Вот и не попали они в древние тексты, так как в летописи, жития святых, в исторические произведения бытовую и тем более бранную лексику не допускали. В деловых памятниках: в грамотах, указах, сводах законов — они тоже были ни к чему. И пришли они в XX век только в фамилиях.

Попробуйте определить, как возникли фамилии *Багаев*, *Воргин*, *Качин*, *Лачегов*, *Мошев*, *Чунгирев*. Не помогут здесь ни поиски основ этих фамилий среди имен собственных древнерусских или христианских, ни попытки найти их среди русских слов нарицательных. А если рассуждать таким образом: где много таких фамилий?— На северо-востоке европейской части СССР. — Какие народы, кроме русского, здесь живут? — Прежде всего представители финноязычных, пермских народностей: коми-зыряне, коми-пермяки, удмурты. — Нет ли в их языках каких-либо похожих слов? — Оказывается, есть: *багай* — немой, *ворга* — желобок, *кача* *(катша)* — сорока, *лачег* — росомаха, *мош* — пчела, *чунгирь* — бугор.

Такие слова попадали в русские северные говоры, становились прозвищами, обрастали русскими суффиксами и превращались в фамилии. На русском Севере на протяжении многих веков рядом мирно жили представители разных народов. Попадали сюда русские, татары, башкиры, ханты, селились среди коми и могли получать от них прозвища: *Варыш* — ястреб, *Сюзь* — филин, *Чикиш* — ласточка, *Дозмор* — глухарка, *Кыр* — черный дятел, *Войдур* — ночная хищная птица, *Горда* — кряква. А потом из них образовались фамилии *Варышев*, *Сюзёв*, *Чикишев*, *Дозморов*, *Кыров*, *Войдуров*, *Гордин*. В переводе на русский язык — это *Ястребов*, *Филинов*, *Ласточкин*, *Глухарев*, *Дятлов*. Но никто такие фамилии никогда не переводит, потому что, превратившись в имена собственные,

они потеряли свои старые значения, стали только различать людей, уточнять их имена и отчества, исчезла их связь с именами нарицательным.

Особенно распространены фамилии на нерусской основе в Сибири, где русские постоянно находились в тесном общении с иноязычным населением края.

Есть и другой путь появления фамилий — усвоение готовых иноязычных фамилий. Иногда они оставались почти без изменений. И живут сейчас русские по фамилии *Трейтер*, *Шварц*, *Штейнберг*, *Штольц*, *Фишер*. Где-то в седьмом или десятом колене у них были нерусские предки, но напоминают об этом только фамилии: они «переводятся» с немецкого, французского, польского и других языков. Иногда они обрастают русскими суффиксами. В романе А. Н. Толстого «Петр I» немку Анну Монс русские нередко называют Монсовой. Вот так же могло получиться в разговорной речи и с другими заимствованиями. Иногда людям не хотелось выделяться среди других, и они переводили свои фамилии на русский язык. Появлялись кальки: *Цукерман* становился *Сахаровым*, *Шварц* — *Черновым*, *Вайс* — *Беловым*.

Нередко сохраняются предания об основателе такой заимствованной фамилии. Это и понятно. Антропонимы подобного рода возникали обычно 100—200 лет назад, когда традиция передачи фамилии от поколения к поколению стала прочной и обязательной. А вместе с фамилией передавались и сведения о предках.

Был и еще один оригинальный способ появления у русских фамилий с иноязычной основой: в духовных училищах и семинариях учащимся нередко присваивались новые фамилии, более подходящие к их будущей деятельности в качестве служителей церкви. Это были не только именования, созданные по названиям религиозных праздников и церковных приходов *(Введенский*, *Воскресенский*, *Рождественский)*. Выдумывались фамилии от иностранных слов, главным образом греческих и латинских: *Беневоленский* от benevolens — благосклонный, доброжелатель, *Альбов* от albus — белый, *Аргентов* от argentum — серебро, *Церебровский* от cerebrum — мозг. Иногда появлялись у семинаристов «географические» фамилии, связанные с иноязычными библейскими топонимами: *Иорданский*, *Назаретский*, *Вифлеемский*, *Иерусалимский*, *Капернаумский*. Создавали такие фамилии и от имен древнегреческих и рим-

ских философов, поэтов, исторических деятелей: *Омиров* (из *Гомеров* — по имени знаменитого автора «Илиады» и «Одиссеи» Гомера), *Неронов*.

Видите, какими разными путями проникали в русские фамилии иноязычные слова.

Лаптев, Котов, Поршнев. По разным причинам давались людям прозвища, ставшие затем основой фамилии. Одни из них указывали на сходство во внешности с какими-либо птицами, рыбами, животными (*Бобров*, *Конев*, *Селезнев*, *Орлов*, *Ершов*, *Линёв*), другие давались по сходству с предметами быта (*Столбов*, *Коробьин*, *Голицын* от *голица* — рукавица). В третьих использовались какие-то эмоционально окрашенные слова: *Колчин* (*колча* — тот, у кого одна нога короче другой), *Брындин* (*брында* — капризный). Четвертые возникали в особых обстоятельствах, в которые попадали люди: *Горелов*, *Погорелов* — их предки были жертвами пожаров.

Фамилии (и современные и записанные в памятниках), так же как прозвища, могут иногда поведать об особенностях жизни в прошлом, в XVI—XVII веках, когда возникали многие из этих антропонимов.

И в живой речи и в деловом языке именование человека часто уточнялось названием его профессии, занятий. В документах писали: «Андрей Никитин сын, кузнец», «Алексей Антропов сын, мясник», «Петр Иванов сын, плотник». Название профессии отца нередко попадало в именование сына, становилось именем собственным. Детей названных выше людей именовали «Ивашка Андреев сын Кузнецов», «Петрушка Петров сын Плотников», «Федька Алексеев сын Мясников». Эти именования и дальше передавались из поколения в поколение.

Анализируя современные фамилии, можно восстановить множество названий различных профессий прошлого. Некоторые из них были распространены не только в XVI—XVII столетиях, но известны и сейчас. Поэтому легко расшифровываются фамилии *Кузнецов*, *Сапожников*, *Пивоваров*, *Каменщиков*, *Кирпичников*, *Лесников*, *Токарев*, *Пастухов*, *Мельников*. Названия других профессий тоже нетрудно понять, хотя они и ушли в прошлое. От них произошли такие именования, как *Пушкарёв*, *Швецов* (*швец* — портной), *Гребенников*, *Огородников*, *Кучеров*.

Но есть именования — свидетели существования самых различных ремесел, исчезнувших сейчас. Об умении делать различные виды одежды говорят фамилии *Колпашников*, *Шапошников*, *Рукавишников*, *Епанешников*, *Чулошников*, *Шубников*. Одни из предков носителей этих фамилий шили шапки, другие готовили простейшие головные уборы бедного люда — колпаки, третьи — рукавицы, четвертые — епанчи, пятые умели выделывать шубы. А до этого надо было еще изготовить кожи, мех, ткани (*Хамовников*, *Овчинников*, *Кожемякин*, *Красильников*, *Крашенинников*), части ткацких станов, орудия для выработки ниток для шитья: веретена — *Веретенников*, берда — *Бердников*, шила — *Шильников*.

Сохранились в фамилиях и названия ремесленников, изготовлявших посуду и другие хозяйственные предметы: *Корчажников*, *Горшечников*, *Ведерников*, *Котельников*, *Рогожников*, *Решетников*. Оловенник, например, делал оловянную посуду, кадешник — кадушки, чарушник — формы для теста. От них могли пойти такие фамилии, как *Оловенников*, *Кадешников*, *Чарушников*. Выпечкой различных сортов хлеба занимались калашники, ситники, хлебники. Их потомки — *Калашниковы*, *Ситниковы*, *Хлебниковы*.

А сколько фамилий не поддается сейчас расшифровке без специальных исследований, без изучения истории! Как появились фамилии *Ардашников*, *Холщевников?*

Оказывается, ардашники торговали в старину дешевым шелком, а холщевники — холстом.

А кто такие воскобойники, воротники, дудолады, смольники, от названий которых возникли фамилии *Воскобойников*, *Дудоладов*, *Воротников*, *Смольников?*

Воскобойники «били» свечи из воска. Свечей нужно было много: для царских и боярских хоромов, для церквей, для судных изб и приказных палат, для частных домов. Сейчас, в век электричества, трудно себе представить, какое колоссальное количество свечей сжигалось в старой России. А готовили их воскобойники, свечники, отсюда и возникли фамилии *Воскобойников*, *Свечников*, *Свешников*.

Что делали дудолады? «Ладили» дудки — нехитрый музыкальный инструмент, широко известный с древности.

А смольники? Курили, выгоняли, то есть добывали, смолу из деревьев.

Воротники были сторожами у городских ворот в городах и острогах, обнесенных крепостными стенами. Представьте такие стены, какие сохранились в московском, горьковском, казанском кремлях, какие можно найти в древних русских городах Пскове, Новгороде, Туле. А сколько было городов и острогов с деревянными стенами и башнями! Надо было следить за тем, чтобы ворота в укреплениях всегда были исправными, чтобы они были наглухо заперты ночью и в минуты опасности. За этим и следили воротники.

Немало профессий существовало в России в разные эпохи, и название каждой из них могло попасть в прозвища и фамилии. Сотни таких «профессиональных» фамилий дожили до нашего времени. Иногда только по ним можно восстановить названия тех или иных ремесел и ремесленников, лишь фамилии сохранили их для нас. Вот почему ценна для современных историков и языковедов такая антропонимия.

Вы, наверное, обратили внимание на то, что среди названий профессий преобладают слова на *-ник:* мережник делал мережи для ловли рыбы, булатник изготовлял стальные клинки, бобровник занимался ловлей бобров, дранишник делал дранки — тонкие узкие дощечки, нужные в строительстве. Но было значительное число

названий по профессиям и без суффикса *-ник:* жерноков изготовлял жернова для мельниц, черепан и горшеня — посуду, винокур готовил вино. В XVIII и особенно в XIX веке появляется большое количество названий профессий с суффиксами *-чик* и *-щик.*

Не следует думать, что любая фамилия с суффиксом *-ник* появилась по названию занятий, профессий в прошлом. В любую эпоху прозвище на *-ник* могло идти не только от названия профессии, но и от каких-то особых обстоятельств. Перебил человек случайно горшки, и прозвали его с издевкой *Горшеней* или *Горшечником*, украл чужие рукавицы — вот и *Рукавичник*, съел за один присест целый большой калач — вот вам и *Калашник.* Встречаются ведь и сейчас случаи, когда лысого называют *Кудряшом*, толстого — *Тростинкой*, а очень высокого — *Малышом.* Так и в прошлом могли в каких-то случаях словом на *-ник* назвать человека, не создающего что-то, но, наоборот, уничтожающего: разбил горшки, съел калач. И если в целом в фамилиях с суффиксом *-ник* отражены названия старых профессий, то не обязательно каждый отдельный антропоним с этим суффиксом появился по этой причине.

А как объяснить такие странные на первый взгляд фамилии, как *Дубасов*, *Карбышев*, *Корсаков*, *Ташкинов*? Они иногда вызывают какие-то ассоциации, например, можно предположить, что фамилия *Дубасов* связана с глаголом *дубасить.* Но это предположение не только не поможет объяснить антропоним, но и уведет в сторону от правильной расшифровки. Как же быть?

Человеку, который владеет только русским литературным языком, такие фамилии покажутся непонятными. Но назовите их в деревнях. Если это северная деревня, то вам объяснят, что фамилия *Дубасов* возникла от слова *дубас* — старинный сарафан особого покроя, *Ташкинов* — от старинного слова *ташка* — вязанка лучины. А вот от каких слов произошли фамилии *Корсаков* и *Карбышев*, там не объяснят. Зато жители степей, не слышавшие слов *дубас* или *ташка*, знают, что *карбыш* — название хомяка, а *корсак* — это степная лисица.

Есть ставшие когда-то прозвищами и попавшие в фамилии слова, которые были известны не всей России, а только жителям отдельных территорий, слова, относящиеся лишь к отдельным диалектам. И если мы встречаем в писцовых книгах XVII века фамилии, основанные на диалек-

тизмах, то это замечательный материал для изучения русских говоров прошлого.

Откуда мы узнали бы о существовании в XVI—XVII веках таких слов в русском языке, как *бабура* — ядовитый гриб[1], *батуха* — приспособление, используемое в рыбной ловле, *брезга* — ранний утренний свет (ср.: рассвет едва забрезжил), *ваула* — заика, *деуля* — глупец, *барбаш* — говорящий себе под нос, *булыч* — плут, *бусыря* — глуповатый, *кучма* — растрепа, *звяга* — крикун, если бы не встретили в памятниках фамилий *Ваулин*, *Деулин*, *Бабурин*, *Батухин*, *Брезгин*, *Барбашев*, *Булычев*, *Бусырев*, *Кучмин*, *Звягин*? Ни в художественной литературе, ни в деловых текстах прошлого этих нарицательных слов не найдешь, а вот как фамилии они зарегистрированы в писцовых книгах XVII века.

Как расшифровать фамилии с неясными, неизвестными вам корнями? Поищите в «Словаре русских народных говоров» или «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля эти корни. Встретились, например фамилии *Латкин*, *Голбчиков*, *Возовухин*, *Вачегин*. Только с помощью словарей можно установить, что в основе их лежат имена нарицательные, ставшие когда-то прозвищами: *латка* — миска, *голбчик* — *голбец* — подполье, *возовуха* — большая копна сена, *вачега* — рукавица.

В писцовых книгах фамилии представляют несомненный интерес. Если известны в памятниках антропонимы *Волтеницын*, *Вицын*, *Комлев*, *Согрин*, то, значит, в русских говорах XVII века были известны слова *волтеница* — гриб-волнушка, *вица* — ветка, *комель* — нижняя толстая часть ствола дерева, *согра* — сырое угодье, заросшее ельником. По каким-то известным лишь тогда признакам и обстоятельствам дали людям прозвища, ставшие затем фамилиями *Кремлев*, *Камешников*, *Вандышев*, *Гольянов*. Зная значения этих слов в современных говорах, можно предположить, что они не очень изменились за 200—300 лет. И тогда станет ясно, почему в прозвища попали слова *кремль* — крепкое строевое дерево, *камешник* — выход скалистых пород на поверхность. Сравнения с ними подходили к людям плотным, крепким. А *вандышем* и *гольяном* — мелкая рыбешка — могли назвать человека маленького, юркого.

[1] Здесь и далее указаны лишь некоторые из значений этих слов в XIX—XX веках.

«Рыбьих» фамилий в русском языке множество. Среди них и возникшие от хорошо известных всем названий рыб: *Щукин*, *Язев*, *Окунев*, *Ершов*, *Линев*. Но гораздо больше — от названий, известных лишь на некоторых территориях: *Тальменев*, *Рамшин*, *Бешаков*, *Чебаков*, *Кужариков*, *Мантусов*, *Мендрюгин*, *Кумжин*, *Баклин*, *Шаклеин*, *Краснопёров*, *Подплитников*, *Бычкурасов*. Иногда название породы рыб произносилось в разных вариантах. И это тоже могло отразиться на фамилиях: *Гарюсов*, *Хайрузов*, *Харисов*, *Харлезов*, *Харузов*, *Харюзов* — такие антропонимы возникли от названия рыбы *хариус*.

Некоторые породы рыб в ряде говоров носили названия, данные по человеческим именам: *Катька* и *Агашка* — названия в некоторых районах бычков; *Тереха*, *Марфуха*, *Марина*, *Мирон*, *Авдотка*, *Авдюшка* — местные названия различных пород мелких рыб[1]. Не появились ли некогда и фамилии *Авдоткин*, *Катькин*, *Марфухин*, *Терехин* как «рыбьи» антропонимы? Очень возможно.

Не спешите любую фамилию, даже, казалось бы, появившуюся на основе хорошо известного вам слова, сразу объяснять, не посмотрев в словари русского языка.

Кажется, сразу ясно, от какого слова возникла фамилия *Поршнев*: от слова *поршень* — одна из основных деталей паровой машины. Ну, а как в таком случае объяснить существование этой фамилии в памятниках XVII века? Ведь тогда никаких паровых машин не было. В северных русских говорах это слово известно в другом значении: *поршни* — самодельная кожаная обувь. Прозывали же человека *Лаптем*, могли и *Поршнем*, а от прозвища до фамилии рукой подать. Может быть, и фамилия *Котов* возникла в каких-то случаях не на основе сходства с домашним животным, а тоже по названию старинной кожаной обуви коты. Или объясняют, например, фамилию *Хблуев* уничижительным старым названием зависимого крепостного человека — холуй. А выясняется, что она появилась от известного только в северных говорах слова *хблуй* — старье, домашний скарб или нанос на реке половодьем веток и различного сора.

Много неожиданного и интересного открывается в языке, если попробовать разобраться в современных русских фамилиях с помощью данных народных говоров.

---

[1] См.: Герд А. С. Народные названия рыб.— «Русская речь», 1971, № 1—6.

«Хоть горшком назови...» Множество фамилий появилось от индивидуальных прозвищ, имевших отрицательную окраску: *Пещуров* (*пещур* — неповоротливый), *Бурнашов* (*бурнаш* — задира), *Буханов* (*бухан* — буйный человек), *Мозжерин* (*мозжера* — скряга), *Моторин* (*мотора* — мот, расточитель), *Стрешнев* (*стрешень* — враль), *Чечулин* (*чечуля* — изнеженный ребенок). Таких фамилий тысячи, и они — убедительное свидетельство существования в русском языке в различные эпохи богатейшей эмоционально окрашенной лексики.

Как оживает русский язык, когда начинаешь задумываться над происхождением фамилий в памятниках! Как могли появиться в старых текстах именования *Жилин*, *Зубарев*, *Базанов*, *Бахарев*? Видимо, у предков владельцев этих фамилий были очень выразительные прозвища: *Жила* — скупой, *Зубарь* — насмешник, *Бахарь* — болтун, *Базан* — крикун.

И когда читаешь в памятниках: «И он, Антипка Верещагин, в допросе сказал», или «А Петрунка Варгин то его сено снес», или «Вместо Ивашки Бобынина по его велению Микитка Зыков руку приложил», — то можно предположить, что не только в современных говорах есть такие диалектизмы, как *верещага* — болтун, *варга* — губастый, *бобыня* — надутый, *выка* — громкоголосый. Видимо, эти слова существовали и 300—400 лет назад, иначе откуда бы в XVII веке взялись такие фамилии?

Среди перешедших в фамилии индивидуальных прозвищ, имеющих чаще отрицательную окраску, много слов, оканчивающихся на *-а* и на *-ыга*: *Бухторма* — болтун, *Галуза* — шалун, *Дзюба* — рябой, *Докука* — навязчивый, *Нагиба* — высокий, *Басарга* — проворный, *Кокора* — кривоногий или сутулый, *Зубака* — с открытыми зубами, *Басалыга* — щеголь, *Бусыга* — нетрезвый, *Коротыга* — очень низкий, *Каталыга* — сорванец.

Эти существительные общего рода легко характеризовали и мужчин, и женщин. Могли сказать: *Катька Брында* (капризная) и *Васька Брында*, *Марфутка Базыка* (сварливая) и *Ивашка Базыка*, *Федорка Звяга* (крикливая) и *Мишка Звяга*. Большое число современных фамилий на *-ин* возникло именно от таких прозвищ — существительных общего рода: *Вараксин*, *Голдобин*, *Заварзин*, *Бондин*, *Буторин*, *Бусыгин*, *Колотыгин*. Становясь антропонимами, переходя в качестве фамилий от поколения к поколению,

эти существительные теряли свое значение. Они только уточняли имена и отчества людей, но не указывали на их особенности. И точно так же, как *Кузнецов* может быть плотником, слесарем, учителем, а *Мельников* — артистом, врачом, инженером, и ни один из них не только не имеет отношения к кузнечному ремеслу или помолу зерна, но, может быть, им никогда в жизни не приходилось даже бывать в кузнице или на мельнице, точно так же и среди *Кочуриных* (*кочура* — рослый) могут быть люди невысокие или среднего роста, среди *Бердяевых* (*бердяй* — трусливый) — храбрые, отважные, а *Балакины* или *Базановы* (*балака* — болтун, *базан* — крикун) оказываются людьми молчаливыми и сдержанными.

По-разному связаны между собой на различных этапах русской истории фамилии и прозвища. Некогда прозвища порождали фамилии, сейчас в живой разговорной речи фамилии порождают прозвища. Так или иначе эта многовековая связь не исчезла и в настоящее время.

Русские люди, дававшие меткие прозвища, в то же время не придавали особого значения «смыслу» антропонимов. Недаром говорилось: «Хоть горшком назови, только в печку не ставь». Ценили человека не по прозвищу, не по фамилии, а по его качествам.

Укусилов, Механизмов. Конечно, фамилии не связаны с индивидуальными качествами людей. Но вспомните многочисленные персонажи произведений русской литературы с так называемыми «говорящими» фамилиями. Можно назвать десятки и сотни «говорящих» именований.

Уже читая список действующих лиц комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль», вы представляете, кто из героев окажется положительным, кто отрицательным человеком. Трудно ожидать чего-либо хорошего от людей с фамилиями *Скотинин* или *Вральман*. А вот *Правдин* противопоставлен им, об этом свидетельствует сама фамилия.

В произведениях XVIII века, особенно в комедиях, мы часто обнаруживаем такую характеристику персонажей. В пьесах В. И. Лукина, В. В. Капниста, П. А. Плавильщикова, М. Матинского действуют *Чистосердов*, *Честосердов*, *Добролюбов*, *Прямиков*, *Добров*, *Добровидов*, *Честин*. И не только в фамилиях звучат слова *честь*, *добро*, *прямота*, *чистое сердце*,— таковы и их характеры. В этих же комедиях можно встретить и противоположные

фамилии. Нечестных служащих контор, судов именуют *Притворовым*, *Крючкодеевым*, *Кривосудовым*, *Хватайко;* купцов — *Сквалыгиным*, *Проторгуевым*, *Разживиным*. А чего стоят фамилии действующих лиц в комедии Лукина «Щепетильник»: *Вздоролюбов*, *Легкомыслов*, *Верхоглядов*, *Самохвалов!*

Видимо, очень живыми были еще в XVIII веке связи фамилий с индивидуальными прозвищами людей, поэтому и использовали писатели такую выдуманную антропонимию.

В создании «говорящих» фамилий могло сказаться и влияние мировой литературы. Не могли, например, не знать русские писатели замечательных комедий Мольера (XVII век). Французский писатель широко пользовался антропонимами, характеризующими его героев. Для этого он брал греческие имена: *Арист* (лучший), *Эраст* (влюбленный), *Метафраст* (педант) — и сочинял новые на основе слов нарицательных: *Пурсоньяк* (французское pourceau — боров), *Тартюф* (старофранцузское truffe — плутня, обман), *Гарпагон* (французское harpago — переносное значение «хапуга»), *Сбригани* (итальянское sbricco — разбойник). Не напоминают ли вам эти антропонимы фамилии персонажей русских комедий и сатирических журналов: *Свиньиных*, *Скотининых*, *Обираловых*, *Крючкодеевых?*

Но одно влияние зарубежной литературы, если бы оно не нашло поддержки в самой русской антропонимии, не смогло бы вызвать такого бурного использования «говорящих» фамилий, какое известно в русской литературе не только XVIII, но и всего XIX века. Крупнейшие писатели-реалисты XIX века давали такие фамилии чаще отрицательным персонажам. Вспомните гоголевского помещика *Собакевича*, судью *Ляпкина-Тяпкина* или частного пристава *Уховёртова*, помещиков *Зверькова* в «Записках охотника» И. С. Тургенева, *Оболта-Оболдуева* у Н. А. Некрасова.

Каким замечательным мастером создания фамилий и использования имен и отчеств был драматург А. Н. Островский! Купцы в его пьесах имеют не только «говорящие» фамилии — *Прибытков*, *Большов*, *Дикой*, — но нередко их имена и отчества подчеркивают прозвищный характер всего антропонима. Купца *Большова* в пьесе «Свои люди — сочтемся» зовут *Самсоном Силычем*. Имя и отчество подчеркивают его влиятельность, о которой говорит уже фамилия. Не менее значительны именования отставного унтер-офицера *Силы Ерофеича Грознова* или квартального *Тигрия*

Львовича Лютова. Замечательно, что Островский не выдумал этих имен и отчеств: *Сила*, *Самсон*, *Лев*, *Тигрий* — все они есть в святцах. И в то же время они в нашем представлении связаны с именами нарицательными и вызывают определенное отношение к тем, кто их носит. А именование приказчика *Лизар Елизарыч Подхалюзин* в пьесе «Свои люди — сочтемся»? Так и звучит в его имени и отчестве глагол *лизать*, а уж фамилию и комментировать нет надобности.

И как не похожи по «смыслу» фамилии значительного чиновника *Вершинина* («Дикарка») или очень богатого помещика *Великатова* («Таланты и поклонники») на фамилию *Маломальского* — содержателя трактира («Не в свои сани не садись»)! Так и слышится в этом антропониме *мало-мальски*, то есть *кое-как*, *плохо*, *еле-еле*.

А чеховские фамилии? Удивительные, неожиданные, подчас убийственные характеристики давал фамилиями писатель своим героям. Чехов нигде не выходит за пределы возможностей русской антропонимики. Он использует такие фамилии, которые существовали и были возможны: *Докукин*, *Волдырев*, *Долбоносов*. Но часто он придумывал их. Его антропонимы прозрачны: унтер *Пришибеев*, чиновник *Червяков*, актер *Унылов*, цирюльник *Блесткин*. Они до такой степени напоминают слова нарицательные, что не могут восприниматься как обычные фамилии живого языка, уточняющие имя, но не характеризующие людей. В его произведениях нередко фамилия — точная характеристика персонажа.

С помощью фамилий Чехов создает комические ситуации. Так, иногда он ставит рядом фамилии, образованные от очень далеких друг от друга по смыслу слов: *Кашалотов* и *Дездемонов*, или *Везувиев* и *Черносвинский*, или *Двоеточиев*, *Ребротесов* и *Пружина-Пружинский*. Ну как поставить рядом крупнейшего из китов — кашалота и нежную Дездемону или Везувий и черную свинью! Их несовместимость уже вызывает у читателя улыбку.

Слова, характеризующие разные или даже противоположные качества человека, оказываются в его рассказах в одном антропониме: комик *Воробьев-Соколов*, граф *Дерзай-Чертовщинов*. По рассказам Чехова рассыпано множество придуманных сложных и составных фамилий: *Любостяжаев*, *Синерылов*, *Прекрасновкусов*, *Рубец-Откачалов*, *Лягавый-Грызлов*, *Хронская-Запятая*.

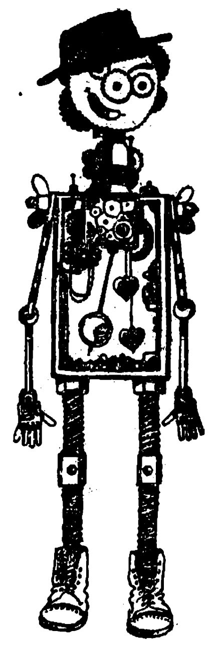
Фамилии могут подчеркивать должность или звание: отставной контр-адмирал *Ревунов-Караулов*, полицейский надзиратель *Очумелов*. Но чаще поражает неожиданность сочетания названия должности и фамилии: гвардии корнет *Клязов*, архитектор *Вак-син*, учитель чистописания *Ахинеев*, отставной капитан *Соусов*, товарищ прокурора *Тюльпанский*, отставной корнет *Помоев*, поручик *Леденцов*. А иногда к весьма «возвышенному» или произнесенному на иностранный манер имени присоединяется прозаическая фамилия: *Мишель Пузырев* или *Лев Пустяков*. Нередко у Чехова внешность, манеры его персонажей противоречат фамилии, и какой-нибудь *Дробискулов* оказывается маленьким и чахлым человечком.

В его произведениях множество фамилий от книжных слов, от терминов: *Механизмов*, *Кратеров*, *Ижица*, *Ять*, — отглагольных фамилий: *Укусилов*, *Гарцунов*, *Понимаев*, *Почешихин*. Они не часто встречаются в живом языке и своей необычностью вызывают у читателя представление о различных предметах или действиях.

Не будь в русском языке такой подвижности фамилий и прозвищ, такой тесной связи между ними и нарицательными существительными, прилагательными, глаголами, невозможно было бы и использование антропонимов для характеристики людей или ситуаций.

Иногда фамилии только намекают на особенности героя. Но и тогда они играют большую роль. Так, при чтении романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» сразу возникала мысль о том, что Печорин чем-то должен быть похож на Онегина. Почему? Их фамилии имеют один источник: Онегин — р. Онега, Печорин — р. Печора. Это заметил Белинский.

А как часто фамилиями намекали современникам на каких-то реальных людей: Чацкий из «Горе от ума» напоминал о Чаадаеве, Кулигин из «Грозы» — о замечательном русском изобретателе Кулибине,

Зная о способности фамилий вызывать различные ассоциации, писатели, деятели искусства нередко выбирали себе псевдонимы, намекающие на особенности их жизни. Трудными были детство и юность А. М. Пешкова, и он выбирает себе псевдоним — *Горький*. Писатель и автор «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даль своим псевдонимом *Казак Луганский* напоминал о том, что родился в Лугани (Луганске). С. М. Кравчинский, родившийся в Полтаве, взял себе псевдоним *Степняк*, а писатель Д. Н. Мамин, живший на Урале, печатался как *Томский*, а потом как *Сибиряк*.

Иногда писатели меняли свои псевдонимы в зависимости от характера произведений, которые они подписывали. Фонвизин, например, известен под такими очень разными псевдонимами, как *Правдин* и *Дурыкин*; М. Е. Салтыков — под псевдонимами *Щедрин*, *Мастодонтов*, *Змеев-Младенцев*. Чехов подписывал рассказы как *Кисляев*, *Тарантулов*, *Шампанский;* В. А. Гиляровский — как *Вольдемар Велосипедов*, *Ижицын*, *Веревкин;* Н. А. Некрасов пользовался множеством разных псевдонимов, и среди них были *Бородавкин*, *Бухалов*, *Грибовников*.

В «говорящих» фамилиях персонажей произведений русской литературы и во многих псевдонимах отразилась не забытая русскими людьми связь именований со словами нарицательными.

* * *

Итак, становление и утверждение в русской антропонимии фамилий зафиксировано письменными памятниками нескольких столетий. Источник фамилий — имена и главным образом прозвища. Пути же, по которым имена и прозвища шли в этот новый разряд наименований, были неодинаковыми в различные эпохи, у разных слоев населения, в различных концах страны.

Множество чудесных превращений пережили русские антропонимы за последнее тысячелетие: сменялись имена, появлялись и исчезали прозвища, оформились отчества, сложилась самая большая часть современных именований — фамилии. Все это находилось в постоянном движении, иногда незаметном одному поколению людей. Ведь обычно кажется, что те именования, которые употребляются сейчас, в твое время, в твоем языке, самые удобные и единственно возможные. Но проходят десятилетия, века, и оказывается, что в именованиях происходят существенные сдвиги.

В «Повести временных лет», рассказывая о древнерусском князе, погибшем от укуса змеи, летописец постоянно называет его только по имени: «Наступила осень, и вспомнил Олег коня своего», «Олег посмеялся и укорил кудесника: неправду говорят волхвы — конь умер, а я жив». Так и Пушкин именует этого князя в «Песне о вещем Олеге»: «И к мудрому старцу подъехал Олег», «Олег усмехнулся, однако чело и взор омрачилися думой». И никому в голову не придет добавлять к этому имени еще какое-либо именование.

Можете вы представить, чтобы сейчас взрослого и почитаемого человека называли в торжественных случаях, в официальной речи лишь по имени, как когда-то в Древней Руси? Видели вы в газетах или журналах, чтобы кого-нибудь называли только по имени, без всяких уточнений,

например написали бы целую статью только об Олеге или только об Игоре? Читателям было бы непонятно, о ком говорит автор. А вот если мы читаем об Олеге Ефремове, Олеге Табакове, Олеге Попове, то знаем, что речь идет об актерах. Если упоминается Игорь Васильевич Курчатов, все понимают, что автор говорит о выдающемся советском физике. Теперь не имена, а фамилии взяли на себя основную нагрузку в официальном именовании. По фамилии чаще всего в классе вызывают ребят к доске; фамилию называют, объявляя о выступлении кого-либо на собрании, добавляя к ней иногда только слово *товарищ* (товарищ Семенов), а иногда имя и отчество. Но чтобы ни добавлялось в таком официальном именовании, главной частью его является фамилия. А ведь в далеком прошлом — мы уже знаем — и фамилий не существовало.

Итак, одна эпоха сменяет другую, и система антропонимов уступает место новой.

На протяжении тысячелетия менялась структура, состав всего именования, менялась и роль каждого его члена.

Обычным было в деловом языке в течение веков имя крестьянина в уменьшительно-уничижительной форме, и только в конце XIX века оно окончательно выброшено из официального языка. И предположить невозможно, чтобы теперь кто-нибудь в документе, например в паспорте, был записан как *Андрейка*, *Ивашка* или *Петрушка*.

Многие столетия обязательной была в деловом языке разница в форме отчества: на «вич» для родовитых и богатых, на *-ов*, *-ев*, *-ин* для трудящихся — крестьян, ремесленников. А теперь мы знаем об этом только из литературы о прошлом. На протяжении столетий по официальному именованию можно было узнать, о человеке какого класса идет речь. Людей не просто «звали» или «называли», их чаще «величали», если речь шла о феодалах, и «прозывали», если говорили о всех остальных: крестьянах, посадских людях, охотниках, рыбаках, солдатах.

Некогда на Руси говорилось: «По одежке встречают, по уму провожают». Но встречали не только по одежке, по именованию тоже: по нему легко было определить положение человека в обществе.

Пережив столетия, многократно изменяясь, русские именования в результате коренных перемен в жизни нашего общества после Великой Октябрьской социалистической революции перестали быть классовыми.

Мужские, женские, детские. Именования из памятников разных эпох рассказывают о положении женщины. Женские имена употреблялись в древнерусских текстах без всяких уточнений лишь тогда, когда речь шла о женщине, обладающей большой властью. Так было, например, с известной княгиней Ольгой, которая после смерти мужа, князя Игоря, была правительницей, пока не вырос ее сын Святослав.

Обычно же, называя женщин, летописцы постоянно уточняли, кто они, различными мужскими именованиями: «Выдана Передислава, дочь Святополка, в Венгрию за королевича». Казалось бы, здесь такое же уточнение имени, как и в древних мужских антропонимах. Но есть в женских и существенное отличие: в них используются уточнения, образованные от именований не только отца, но и мужа. Нередко именование мужа стоит даже на первом месте. Вот как рассказывает Софоний Рязанец в «Задонщине» о плаче русских жен по погибшим воинам: «Восплакались княгини и боярыни и воеводины жены погибших. Микулина жена Васильевича Марья Дмитриевна рано плакала у Москвы берега на стене... Тимофеева жена Волуевича Федосья так плакала... Да Ондреева жена Марья, да Михайлова жена Оксенья рано плакали». Называют ли женщин по отчеству *(Дмитриевна)* или нет, а на первом месте все равно стоит имя (а иногда и отчество) мужа: *жена Микулы Васильевича*, *Тимофея Волуевича*, *Ондрея да Михаила*. Получается, что женских антропонимов в памятниках XI—XIV веков сравнительно с мужскими мало, а разнообразия в их форме больше.

И в последующие эпохи в художественных произведениях и деловой письменности зафиксировано гораздо больше вариантов женских именований, чем мужских. Называют женщин в документах именем и антропонимом по отцу *(Анисья Филиппова дочь)*, иногда к ним добавляется отчество или фамилия отца *(Маринка Алексеева дочь Трескина)*, нередко в именовании указывают сразу и на отца и на мужа *(Каптелина Клементьева дочь Гаврилова жена Ваулина*, то есть ее отцом был *Клементий*, а мужем *Гаврила Ваулин)* и т. д.

В женских антропонимах в деловом языке употребляется от одного до семи слов (женское имя, до трех слов от именования отца и до трех от именования мужа). Эти слова могут быть расставлены по-разному. Вот и воз-

никло в деловом языке большое разнообразие вариантов женских именований.

Конечно, так было только в официальных бумагах. В жизни женщину называли обычно одним, реже двумя словами: именем и прозвищем по именованию мужа или отца: *Тимофеевна*, *Андреевна*, *Тимошиха*, *Федосиха*.

В мужских же именованиях, судя по памятникам, бóльшую роль, чем в женских, играли индивидуальные прозвища, характеризующие человека. Стало быть, мужские и женские именования по-разному выглядели не только в деловом языке, но и в живой речи.

Точно так же имели свои особенности и детские антропонимы. По-видимому, во все эпохи они были однословными. К сожалению, мы мало знаем об их прошлом. Лишь по обилию в современных именах уменьшительно-ласкательных суффиксов, которые некогда употреблялись в существительных, называющих маленьких ребят и детенышей животных, можно предполагать, что всегда в детских именах были очень разными и многочисленными уменьшительно-ласкательные формы. Об этом же говорят и имена маленьких героев русских сказок (*Аленушка*, *Иванушка*, *Хаврошечка*).

Вариантов детских именований от полных имен было множество. Пока мы еще мало знаем об их прошлом. Памятники почти не сохранили для нас древнерусские имена детей. Правда, в юридических актах XV—XVII столетий,

особенно в переписях населения, упоминаются иногда и дети (мальчики), но имена их пишутся в обычной для всех уничижительной форме: «Крестьянин Якимко Семенов сын Соснин, а у него сын Петрушка 7 лет да сын Федько 11 лет». И имена девочек записывали в актах также: «...и она, девка Евдокейка, ко мне в огород зашла». Ничего специфически детского в именованиях детей здесь нет.

Это деловой язык. А как было в разговорном 200—300 лет назад или еще раньше? О некоторых сдвигах, происшедших в детских именах, кое-что известно. В прошлом детишек — *Васьками*, *Ваньками*, *Захарками* — называли пренебрежительно. А разве, например, *Дениска* из рассказов В. Драгунского носит уничижительное, пренебрежительное имя? Мы уж знаем, что нет. В значении суффикса *-к(а)* в XX веке произошли существенные изменения, и это, конечно, отразилось на множестве детских имен на *-к(а)*, которые сейчас употребляются уже не только как пренебрежительные, но очень часто как нейтральные неполные или даже ласкательные.

Алексашка — Александр Данилович. Мы уже видели, как по-разному называют одного и того же человека в различных условиях. Вспомните Алексашку Меньшикова, торговавшего пирожками с зайчатиной, из романа А. Н. Толстого «Петр I». Будущий светлейший князь, даже не имея еще больших титулов, постепенно забывает, как звали его *Алексашкой*. Петр, приблизивший его к себе, называет Меньшикова *Данилычем*, а окружающие — *Александром Данилычем*. Человек один, а именования у него разные.

Базаров в «Отцах и детях» называет себя *Евгением Васильевым*, Кирсановы-старшие именуют его *Евгением Васильевичем*, Аркадий — *Евгением*, а мать — *Енюшей*. Поэта-декабриста Вильгельма Кюхельбекера называли в лицее *Кюхлей*, а дома — *Вилей*.

Одни из именований чем-то похожи друг на друга *Евгений — Енюша)*. Другие не имеют ничего общего *(Виля — Кюхля)*.

В детстве у детей, как правило, несколько неполных и оценочных имен. Дома называли Лидию *Лидой*, *Лидушей*, *Лидухой*, в школе звали еще *Лидкой*, во дворе к этим именам добавилось новое — *Лидишна*. В институте подруги переделали ее имя в *Лиля*. Когда Лидия стала взрос-

лой, то прибавились к имени отчество и фамилия. И теперь называют ее родные и близкие по-прежнему уменьшительно-ласкательными именами, ученики в школе — *Лидией Андреевной*. В документах же она — *Лидия Андреевна Иванова*. Один человек—и множество антропонимов.

Значит, русские именования имеют различную структуру, состав не только в разные эпохи, но и в одно и то же время. И зависит это от возраста человека и от стиля речи.

От возраста? Даже в деловом языке обычно детей называют иначе, чем взрослых. Вручают, например, свидетельства участникам Выставки достижений народного хозяйства СССР: в свидетельствах взрослых записаны имена, отчества и фамилии. А у ребят — юных участников ВДНХ — только фамилии и имена, им пока и этого достаточно.

От стиля речи? Называют пожилых женщин в деревне за глаза *Семенихой* и *Алексихой*, в глаза — *Петровной* и *Демьяновной*, но приходят они в поликлинику, и врач именует их *Анной Петровной* и *Марией Демьяновной*, а в медицинской карте они записаны еще и по фамилии. Меняется обстановка, стиль речи, меняются и антропонимы.

Уже упоминалось, что артисты на афишах, в выступлениях на радио и телевидении названы обычно лишь по имени и фамилии. Так же именуют нередко и писателей, авторов и ведущих различные радио- и телепередачи. Это старая традиция в именовании людей, связанных с искусством и литературой.

Еще в XVIII—XIX веках выходят различные издания произведений русских писателей, на титульных листах которых читаем: «Театр судоведения... Собрал и издал Василий Новиков», «Басни Ивана Крылова», «Думы. Сочинения К. Рылеева», «Борис Годунов, сочинение Александра Пушкина»,

«Стихотворения М. Лермонтова», «Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя». На обложке созданного Пушкиным журнала было напечатано «Современник, литературный журнал, издаваемый Александром Пушкиным». Такой способ именования не был единственным. Писали на книгах и «Басни И. А. Крылова», «Горе от ума, комедия в четырех действиях в стихах. Сочинение Александра Сергеевича Грибоедова». Но называние писателей и актеров только по имени и фамилии было более распространенным. Называют их так и сейчас: *Владимир Маяковский*, *Константин Симонов*, *Константин Паустовский*, *Роберт Рождественский*.

Правда, такое именование принято далеко не везде: только в объявлениях, на обложках книг — и в определенном стиле речи: в устных и письменных объявлениях о выступлениях. Но никто никогда не обращается к писателям и актерам по имени и фамилии, а называют их, как и всех, в официальной обстановке по имени и отчеству, дома — по имени.

Так как неодинаковость именований русских зависела от разных причин: от возраста людей, от стиля речи, а в прошлом еще и от социального положения человека,— приходится, изучая историю русской антропонимии, учитывать не только эпоху, в которую зафиксированы именования, но и положение, возраст тех, кому они даны, и обязательно стиль речи, в которой они употреблены: деловые ли это бумаги, фольклорное или литературное произведение или устная речь. Кроме того, каждому, кто займется изучением именований, важно знать, в какой обстановке, кем, когда они произнесены или записаны.

Вот вы и познакомились с разными этапами истории именований русских людей: узнали, какой долгой и сложной жизнью жили имена, прозвища, отчества, фамилии, прежде чем они дошли до нас; как много тайн связано с их происхождением и существованием; как помогают антропонимы в изучении истории нашей страны, истории русского языка.

Но узнали вы и о другом: много еще белых пятен в антропонимике — не обо всех именованиях русских людей в разные эпохи пока известно; даже современные фамилии изучены еще плохо, потому что не все они попали в поле зрения исследователей. Еще меньше знаем мы о современных прозвищах, и даже имена, особенно неполные и оценочные, исследованы недостаточно хорошо.

В поисках и в изучении именований можете помочь вы, ребята. Каким образом?

Эту книгу для школьников автору помогали писать сами школьники и студенты. Прежде чем рассказать о том, как сложились современные именования, нужно было изучить множество фактов. О ранних этапах жизни именований рассказали памятники, о современных именованиях в деревне — материалы диалектологических экспедиций, об антропонимах делового, официального языка — данные книг загсов, разного рода документы. А где можно было почерпнуть материалы о таких современных именованиях, какие употребляются в повседневной разговорной речи? Ребята и помогали собирать современные прозвища, фа-

милии, уменьшительные имена. Ни один взрослый человек без помощи ребят не справился бы с этой работой. Школьники не только добывали факты, но старались узнать историю каждого именования, причины возникновения прозвищ, предания, связанные с происхождением фамилий.

Так и вы можете помочь исследователям. Отправляйтесь в экспедицию — в поход за именованиями! По-разному уходят люди в экспедиции: можно с рюкзаком за плечами пройти десятки километров, а можно с записной книжкой и фотоаппаратом идти по своему селу или городу и узнать много нового. Можно отвести для сбора материала какое-то определенное время, а можно это новое собирать всегда и везде, постоянно. Вот в такой «поход» я и приглашаю тех, кто заинтересовался именованиями: внимательнее прислушивайтесь к именам, фамилиям, прозвищам, которые звучат вокруг вас, присматривайтесь к надписям на экранах кинотеатров и телевизоров, когда перед началом фильмов перечисляют действующих лиц и исполнителей ролей, внимательнее вчитывайтесь в книги, в газеты. Постарайтесь узнать, где, когда, как, почему могли появиться те или иные антропонимы, расспрашивайте о происхождении имен, фамилий, прозвищ тех, кто их носит. Только делать это надо тактично и доброжелательно, чтобы никого не обидеть. Многие люди нередко знают точные факты о появлении своих и чужих именований, а иногда — предания, легенды, передаваемые из поколения в поколение. Все это важно, все это ценно.

Но собрать именования — это еще полдела. А как разобраться в них?

Можно работать в одиночку: рыться в словарях, литературе по антропонимике. Но работать в одиночку да еще без помощи взрослых трудно и не так интересно, как в коллективе. Организуйте в школе кружок, попросите учителей помочь наладить его работу. Вы можете обратиться за советом на кафедру русского языка любого университета или пединститута (лучше такого, который находится в вашем городе или вашей области).

И тогда вы не только сможете собрать интересные для исследователей факты, но и сами узнаете много нового о людях, об их жизни в прошлом и теперь, об истории своего края, о родном языке.

Доброго пути вам в поисках нового!

Школьникам о русских антропонимах

Никонов В. А.
Имя и общество. М., 1974.

●

Петровский Н. А.
Словарь русских личных имен. М., 1966.

●

Суперанская А. В.
Как вас зовут? Где вы живете? М., 1964.

●

Успенский Л. В.
Слово о словах. Почему же иначе? Л., 1971; Ты и твое имя. Имя дома твоего. Л., 1972.

●

Федосюк Ю. А.
Русские фамилии. М., 1972.

●

Чичагов В. К.
Из истории русских имен, отчеств и фамилий. (Вопросы русской исторической ономастики XV—XVII вв.). М., 1959.

Оглавление

●

Полякова Елена Николаевна.

ИЗ ИСТОРИИ РУССКИХ ИМЕН И ФАМИЛИЙ.

Редактор *Н. А. Уланова.* Художник *В. В. Медведев.* Художественный редактор *Т. Г. Коновалова.* Технические редакторы *В. В. Новоселова, Е. В. Богданова.* Корректор *П. Т. Нигель.*

Сдано в набор 22/XI 1974 г. Подписано к печати 12/VIII 1975 г. 84×108¹/₃₂. Бум. тип. № 2. Печ. л. 5,0. Усл. печ. л. 8,40. Уч.-изд. л. 8,67. А08578. Тираж 100 тыс. экз. Зак. 1672. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение» Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41. Полиграфкомбинат им. Я. Коласа Государственного комитета Совета Министров БССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Минск, Красная, 23. Цена 23 коп.